

Андрей Вилорович НОР родился 10 сентября 1960 года в Ростове-на-Дону. По специальности — морской биолог. С 1982 г. живет во Владивостоке, работает в Тихоокеанском океанологическом институте ДВО РАН. Автор ряда статей по гидробиологии.

В спелеологию пришел в 1984 году. Водолаз 2 класса, провёл под водой около 1500 часов. Инструктор по спелеотуризму и подводному спорту.

БИБЛИОТЕЧКА СПЕЛЕОЛОГА

Андрей НОР

МЧИШТА

Дневники спелеоподводника

Шурику, Лене и Димке Кашлевым посвящается

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО МФТИ
1995**

ББК 26.8
Н82
УДК 551.4 + 796.5

Редакционная коллегия:

К. М. ДУБРОВСКИЙ, **В. Э. КИСЕЛЕВ,** Г. М. СИГАЛОВ

Художник О. Ю. ДУБРОВСКАЯ

Автор и редколлегия благодарят ПО «Союз» в лице Низами Абдулгамидова, АО «Спецкровля», Дмитрия Леонидовича Глазырина и многих других за моральную и материальную поддержку в издании книги, а также Виктора Комарова за внимательное прочтение рукописи и ценные замечания.

Н82 А. В. Нор. Мчишта. Дневники спелеоподводника.—М.: изд-во Моск. физ-техн. ин-та (Библиотечка спелеолога), 1995.—96 с. Ил.

Во втором выпуске популярной серии «Библиотечка спелеолога» рассказывается о трудной, порою трагичной, но увлекательной жизни и работе спелеоподводников.

Для спелеологов, подводников, спортсменов-туристов и широкого круга читателей.

Н ~~185040300—001~~ без объявления
~~1Т4(03)—95~~

ББК 26.8
УДК 551.4 + 796.5

- © А. Нор, текст. 1995
- © О. Дубровская, иллюстрации. 1995
- © Объединенная редакция спелеоклуба «Барьер». 1995

ЧТО ТАКОЕ МЧИШТА

(Вместо предисловия)

В горах между Гагрой и Гудаутой лежит сильно закарстованный Бзыбский известняковый массив с высотами более 2300 метров над уровнем моря. В последние годы это место паломничества не только спелеологов бывшего Союза, но и иностранцев. Каждое лето на вокзале в Гагре можно встретить группы с большими рюкзаками, касками, веревками и продолговатыми мешками — транспортниками. Это — экспедиции. На Бзыби разведано немало пещер, среди них глубочайшая пропасть Союза — Пантюхинская (-1508 метров) и ряд других более километра глубиной. Работа в них продолжается, но с каждой сотней метров нарастают трудности, по сложности экспедиции вполне сравнимы с альпинистскими в Гималаях,

Эксперименты с окрашиванием воды в нескольких пещерах флуоресцентными красителями показали, что практически все талые и снеговые воды массива выходят в одном месте. В пяти километрах от моря, недалеко от поселка Блабурхва, из горы вытекает река Мчишта, иначе говоря, крупнейший в бывшем Союзе карстовый источник с расходом до 200 кубометров в секунду. Прохождение гидросистемы с перепадом высот около 2350 метров обещает открытие самой глубокой в мире пропасти.

Когда у меня появляется желание потреться, я рассказываю про последний непокоренный полюс Земли (подразумевая оба географических полюса, Марианскую впадину и Эверест), про то, что там каждый новый шаг — открытие неизвестного. В сущности, это так и есть, но обычно мы предпочитаем об этом не говорить, а — работать. Может быть, поэтому каждый новый поход к полюсу или очередное восхождение на Эверест известны читателю гораздо лучше нашей работы. Может быть, поэтому мы так бедны снаряжением, большей частью самодельным, ездим за свои деньги и в свои отпуска. Институт медико-биологических проблем не заставляет нас проходить строгую медкомиссию и не снабжает космическими рационами, нет изнурительной подготовки, конкуренции и строгого отбора. Может быть, отчасти из-за этого и наши жертвы.

Впрочем, ближе к делу. Соблазн проникнуть в пещеры Бзыби снизу появился давно. С 1976 года на Мчиште начали нырять, с тех пор почти ежегодно там работает 1-2 экспедиции. Входной сифон, то есть полностью затопленный вход в пещеру, оказался сложным, даже, пожалуй, (в продолжение перечня «крупнейших» и «глубочайших») самым сложным в Союзе. Проникновение в него развивалось с нашим опытом, все эти годы Мчишта оставалась мечтой для начинающих и эталоном для опытных спелеоподводников. Только в 1986 году наш безусловный лидер — красноярец Петя Миненков и еще один вполне достойный события подводник — ростовчанин Володя Грицихин* в двойке на -45

*) Интересно, что именно у Володи я учился на первых в своей жизни курсах аквалангистов при ростовском ОСВОДе. Позже мы сдружились, но из-за дальности виделись очень редко. И независимо друг от друга пришли к Мчиште.

метрах прошли самое глубокое место — перегиб — и всплыли в воздушном пузыре с другой стороны. Был пройден самый сложный участок и проложен ходовой конец — «нить Ариадны» который так отличает последующие прохождения от первопрохождений. Безопасными они, впрочем, не становятся. Первый пузырь оказался «слепым», нам предстояло искать проход в сухую часть пещеры. Таких проходов сейчас найдено два, они названы вторым и третьим пузырями.

На сегодня суммарная длина картированных ходов составляет около четырех с половиной километров. Неотснятых и непройденных участков много — работы хватает. Есть новые сифоны, основные из них — второй и третий, они остановили наше продвижение вдоль двух основных русел — во втором и третьем пузырях. В этих сифонах уже ныряли, но пока не прошли, оба еще сложнее первого. Впрочем, подземная Мчишта — это лабиринт, и не исключено, что удастся найти «сухой» обход этих сифонов.

Сделанное после прохождения входного сифона потребовало немалой работы и принесло целую кучу приключений, которые интересно воскрешать в памяти через несколько лет, но куда приятнее — избегать. Порой остается страх от погружения, преодолеть его не всегда удается и тогда воспоминания приносят мало радости.

Обо всем этом я и написал в своих дневниках. Я не обольщаюсь по поводу своих литературных способностей, да и участие в работе не так велико, я просто рядовой боец и единственный графоман на всю компанию. Эти дневники писались в спальнике после ужина, в дороге, изрядная часть — при свете свечи в подземном базовом лагере. Поначалу они вовсе не предназначались для публикации, эта идея возникла позже. Я благодарен спелеоклубу «Барьер» Московского физико-технического института и всем, кто помог осуществить издание.

Отдельно хочу поблагодарить своего друга и скромного спонсора Сергея Донского, директора фирмы «Новые технологии в бизнесе», предоставившей компьютер, на котором выполнена большая часть работы с текстом. Вообще, спелеология — нетронутое поле деятельности для спонсоров, и если у кого-то возникнут идеи, можно связаться со мной по адресу: 690041 Владивосток, ул. Балтийская, 43, ТОЙ ДВО.

Закончить хотелось бы цитатой из книги Валерия Рогожникова «Крутые рассказы старого спелеолога» (Киев, 1993): «Этот год был трудным для всех нас. Пока на Кавказе делили власть, территорию и патриотические чувства, по Украине победным шагом маршировала безработица, Россия готовилась к традиционным боям с татарами за сохранность священных границ, мы, ограбленные новыми ценами, все-таки выехали на Кавказ. Не все... конечно. Кое-где в Абхазии шли бои, и многие не рискнули. Или просто не привыкли к перестрелкам». Но те, кто рискнул, нормально отработали. Стало быть — все-таки можно! Мы не надеялись, что этот кошмар быстро закончится, но и не сомневались в том, что все равно будут новые экспедиции, новые открытия! Пора собирать рюкзаки. Пожелайте нам удачи!

Андрей НОР

Владивосток, 1994 г.

МЧИШТА, ЗИМА 1988

1 января

Приехали на форелевое хозяйство поздно вечером, встретились с остальными участниками. Из старых знакомых приятно видеть Серегу Илюхина из Ленинграда и красноярцев. Из них есть Валера Бажитов, Женя Глаголева, и позже, пятого января, подъехал Витя Чанчиков. Петя Миненков из Красноярска, Витя Яшкин из Ростова и кто-то из пока незнакомых были на сифоне, остальные — здесь, в бильярдной.

...Красноярец Андрей Скачков с загубником во рту протянул руку из кучи спальников. Это было неожиданно, и я поинтересовался, что за шутки. Объяснили — кессонка*. Он работал вторым после сшедшего до дна Сереги Перевалова (из того же клуба), на спуске прошел три бороды и влетел в четвертую на самом дне. Долго ее распутывал, успел запутаться и распутаться сам, просидел час на сорока метрах. Четырех баллонов для этого маловато, но надо сказать, что мужики из Красноярска отличаются хорошей подготовкой и очень экономно расходуют воздух. Он съел весь аппарат, порвал костюм и затек, после выхода сменил аппарат, отсидел еще час на декомпрессии и все-таки получил кессонку. Тяжелая работа, переохлаждение, превышение времени — и вот теперь дышит кислородом, согревается под кучей спальников и грелок. Никто не знал, что с ним делать, но вообще народ вокруг был как-то удивительно спокоен, видимо, все верили в доктора и начальство. Оказалось, что на этот раз с нами врач сборной Союза по скоростному подводному плаванию Саша Мишин. Он очень обрадовался, что у Рашита** оказалась с собой книжка с лечебными рекомпрессионными таблицами, явно не рассчитывал на такую практику. После долгих обсуждений было решено Андрея не трогать до следующего дня (в ночь на второе января на Кавказе трудно найти барокамеру). Доктор помучил его какими-то уколами в вены и в занемевшие ноги; накормил таблетками.

2 января

Утром у Андрея была нарушена координация движений, он ходил по дорожке под руку с доктором. Мчишта — место довольно живописное, и ему не хватало только помятой пижамы, чтобы выглядет среди пальм вполне по-санаторному. Рашит поехал в морской порт, договорился о барокамере и вернулся на Мчишту

* *Кессонная болезнь.* Из-за повышенного давления на глубине увеличивается растворимость газов в крови и тканях. При быстром всплытии газы не успевают удалиться с кровью в растворенном виде и образуют пузырьки, которые повреждают ткани, могут закупорить сосуды мозга, привести к остановке сердца. Для безопасного всплытия разработаны специальные таблицы выдержек. На 45 метрах (глубина нашего перегиба) можно провести несколько минут и всплыть без задержки; чем больше превышение безопасного времени, тем дольше должны быть остановки на 3, 6, 9 и более метрах.

** Рашит Бадрудинов — старший группы из Владивостока, председатель спелео-подводной секции клуба спелеологов.

за Андреем. Тем временем мы собрали 55 пустых баллонов и группой из 13 человек отправились на спасательную станцию в Адлер. Забивались до 23.30, потом попросились на ночлег на турбазу «Утро». В этот раз мы оформили работу как всесоюзный семинар спелеоподводников по линии Совета по туризму и экскурсиям. Большой группе участников оплатили дорогу и питание, поэтому мы рискнули попроситься ночевать на турбазу. Нам немало удивились, но пустили в туркабинет, там было холодно и вообще противно. Мы кое-как уснули, положив спинка к спинке ряды кресел вроде тех, какие обычно ставят в актовом зале.

3 января

Наутро веселая и шумная компания стала группой мрачных мужиков, у москвича Вити Рейснера температура поднялась до 39, остальные выплевывали легкие и заплетались ногами. Одолев обратный путь на Мчишту, немного отошли, во всяком случае постарались убедить себя в этом. После полудня были на базе, часам к пяти около десяти человек подготовились к погружению. У сифона собралась очередь; зная об этом, я не спешил, пришел последним и последним нырять.

Коха (Коля Авдеев, Владивосток) сразу затек и выскочил, потом, несмотря на потоки воды через шлем, все же заставил себя сходить до перестежки на восьми метрах. В этом месте на площадке расклинено упавшее сверху бревно, в начале экспедиции к нему привязывают реп с поверхности, в конце экспедиции реп снимается. Это удобно для декомпрессии и служит некоторой «защитой от дураков».

Ростовчанин Саша Захаров тренировался с кислородником*, но что-то у него не пошло, быстро вышел. Москвич Женя Войдаков ходил на дно и по дороге снимал на широкий «Кодак» гоп-компанию из Яшкина, Перевалова и кого-то еще. Рашит сходил на адаптацию до перегиба. На 39 метрах у него лопнула лампа-фара, которую до этого испытывали только отдельно от бокса с аккумуляторами — не хватало времени. Видимо, сейчас ее давило внутрь бокса и добавило. Хорошо, что он как раз выставил руку с лампой вперед, хлопок по ушам был чувствительный.

Петя Миненков командовал и обеспечивал; все, кто был готов нырять, как смогли отнырялись для адаптации и тренировок. Я отработал вполне прилично и был доволен. Когда мы приехали, Андрей Скачков обрадовался: наконец-то появились люди, которые потащат груз за сифон. Оказалось, что, хотя на базе собрались 29 человек, очень немногие имели достаточный сифонный опыт. Москвич Володя Киселев, Витя Комаров из Рязани и еще двое уехали нырять на другой объект, есть такое хорошее место — Хабю, они сами расскажут о нем при случае. Из остальных практически не в счет были три девушки и множество начинающих, которые приехали смотреть, обеспечивать, тренироваться. После первых спусков число наблюдателей увеличилось из-за пяти порванных ушей, последним из игры вышел Андрей Скачков. В целом оставалось

*) *Кислородный аппарат* состоит из баллона с кислородом, прорезиненного мешка, патрона, поглощающего углекислоту, и кое-какого железа. Сложная и опасная альтернатива аквалангу. Дыхание кислородом иногда используется для ускорения декомпрессии, кроме того, аппарат привлекателен большим временем работы, есть модели для больших глубин. В частности, два прибора собрали и обкатывают красноярцы. Надеюсь, что до использования в пещерах дело не пойдет.

человек пять, претендовавших на работу за сифоном. Надеялись также на владивостокцев, но от нас приехали: не нырявший в сифоны Коха, не вполне здоровый Рашит и, наконец, я — с новым, непроверенным костюмом, с двумя самыми простыми пещерными налобниками, с обычным комплектом водолазной шерстянки вместо нитронового белья.

В многочисленных экспедициях отработан неплохой комплект тепло-, водо-, скало- и пр. защитной одежды. На ноги мы надеваем связанные из полипропилена носки. Они грубоваты, но не задерживают воду и греют мокрыми. На голое тело — шерстяную сеточку с ячейками 1-2 сантиметра, она греет за счет воздуха в них. На сетку — нитроновое белье, достоинства те же, что и у носков: можно промокнуть насквозь, отжать и надеть на тело, оно сразу начнет греть, а за ночь высохнет. Если вода холодная, можно надеть свитер, поверх него — конденсажник. Это хлопчатобумажная майка, которую можно иногда снять и выжать для удаления пота. Потееет человек всегда, особенно при нагрузках, это становится проблемой, поскольку на конденсатник надевается гидрокостюм. Костюмы клеим сами, они весят около килограмма и потому являются предметом нашей законной гордости и даже предметом зависти для иностранцев. От острых камней «гидру» предохраняет комбинезон из прочного капрона. Осталось обуть сапоги или кеды, надеть каску с двумя фонарями (один запасной), прочные рукавицы — верхонки, и — вперед. Удобный покрой, малый вес позволяют во всей этой куче одежды нормально жить — нырять, лазить ползком в узостях, работать под водопадами и на скалах. В сильно обводненных пещерах «гидру» снимают только на ночь и для отправления надобностей (есть, впрочем, наработки и для этого, но пока не общепринятые).

Перед экспедицией сменил диоптрийную маску на контактные линзы и не успел в них нырнуть, не успел отработать поддув в новом костюме. После перерыва в нырянии не знал, как будут работать уши, и вообще, главное, на сорок метров до этого нырял всего однажды два года назад в «мокром» костюме, после этого не было возможности. Из всего этого понятно, почему на вопросы о планах я неопределенно говорил, что адаптация покажет, и готовился к сложным тренировкам, а там, если повезет и все будет удачно... О работе за сифоном Мчишты, которая может состояться после тренировок, я мечтал уже давно, а последние два года вполне конкретно, были другие экспедиции и сифоны, и даже был «отработан заезд» на Мчишту, но помешал зимний паводок 1987 года.

Когда я все это вспоминаю, перед глазами обычно появляется одноклубник Саша Ратников и укоризненно говорит обычное — мол, что же ты только мечтал, а кто готовиться будет? Я делаю соответствующую этому частому разговору мину и скучно повторяю о своей работе, об экспедициях и разъездах, о том, что меня и так скоро уволят. Обе стороны правы, мы машем друг на друга рукой и расходимся.

Решающее погружение прошло как нельзя лучше. Пугали кучей проводов, бесконечными бородами — результатом работы многолетних экспедиций. Затащить в сифон ходовой конец* гораздо легче, чем достать его оттуда. Последний из тросов стоит уже несколько лет, но мы не расслабляемся.

В обычное время течение в сифоне незаметно, но в паводок напор резко возрастает, и концы иногда рвутся. Обрывки падают вниз и скапливаются на

*) *Ходовой конец* обозначает трассу, вдоль которой ходят подводники, пристегнутые карабином на коротком поводке. Прокладывают его со специальных катушек, обычно это прочный провод, нержавеющей тросик, фал диаметром 4-6 миллиметров. Вдоль трассы его стараются закрепить, накреплениях приходится перестегиваться.

перегибе, образуя клубок — бороду. Запутывание — это неприятность, о которой приходится помнить постоянно, чем больше вокруг концов и узлов, тем напряженнее себя чувствуешь.

Впрочем, это все к слову. Бороды, видимо, были уже убраны, и я их почти не видел. Опускаясь медленно, осматривался, вслушивался во все, привыкал ко всему, продувал уши и поддувал костюм, любовался всеми своими приборами (часы, глубиномер, манометр), пробовал разнообразные позы и гасил свет — в общем, адаптировался и развлекался как мог. По дороге распутал маленькую бороду где-то на восемнадцати метрах, с двадцати началось галечное дно, и так потихоньку добрался до перегиба. Это была моя победа, я понял, что есть шанс поработать за сифоном. Плавучесть при десяти килограммах грузов была небольшая отрицательная, свет худо-бедно, но вполне нормален для той прозрачности, видел я с линзами замечательно и остался вполне доволен. Особенно порадовал травящий клапан на голове, он как-то незаметно делал свое дело, сохраняя «оптимальный обжим», сколько я ни поддувался. Даже на возвращении, когда с двадцати метров я пробовал подъем на скорость, он прекрасно справился без моего участия.

О подводном снаряжении. Основной свет нужен помощнее (а на первопрохождении возможно более мощный), считаются обязательными часы и глубиномер, но, к сожалению, не у всех бывают. Об обязательности ножей мы пока спорим — каждый ли готов «семь раз отмерить», запутавшись в ходовом конце, разрезание которого грозит очень серьезными проблемами. Ласты и маски обычные. В одежде под костюмом много воздуха, «нулевой» или нейтральной плавучести добиваются поясом свинцовых грузов. Плавучесть может быть положительной (легче воды) или отрицательной. На глубине воздух под костюмом сжимается, костюм обжимает, движения сковываются, увеличивается отрицательная плавучесть. Давление под костюмом выравнивают «поддувом» — специальным приспособлением от акваланга или особым приемом через маску и шлем костюма. Вокруг пояса обвязывается короткий реп с карабином (на ходовой конец).

За полчаса адаптации я истратил 110 атмосфер из двух баллонов, при средней глубине 20 метров это меньше 20 литров в минуту, т.е. вполне нормально. Не было меня довольно долго, и для подстраховки сверху отправили Рашита. Мы встретились у перестежки, обменялись знаками «о'кей» и вместе вышли. Петьке показалось, что я израсходовал много воздуха и вообще долго ходил, но я объяснил, что поскольку с начатыми мной баллонами все равно уже никто не пойдет, хотел адаптироваться «на полную катушку». Резервный баллон истратил только на один вдох, когда пробовал смену легочника. Позже в бильярдной Петя спросил — считаю ли я себя готовым пойти за сифон, я ответил, что готов попробовать. Воздуха было мало, и решение отложили на утро.

4 января

Утром решили, что на прохождение идут Миненков, Перевалов, Яшкин, Войдаков, Бадрудинов и Крамаренко. Воздуха было с учетом всяческого резерва только на шестерых; когда к Пете подкатила Женя Глаголева, он ответил, что, мол, воздуха не хватило даже для Андрея Нора. Это было некоторым утешением.

Чтобы не бездельничать, вызвался ехать на зарядку баллонов. Желаящих, кроме Кохи, не нашлось. Мы взяли 9 баллонов и решили попытаться счастья не в Пицунде или Гагре, куда ездили до этого, а в Гудауте, и это оказалось неожиданным удачей. На спасательной станции застали обычную полупьяную

компанию курортных водолазов, которые сразу назначили рубль за баллон, но, пока говорили, подошел какой-то старик, стал задавать вопросы, а потом вдруг распорядился забивать нам столько баллонов, сколько мы привезем, бесплатно и без споров. Он разрешил отрегулировать травящий клапан компрессора на 200 атмосфер и даже довез нас до автостанции на своей машине. Позднее мы забивались там еще несколько раз, договорились на следующий год перебрать им фильтр, председатель ОСВОДа Георгий Максимович* предложил работу по очистке пляжей — словом, тут нам повезло. Удачей, было и то, что туда ходит автобус с.самой Мчишты, водитель дядя Саша уже здороваётся с нами и по своей инициативе подвозит к воротам.

Все это, впрочем, было потом, а пока мы с Кохой вернулись на базу и увиделись, встретив там Рашита. Оказалось, что во втором пузыре он встегнулся не в тот ходовой конец и вернулся в первый пузырь, из-за ограниченного запаса воздуха пришлось возвращаться на поверхность и объяснять ситуацию Петьке по телефону. Вообще, уходили они туда с полными четырехбаллонниками и тащили еще баллон в руках на дорогу. Кто-то из москвичей пошутил: «Куда там Хазенмайер!»**.

Когда мы приехали, нас попросили отнести по баллону с легочником на двадцать и на тридцать метров и достать три баллона с перестежки на восьми метрах. Оказалось, что больше лезть некому: Рашиту нужна будет большая декомпрессия и он приболел, у остальных — порванные уши, недостаток опыта или еще что-нибудь.

Еще одно, пожалуй, наиболее частое и наименее опасное из «водолажных» заболеваний — баротравма уха. Среднее ухо за барабанной перепонкой заполнено воздухом, «давление в нем выравнивается через узкие евстахиевы каналы, сообщающиеся с носоглоткой. Каналы забиваются при насморке, могут пережиматься напряженными мимическими мышцами при дискомфорте. Проподимость их тренируется погружениями, но остается индивидуальной. При быстром погружении уши начинают болеть, это значит, что пора «продуться» — зажать пальцами нос и резко в него выдохнуть. Иногда это не помогает, тогда советуют зевать, глотать и даже свистеть. Я для себя отработал особое движение челюстью, но все равно бывают проблемы. Если вовремя не продуться — тонкая барабанная перепонка рвется, боль проходит, в ухе становится тепло от небольшого количества крови. Ухо больше не беспокоит, и о баротравме часто узнают только на поверхности по крови на шлеме. Как правило, через три дня перепонка зарастает, через неделю врач может допустить к погружениям. Иногда бывает хуже — воспаления, свищи, потери слуха и равновесия, — но, к счастью, редко.

Я сказал Кохе, что поначалу лучше делать все очень медленно, больше смотреть по сторонам и обдумывать каждое движение. В этом была большая ошибка, то есть на самом деле, конечно, не в этом, а в моей оплошности: закрутил в жгут слишком много «аппендикса» гидрокостюма и, когда задираю голову, на подбородке оттягивалась щель. Это я узнал позже, когда работу еще не сделал, но уже затек.

Взял свой баллон, спустился до перестежки, долго мерз и ждал Коху. Не дождавшись, забрал три пустых баллона, закрепил свой полный и вернулся на поверхность, перехватив по пути Коху. Отдав баллоны, сказал Кохе, что нужно идти еще раз, и сейчас побыстрее. На глубине около пятнадцати метров лежала

*) Тот самый старик, фамилию я не спросил.

***) Йохен Хазенмайер — известный немецкий спелеоподводник.

куча телефонного кабеля, не такая большая, но мне хватило, чтобы как-то незаметно влететь в нее карабином баллона, потом своим карабином и аппаратом. Пока избавлялся от всех петель, подумал, что сейчас сверху съедет Коха, как сразу же по тросу приехал второй баллон. Коха остановился на подходящем расстоянии, чтобы подсветить, но не мешать. Оба мои света почти сели, и он здорово помог. Я распутался, и мы пошли дальше, но было уже совсем скучно. Мой свет кончился, я согрелся крупной дрожью и решил дальше не рисковать. Закрепил оба баллона на двадцати метрах, показал Кохе глубину-мер и дал сигнал на выход.

Сухой одежды уже не осталось, вывесил на веревку все, что было, включая трусы. Спасибо Шуре Захарову — выручил тельняшкой и свитером.

5 января

Утром пришла машина от нашего старого знакомого Володи Резвана из Адлерской гидрогеологической лаборатории, которая заинтересована в нашей работе и помогает чем может. Вчетвером загрузили 20 баллонов и поехали в Гудауту. Несколько позже вторым рейсом шофер привез пустые баллоны, с которыми парни вернулись из-за сифона, но подробностей нам не сообщил, между тем они были очень важными. Раньше из телефонных разговоров мы знали только о том, что ребята прошли с топосъемкой около 600 метров и дошли до озера. Мы спокойно дозарядили баллоны и приехали на той же машине на Мчишту, где были встречены встревоженной толпой. Оказалось, что Голуб во втором сифоне порвал маску, а у Вити Яшкина маска утеряна, порваны оба уха, и он заработал кессонку, они уже семь часов ждут помощи в первом пузыре. Петя вернулся за сифон, чтобы не тесниться в первом пузыре, и сидит на телефоне.

Потом мы узнали, как это получилось. Больше суток без сна, в тяжелой работе под землей — это немало, и мы должны были быть готовы к ошибкам и неприятностям. Войдаков и Перевалов вышли нормально, за ними шел Витя. Внизу он проскочил реп, который Рашит до этого закрепил для обхода большой бороды на дне, попал в эту бороду и запутался. Когда распутался, решил вернуться в пузырь из-за недостатка воздуха, но скорее всего по ошибке. На всплытии началось сильное головокружение. Позже, когда я там же всплывал, казалось, что иду по спирали. Было неясно, идет ли так ход, крутит ли течение или это только ощущения, вызванные отсутствием ориентиров и смещением центра тяжести. Было впечатление, что крутит очень быстро, очевидно, против нас работал в какой-то степени и дискомфорт. На разборе выяснилось, что такие ощущения были у многих, а еще позже мы научились ждать этого и относиться к этому с философским спокойствием — хорошего, конечно, ничего, но не так уж опасно и ничего с этим не сделаешь. Но это все было потом.

Витя зажмурил глаза, попробовал всплывать, оставив на дне транспортный контейнер с фотоаппаратурой. На всплытии у него стал заканчиваться воздух. Он не мог найти второй легочник, продолжая подъем, шарил рукой и находил то свет, то карабин. Похоже, что загубник он нашел уже недалеко от края, за которым теряют остатки сознания. После первых же хороших вдохов стало легче и перестало крутить. Рванул наверх, при попытке стравить воздух через шлем сорвал маску и вылетел на поверхность. Петька тут же дал ему свою маску и велел отсидеть 3 и 6 минут на 6 и 3 метрах, но Витя недосидел, и,

когда вышел, его немного ломало*. Дальше Петя ушел за третий сифон и там остался, а парни «разгидрились»** и мерзли мокрые го сидя, то стоя согнувшись, как позволял камень. Помочь им могли только с поверхности.

Когда мы приехали из Гудауты, у мужиков шел тридцать шестой час подземки и четвертый час спасработ. Из тех, кто был на Мчиште, нырять было уже некому — кто за сифоном, кто уже ходил и потребует долгой декомпрессии, кто не подготовлен, кто болен. Рвались в бой, естественно, все, но Петька по телефону запретил идти добровольцам и назвал только нас с Рашитом. Когда Рашит не смог, опять посыпались предложения, вызвались Доктор Саша (мужик вполне толковый, но до этого всего однажды ныривший в сифон) и Андрей Скачков, только что вышедший из барокамеры. Эти двое быстро друг другу запретили, потом нашлись еще какие-то люди, в конце концов Жень Войдаков принял командование, и было решено отправить меня и Серегу Перевалова.

Я плохо представлял, как все это будет выглядеть — сказали, что Яшкин в тяжелом состоянии и его надо будет транспортировать вдвоем, сифон мной ни разу не пройден... Так меня никогда не собирали. Кто-то готовил аппарат, несколько человек помогали одеваться. Сухой одежды у меня уже не было, снял тельняшку с Захарова, нитронку с Кохи, шапку с Леши Жарова из Архангельска. В моем свете надо было менять блоки и проверять, поэтому Войдаков предложил свою каску с двумя длинными фонарями, Витя Рыбкин из Керчи дал налобник, который я повесил на шею на случай потери каски. Аппарат увидел уже у воды — четыре баллона, три легочника, на спаренных баллонах манометр.

Серега ушел вперед — он должен был на дне, на перегибе, подобрать уже заброшенный кем-то трехбаллонник. Я взял с собой «Украину»*** и пошел следом. Шел медленно и тяжело — «Украина» лежала на дне и застревала где только можно, появились проблемы с ушами. Собирали меня быстро и не предупредили о репе, который Рашит наладил для обхода бороды. На дне я был озадачен, когда дошел до конца основного ходового конца, к нему был привязан более тонкий тросик, а дальше от тросика отходил какой-то реп. Решил попробовать пойти по тросику, так как знал, что это главный ходовой конец, но уже чувствовал себя неуютно. Через несколько метров тросик вошел в такой клубок, что стало совсем противно. Впереди была беспорядочная куча концов, из которых только один вел в нужном направлении, а остальные должны были где-то кончиться, вся эта куча лежала на сорока пяти метрах, впереди и сзади — непростой путь наверх. То, что я здесь не первый, в тот момент помогало слабо. Кое-как выбрал то, что показалось подходящим. Позже мне рассказали, что тросик там еще навит в несколько оборотов на какую-то глыбу, так избавлялись от слабину. Не знаю, возможно, глыба и была. Во всем этом путалась еще взятая с собой «Украина»...

За бородой стало проще. Попал на глинисто-песчаный < клон, где до этого не был. Когда поднялся по нему до 35 метров (конец склона, начало участка вертикального всплытия), показалось, что кончается воздух в двухбаллоннике. Шел я все-таки уже довольно долго — минут 20-25, задержался из-за ушей перед перегибом, проходил бороду и вообще замешкался. Переключился на один из баллонов, стало легче дышать, и выход прошел без проблем, хотя и по спирали. Это,

*) Первые признаки кессонной болезни — кожный зуд и боли в суставах.

**) Это слово из нашего жаргона означает, что они сняли гидрокостюмы по пояс.

***) «Украина» — распространенный отечественный акваланг.

впрочем, не мешало. Под конец с перепугу сделал серьезную ошибку — показалось, что уже поверхность, а так как знал, что конец завязан под водой и уровень повышался, выстегнулся не доходя до узла. Конец всплытия вообще был некомфортным — баллоны без поясного ремня всплывали, я спешил и сильно раздувался, но надеялся, что не придется останавливаться для стравливания воздуха. Траваший клапан почему-то работал хуже, чем на первом и втором спусках.

Так или иначе, я вышел в пузырь, увидел этот камень и сидящих на нем Голуба и Яшкина, в врде плавал Серега. Витя был в приличном состоянии, уши оказались целы, и кессонку он вроде бы не ощущал. Возможно, она почувдилась ему с перепугу (кто ищет, тот найдет симптомы), возможно, он задавил ее, сосредоточившись на трудностях. Так или иначе, единственной, но очень серьезной проблемой перед выходом оказались переутомление и переохлаждение. Я не знаю, на чем они еще держались, — шел тридцать восьмой час выхода и восьмой час сидения-стояния на камне в мокрой одежде. Выдал им переданные доктором таблетки глютаминовой кислоты (от переохлаждения).

В воде под камнем сразу шел отвес, стоять было негде. Пристегнули с Серегой аппараты к свисавшему с камня репу и вылезли на камень ждать Петьку. Ждать пришлось недолго. Петя принес телефон, связались с поверхностью. Первым в одиночку пошел Серега — ему предстояла большая декомпрессия и выйти надо было быстрее. Когда по телефону сказали, что он вышел, собрались идти мы с Голубом. Я, а потом он, должны были спуститься до конца отвеса на 35 метрах, затем он пристегнется ко мне, чтобы избежать лишних перестегиваний по дороге, и я буду сопровождать его на поверхность.

Оказалось, что в двухбалленнике у меня еще 50-60 атмосфер, один начатый баллон и один полный. Этого должно было вполне хватить, во всяком случае до заброшенного днем раньше баллона на двадцати метрах со стороны входа. Когда начался спуск, оказалось, что аппарат сильно всплывает (кто-то привез семилитровые баллоны весом по шесть килограммов, а поясного ремня у меня не было). Само по себе это не мешало, но аппарат сдвигал на лоб каску, каска — маску, а маска — шлем костюма. Я сильно затекал, при попытках продуть маску получалось еще хуже и приходилось зажмуриваться, чтобы не потерять контактные линзы. Добиться, чтобы воды было меньше, чем полмаски, не удалось, я шурился и был готов к тому, что маска сползет совсем. Продувая уши и поддувая костюм, сражаясь со снаряжением, спустился до двадцати метров. В это время кончился воздух в начатом баллоне. Дососал его до упора. Не было надежды, что дальше будет легче, а при таком расходе воздуха могло не хватить даже до заброски. Возвращение в пузырь еще более осложняло спасработы, но другого выхода не было. На всплытии, проходя мимо Голуба, показал ему сигнал на возвращение, выстегнулся, обошел, встегнулся и вышел в пузырь. Дальше быстрый разговор с Петькой:

— Где Голуб?

— Я сигнал на всплытие дал, но если он решит не возвращаться — будет лучше.

— Догоняй.

— Не с чем.

— Бери «Украину».

— А дальше что?

— Будем думать.

— А страховочный легочник?

— Твой аппарат.

— Тогда надо все-таки найти реп, иначе не пройду.

До ухода я пробовал выпросить кусок репа, чтобы привязать аппарат к поясу, но не очень настойчиво. Разговор кончился тем, что Петька сам взял «Украину» и пошел за Голубом.

Витя, похоже, отключался, дремал расслабившись, потому что начал задавать всякие странные вопросы — куда делся Петька и почему он ушел один. Узнав подробности, возмущился и обиженно замолчал. Я связался по телефону с Женькой из Красноярска, рассказал о событиях, в ответ — молчание. Потом ответ: ладно, ждем Петьку. Затем доклад: вышел Саша, чуть позже — Петя. Настроение совсем не боевое, по правде говоря — было тошно. Я знал, что после нас с Серегой идти в сифон уже некому, когда и с каким воздухом удастся выбраться, сколько сидеть на камешке — одному богу известно, а что будет с Витей?.. Увижу ребят и небо вместо потолка пещеры над головой — можно будет расслабиться. Пока же — только огромное напряжение.

Нас спас Петька. Он сходил еще раз (я потом узнал, что всего во второй, а тогда ждал кого угодно, но не его) и принес мне отличный подарок — два тяжелых нержавеющей баллона по десять литров объемом и по 15 кг весом, их взяли на спасательной в Адлере. Дальше все было проще. Петя сказал мне посидеть 6 минут на 12 метрах, 10 — на шести и 20 — на трех метрах, я сдвинул груза на живот, и с погружением проблем не было. Цеплялся за ходовой, чтобы не слишком проваливаться, и быстро поддувался. Отрицательной плавучести было от 12 до 15 килограммов, 10 — от баллонов, остальное — от избыточных грузов и принятой в костюм воды. Поскольку кончились проблемы, уши тоже отпустили, нормально прошел и вышел на поверхность. Отсидел на перестежке, потом 10 минут на 6 метрах, самое неприятное — 15 минут на трех метрах, больше не смог из-за холода. Напряжение отпустило. Потом увидел впереди свет, вышел, сел у остра, закурил. Эти ощущения может понять только тот, кто оказывался в такой ситуации.

Раздеваться не стал — подождал мужиков. Когда они дошли до перестежки у бревна, отнес и предложил им кислородник. Было непонятно — берут они его или нет. Шедший впереди, видимо Петя, крутил в руках табличку декомпрессии с карандашом. На мое появление с кислородником последовала невнятная жестикуляция. Я показал рукой на его табличку — напиши, мол, чего хочешь, он в ответ показал мне свои часы. Я понял, что договориться не удастся, положил перед ним ИДА* и вышел назад. (Позже узнал, что в ИДА включаются на поверхности и передают загубник изо рта, моя помощь была бесполезной). Через некоторое время появился Яшкин, чуть позже Петя высунулся и попросил баллон, досидел с ним на декомпрессии и уже окончательно вышел. Спасработы были закончены.

Из забытых подробностей

Когда Голуб вышел на улицу, он через Женьку и меня передал Яшкину, что там «Хорошо-то как!». Мне пришлось отвечать, что Виктор непечатно ругается на весь пузырь. Сейчас уже не могу сказать — помогло нам это или нет.

Сам я просидел с Яшкиным от часа до двух, не засекал, с подводным временем — до четырех часов. Переход туда занял полчаса, полчаса ушло на

*) ИДА — изолирующий дыхательный аппарат, то же, что и «кислородник».

декомпрессию, об остальном подводном времени ничего сказать не могу. Съел четыре глютаминки.

Пока сидели на камне, пробовал развлекать Яшкина разговорами и анекдотами, но он слабо реагировал, и я решил не приставать. Спросил, есть ли у него дети, и, уже спросив, понял, что в его положении вопрос может быть понят неправильно. Пришлось добавить, что «это я просто так». Вот, в основном, и все о спасработках.

6 января

Приехала часть группы Киселева из Хабю. Уезжал Коха — у него кончился отпуск.

7 января

Последняя поездка на спасательную станцию в Гудауту.

8 января

Последний день. Собирал «узлы и чемоданы». Уже не нырял, сухой одежды не было, да не было и работы, а тренироваться в мокром не хотелось.

Петя Миненков и Витя Чанчиков ходили за сифон забирать вещи, нашли оставленный Яшкиным контейнер (позже оказалось, что фотоаппаратура залилась, и вспышки раздавило). После второго сифона сделали топосъемку 250 метров по наклонной плите, остановились перед разломом* глубиной метров пятьдесят, судя по звуку от камней.

На выходе у каждого было по восемь баллонов, на тридцати метрах с той стороны у Чанчикова началось головокружение, но он прошел перегиб и дошел до резервного баллона на двадцати метрах. При попытке его забрать выскользнул из ремня своего аппарата, вся гирлянда пошла вверх и повисла на втором плечевом ремне. Трижды пробовал, вставая головой вниз, достать эту лямку, раздувались ноги, с трудом возвращался в нормальную позу без аппарата. Выручил подошедший снизу Миненков — помог надеть лямку. Было уже не до баллона, вышли с декомпрессией.

Прошли последние тренировочные спуски начинающих. Случилось еще одно ЧП. Готовый аппарат лежал в воде с накрученными легочниками, с ним должна была идти Женька Глаголева. Народ крутился возле сифона. В воде никого не было, когда раздался не то сильный хлопок, не то взрыв, ударивший всем по ушам, а вслед за ним — рев воздуха из полностью открытого баллона. Андрей Скачков был ближе всех, бросился в воду, закрыл и вытащил аппарат. Оказалась съеденной резьба на накидной гайке, из-за этого аппарат выстрелил редуктором. Если бы это случилось немного позже — Женьке никто бы не позавидовал. Если бы в сифоне были другие люди, могли быть рваные уши и даже, возможно, легкие**.

Приехали Киселев и остальные, вечером состоялся длинный разбор полетов, на котором обсуждались все ЧП и полу-ЧП. Вообще, весь семинар мы проходили

*) Специалисты плюются и говорят, что разлом — это масштабом с километр, остальное — трещины. У спелеологов трещина — это куда палец не всегда проходит. Я позволю себе оставить «разлом».

**) Такой же случай произошел у нас на тренировке летом того же года: Саше Кашлеву разрубил шеку. Как я понял, не любой сорт латуни годится для таких самоделок (а взять негде), если еще токарь немного ошибся, от нагрузок со временем резьба «-плышет»... А без самоделок не получается.

по краю. Позже выяснился еще один случай — когда Сергей Перевалов шел с грузом на спасработы, на всплывти за перегибом, на вертикальном участке, где почти все испытывали головокружение, он потерял сознание. Пришел в себя на подходе к поверхности, на «автопилоте» продолжал дышать и шевелил ластами. На разборе говорили о плохом воздухе, о наркозе*, еще о чем-то.

Самое правдоподобное, на мой взгляд, объяснение дал Доктор. Сергей активно работал, тащил взятый на перегибе трехбалленник, спешил, при слишком быстром всплывтии мозгу не хватило кислорода. Возможен и наркоз, и апноэ (остановка дыхания) — в общем, какая-то невыясненная физиология. Андрей Скачков сказал, что это был «самый явный жмур». Трудно судить, кто из троих (Витя, Женя, Сергей) был более явным. Возможность не вернуться была и у Чана, серьезные неприятности получил Андрей. Некоторое ЧП было и со мной, хотя я контролировал ситуацию и вернулся спокойно, но Петьке пришлось из-за меня еще раз тащиться с грузом за сифон, и это достаточно серьезно.

ИЗ ВЫВОДОВ:

1. Во время поездки с баллонами в Адлер нам попался номер «Советского спорта» со статьей «Рукопожатие мертвеца» (первые номера 1988 года). В преамбуле, кажется впервые в нашей печати, упоминается «спелеоподводный спорт в СССР» — прекрасная реклама, черт бы ее побрал. Весь семинар мы проходили под знаком названия этой статьи, оно вспоминалось постоянно, и мы проскочили почти чудом. Что было бы, если бы наш первый союзный семинар закончился гибелью участника — не хочется даже думать. По общему мнению — то, что было, — ненормально, «так жить нельзя».

2. Подготовка к Мчиште, кроме сифонов, должна включать спуски на глубины 40 и хорошо бы до 60 метров. В этом месте пошли дебаты: москвичи и другие шумели — мол, где мы возьмем такие глубины — и ругали барокамеру. Я встрял с тем, что барокамера при регулярной тренировке — большая помощь для ушей, да и против наркоза в общем-то, тоже. Покончил с этим разговором Петя: делайте что хотите, ищите, ездите на море, приезжайте на летние сборы на Байкал, но на Мчиште без глубинного опыта делать нечего.

3. В дальнейшем на Мчишту надо завозить компрессор. Решили, что мы отправляем красноярцам головку, они доводят и привозят.

4. Надо сделать нормальную трассу, убрать со дна бороды и обводящий реп. Это потребует серьезной работы, но иначе нельзя.

5. О сроках следующей экспедиции конкретно не договорились. Рашит видел у Резвана график уровня, межень по многолетним данным приходится на октябрь и февраль. На разборе он предложил делать следующую экспедицию в октябре. Возможно, Владивосток, то есть мы подготовим трассу и базу, потом подъедут красноярцы (после Юбилейной и Всесоюзных соревнований) и те, кто будет готов, поработают за сифоном.

* *Азотный наркоз*, или глубинное опьянение, вызывается наркотическим действием азота при высоком давлении. Встречается обычно на глубинах за сорок метров, устойчивость к нему очень индивидуальна, снижается при переохлаждении, дискомфорте. Проявляется в эйфории, снижении самоконтроля, грубых ошибках, не всегда фиксируется пострадавшим — в общем, опьянение как опьянение. При всплывтии быстро проходит.

СЕЛО ТЛУГИ, ЗИМА 1988

Мчишта-Адлер-Кутаиси-Амбролаури-Тлуги. 8-14 января 1988 года. 11 человек: Володя Киселев, Рашит Бадрутдинов, я, Серега Илюхин, москвичи Игорь Галайда, Света Дунчевская (после семинара), ленинградцы Саша Сидоров и Мишка Бурмистров (только что вылезли, кажется, из Весенней), Андрей Малков (он же Змей), Глеб Семенов и Мишка Харитонов (москвичи, подъехавшие 11 января).

Район предстоящих работ давно обследуется москвичами. Три основных объекта — эставелла* Кидобана, на которой мы в этот раз не работали, пещеры Сакишоре и Долубистави. Добираться в Тлуги можно и через Никорцминда (приятные воспоминания 1987 года, когда мы там толково и дружно работали с Илюхиным, Бурмистровым и мужиками из Красноярска). От Тлуги нужно спросить дорогу к ферме, у развилки рядом с фермой повернуть налево. В трех километрах от Тлуги, сразу за пересекающей дорогу речкой, находится домик лесника — наша база с разрешения его хозяина Бесо — доброго знакомого Киселева.

В доме есть электричество, разваленная печь и множество щелей. Добиться разницы в температуре с улицей удавалось только напустив полный дом дыма, тем не менее мы иногда зачем-то топили. Здесь, в горах, в отличие от Мчишты, все было в снегу.

Народ подобрался вполне подходящий, если не считать того, что бедолага Змей из-за малого опыта многое делал не так, по дыре шел медленно и был постоянным объектом для шуток москвичей, иной раз довольно злых. Мужик незлобивый и безотказный, он сам назвал себя «группой обеспечения» — готовил, мыл посуду, ходил за водой. Впрочем, это все вступление. Итак, мы добрались до места утром 10 января. Света Дунчевская, Игорь Галайда и Серега Илюхин должны были уйти в Сакишоре, которая начиналась в тридцати метрах от дома, разбить базу на старом месте в 30-60 минутах от входа и заниматься топосъемкой. Они ушли в подземку после 15 часов. Илюхину надо было уехать раньше, договорились, что он поставит с ребятами базу, пройдет с ними по дыре, познакомится с пещерой и выйдет, а после выхода на его место пойдут Сидоров и Бурмистров, которым пока надо было доклеить гидры.

Мы с Володией и Рашитом к 18 часам подготовились и пошли работать в Долубистави. Там у входа начинается сифон, который уже был пройден Киселевым на 60/-15 метров без всплытия. Теперь предстояло идти дальше. Володя должен был нырять, я — страховать, Рашит — обеспечивать. Дорога до пещеры заняла около часа. Володя предупредил о снеге по колено и выше, поэтому я влез в гидру еще дома и изрядно запарился. До дыры нас проводил в качестве шерпы Сидоров.

*) *Эставелла* — относительно редкий тип карстовой полости, которая может выступать то в роли понора, то в роли источника, в зависимости от уровня воды в гидросистемах.

У пещеры окончательно оделись, прошли метров 30—50 по щелям и ручьям и угнездились на камешке над сифоном. Прозрачность воды оказалась вполне приличной, течение было, но едва заметное. Сифон представляет собой вертикальный разлом средней шириной на дне метра полтора, сверху гораздо уже и совершенно прямой. Володя уходил с трехбалленпиком, Рашит сидел выше меня и разматывал катушку телефонки. Я нацепил двухбаллонник и, свесив ноги в воду, сидел на конце* готовый к спуску, не стал надевать только шлем, чтобы лучше общаться с Рашитом. На катушке было намотано 300 метров телефонки, маркированной через 10 метров. Нам показалось странным желание Володи оставить катушку нам, но он был тверд и, вероятно, прав. Было договорено, что, если сифон окажется короче 100 метров, он вызовет меня, а дальше 200 метров не пойдет.

Конец уходил хорошо, похоже, что поначалу нигде не цеплялся. Володя довольно быстро разматал 100 метров и застрял на месте. Сигналы не проходили, шло что-то невразумительное, приходилось считать это случайным подергиванием или не понятым, не дошедшим сигналом. Сколько это продолжалось, не помню, но мы начали беспокоиться. Потом появилась слабость, стали выбирать, и через некоторое время Володя вышел. Оказалось, что он выныривал в пузырь, но смысла оставлять там провод не нашел. Сифон лучше проходить по дну; сделав точку крепления сверху, он был бы вынужден либо давать слабину, либо загонять того, кто пойдет следом, под потолок. Кроме того, предложение не предлагало разных вариантов.

Володя поинтересовался, буду ли я нырять, очевидно, из вежливости. Я переспросил — есть ли в этом смысл, он согласился, что смысла нет. Воздуха у нас было немного, тратить не стали.

Ночная дорога на базу очень понравилась. Совсем стемнело, на снегу от таяния и бог знает от чего еще образовались огромные кристаллы, в лучах фонаря все это искрилось и переливалось. Сначала шли по увалам с ельником, снег действительно лежал по колено и выше. Здоровенные еловые лапы были укрыты подушками снега. Оглянувшись, я не мог не засмеяться: Киселев с карбидкой на лбу здорово напомнил Деда Мороза с мешком подарков за плечами.

Дома мы застали уже вышедшего из дыры Илюхина и еще не собравшихся Сидорова и Бурмистрова. Мужики не суетились и вообще, похоже, решили идти утром, но Киселев на них косо посмотрел, и они заторопились на ночевку в пещеру.

Следующий день выдался не очень рабочим: пока Киселев клеился, подъехали три москвича, чуть позже распрощался и потопал с мешком Илюхин. Нескольким раз готовили еду, Рашит болел и от работы отказался, поэтому я писал дневник и ждал. Москвичи до вечера собирали снаряжение и дальнюю базу. В конце концов было решено идти утром. На третий день, 12 января, мы взяли по мешку и впятером отправились в подземку — три москвича и мы с Киселевым. Решено было нам с Володей (на этот раз мне) нырять, а остальным идти в дальнюю часть и ставить базу.

Поскольку дыра начинается пятиметровым сифоном, Володя попросил меня идти последним и проследить за ребятами. Когда все ушли, я еще какое-то

**) Сидеть на конце — поддерживать связь с подводником с помощью условленной таблицы сигналов.*

время воевал с аппаратом — у него трювала накидная гайка одного из легочников. Пришлось второй легочник пока не ставить. За сифоном оказалось, что кто-то утопил мешок с катушкой телефонки и моей каской. Нашел его на удивление быстро, хотя совершенно наощупь.

Пока топтались у сифона, потеряли время. Володя предложил нырания отменить, и мне пришлось с ним согласиться. Переплыв озеро, встретили Свету с Игорем — они собрались выходить на поверхность. Было не очень ясно — зачем, поэтому Володя попытался на них надавить и вернуть на работу. Давил довольно сильно, но они мертво стояли на своем и ушли. Рассказали, что отсняли 300 метров узкого и неприятно острого хода, ободрались, но их гидры целы, а у Сидорова здоровенная дыра с левой стороны груди, и нужно нести ему новый костюм. Киселев ответил, что это ни к чему: ремнабор есть, пусть клеится.

В базе застали обоих мужиков, они собирались выходить на работу, но не знали куда. Киселев объяснил нам дорогу (Глеб с Мишкой уже были в дыре) и пошел показывать им объект. Мы двинулись дальше, топали довольно долго, прошли одну навеску и дошли до второй. Первая навеска была сделана на отвесную пятиметровую гладкую глыбу, которая обходится по углу. Вторая навеска сразу за ней — двойные перила пересекают колодец. За колодцем — не совсем простые распорные подъемы — ряд неприятных при прохождении вверх с грузом мармитовых* колодцев. Наконец вывалились в сухую и объемную галерею с относительно ровным полом, идти по ней было одно удовольствие. Нашли приличное место, обрадовались и поставили базу. Позже, как водится, оказалось, что на пятьдесят метров дальше место совсем роскошное — сухой, ровный песчаный пол, но было поздноато. Чтобы оправдать свой выбор, решили, что стали ближе к воде.

У Мишки и у меня схватил живот. Мишка начал разгидриваться уже по дороге между навесками, на базе сразу и прочно выпал из работы, я к нему присоединился. Было 20 часов. Решили, что после еды трое спят, а мы с Киселевым пробежимся поработать «часиков на пять-шесть».

В прошлой экспедиции очередная остановка в основном ходу по руслу реки произошла перед разломом, которым обрывался ход. Группа решила, что там нужна навеска, и повернула обратно, мы должны были продолжать прохождение. Около двух часов искали это место по описанию, нашли, убедились, что навеска не нужна. Кинули веревку, чтобы не заблудиться при возвращении, спустились и побежали вверх по течению. Другого слова не подберу — Киселев ходит в дыре очень быстро.

Ручей представлял собой сплошную галерею мармитовых колодцев разной глубины. Вверх поднималась щель, потолок не просматривался из-за выступов стен. Топали мы часов до 2-3 ночи, встретили несколько небольших притоков, но конца галереи не было видно. Володя уже сказал, что и он сдыхает, пора подыскивать что-нибудь, что можно будет назвать препятствием, но мы все шли и шли, пока наконец с большим облегчением не уперлись в сифон. Как сказал Киселев, нырять сюда придется отправить самых неугомонных.

*) *Мармит* — полость, выработанная при турбулентном движении подземного потока.

Жить стало легче, и Володя предложил пройти обратно с гопосъемкой «хотя бы часть». К восьми утра я засыпал почти на каждом пикете, дожидаясь, пока Володя сделает записи. Если бы работу можно было разделить пополам, было бы легче, но у меня на каждом пикете были перерывы, когда я успевал отключиться, а от этого только сильнее устаешь. По сторонам смотреть не хотелось, хотя посмотреть было на что. В пещере не сплошная, но исключительно симпатичная и разнообразная натечка. Цвет в основном обычный — цвет глины, иногда какое-нибудь белое ребро. В этой галерее попадались совершенно удивительные вещи. В скальной округлой нише стоит кальцитовая «свеча» высотой сантиметров семьдесят, диаметром у основания сантиметров пятнадцать. Цвет свечи темно-красный, слегка с коричневым. Вверху из нее торчит тонкий и длинный белый «фитиль», а вниз стекает ребро белого расплавленного «воска». Описывать такие вещи бесполезно — это надо видеть. Этаким траурный алтарь. Встречаются участки невероятных геликтитов, усыпавших всю стену, среди них можно увидеть и дракона, и летучую мышь, и черта в ступе.

В этом ручье я в первый раз видел кристаллы гипса. По рассказам ожидал большего, наверное, они действительно бывают крупнее и *гуще*, а там попадались небольшие, до двух сантиметров, но все же — первые. Также впервые видел в пещере окаменелости. На дне встречались, а местами в большом количестве лежали наполовину вымытые из известняка раковины каких-то брюхоногих диаметром около четырех сантиметров, они крошились при попытке выковырять и вряд ли представляли большой интерес, но я раньше не видел ничего подобного. В одном месте на стене обнажилось что-то и вовсе непонятное, белое, неопределенной формы и очертаний, с ребристым рисунком. Почему-то вертится в голове слово трилобит, хотя я и знаю, что трилобит — это совсем другое, в общем, какой-то археоптерикс. Между нашим разломом и лагерем встретили стометровую галерею, в которой из стен, пола и потолка вымыты как бы губки, похожие на байкальские, только более ветвистые. Цвет темный, они гораздо тверже окружающего известняка. Киселев на ходу обозвал их губками, но мне тогда было все равно, а потом я не переспрашивал.

Все это мы видели по дороге туда, на обратном пути уже ни до чего не было дела. До веревки еле доплелись и после нее еще какое-то время искали дорогу домой. Наш выход занял 12 часов вместо 5-6, я думал, что за нас беспокоятся, но все было нормально — в лагере только что проснулись и варили кофе. Мы пришли вовремя.

Еще никогда я не получал от кофе такого удовольствия — от первого же глотка волна тепла побежала по телу. Дальше — кайф и расслабление. Залез в спальник, ждал еды, курил. В выход на работу сигареты не брал с собой специально — для лучшей формы. После еды мужики ушли на фотосъемку. Я не очень понимаю такое серьезное отношение к фото — они затащили сюда коробку из-под ИДА с герметичным транспортником аппаратуры и еще ящичек. Не то чтобы там было что-то особенное, — три личных фотокомплекта, по одной вспышке на каждый. В общем, парни отправились «на работу» — часа на три. Я не хочу над ними смеяться, просто Володя не обеспечил их работой по топосъемке, пикетажка была полностью забита нашими записями — 147 пикетов. Позже, переписывая, он подсчитал — 1327 метров! Змей переспросил: «Что, километр?» Мы засопели и однове-

менно поправили: «Змей, не километр, а 1327 метров!» Володя сказал, что он таких длинных первопрохождений с топосъемкой за один выход не помнит. Это, с одной стороны, странно, так как 12 часов — не самый долгий выход, из них часа три ушло на подходы от лагеря к галерее и обратно, да и ручей был не очень удобный для бегания. С другой стороны, не было отвесов и почти не было лазания. Да и такой длинный ход попадаетея не часто. Там можно было еще бегать и бегать по притокам (мы в них по несколько пикетов все-таки сделали), вниз по течению от того места, где мы вывалились в ручей, тоже еще неизвестно куда можно убежать (хотя, скорее всего, это тот самый ручей, который вытекает из входа в пещеру). Хорошо, что у нас вовремя кончилась пикетажка!

Мужики пофотографировали, пришли в лагерь, собрали по мешку и двинули на выход, оставив нам Змея в качестве няньки. Это было около 15 часов 13 января. В 18 часов мы проснулись после шестичасового сна. Можно было бы поспать и подольше, но я не взял ничего под голову, а главное — мы сушили на себе одежду. В спальнике стоял могучий дух непрветриваемой прачечной в большую стирку.

После пробуждения Змей занялся приготовлением «завтрака», Володя переписывал пикетажку, я валялся без дела. Было решено, что мы еще пробежимся с топосъемкой, а Змей тем временем соберет узлы и чемоданы, и с нашим возвращением двинем на выход. В 21 час Володя кончил с пикетажкой, сказал, что полежит минут пятнадцать, и будем одеваться. В следующий раз я проснулся около полуночи, растолкал его, но решили еще поспать — у него болели руки, и у обоих явно недоставало энтузиазма.

Я рассчитывал проснуться в 3-5 ночи, но встал в 8 утра. Это был день отъезда, мне надо было уезжать первым и успевать на самолет, поэтому я начал беспокоиться. Было уже не до топосъемки, приготовили поесть, пока я одевался, мужики собрали мне куль, и я двинул на выход. Мармитовые колодцы вниз проходились легко, летел в воду мешок, за ним — я. Неприятно показалось на перилах — они изрядно провисали, а надо было проходить с мешком за плечами и без надежды на помощь в случае зависания. Посидел, остыл, подумал, потом как-то неожиданно просто прошел. Дальше еще навеска, проход, узкая галерея после правого притока. За ней я вылетел куда-то не туда, Киселев упустил, что я могу там свернуть, когда объяснял дорогу, или я сам прослушал. Шел, пока не уткнулся в сифон, удивился и полчаса обшаривал все углы, пока не попал куда надо. Прошел место первого лагеря и, выйдя на улицу, застал народ в нетерпении и готовности к спасработам. Объяснил ситуацию, собрал рюкзак и отчалил.

Так для меня, а чуть позже и для остальных, закончилась эта зимняя экспедиция. На самом деле были еще достойные описания вещи: опаздывая на самолет, я ночью прошел 35 километров по горной дороге, вспоминая колбасу, отца Федора и царицу Тамару, Попуток почти не было (дважды по 5 километров), на вопросы отвечал правду (я давно решил ничего не выдумывать и не упрощать) — что добираюсь во Владивосток, что только что вышел из-под земли. Ко всему оказалось, что вся Грузия в этот день, а вернее в эту ночь, отмечает Новый год. Окончательно опоздав, заночевал по дороге и, сев наутро в первый автобус, поздоровался с теми, с кем вчера растался в пещере.

МЧИШТА, ОСЕНЬ 1988

Это не рассказ и вообще не литература Пишу для того, чтобы лучше запомнился опыт, за который очень дорого заплачено.*

2 октября

По обыкновению вспоминаю. К черту дорогу, встречи и пр. Первые погружения были 2 октября — Володя Киселев и двое свердловчан с ВТП** ходили на экскурсию на небольшой глубине, Петя Миненков страховал. Сборы проводились на Юбилейной вместе с экспедицией красноярцев. В пещере пройдено немного, нужно работать дальше, «дыра прет». «Школьники» работали у экспедиции шерпами, лекций не было, да и дыра до первого сифона для ВТП не сложная. Были недовольные, но результаты получены во многом благодаря им. Помогли сборы и в другом — красноярцы несколько «профинансировались».

Мы с Андреем Скачковым дважды съездили на спасательную в Гудауту, добыли недостающую трубку от компрессора на фильтр.

3 октября

Ходили на адаптацию несколько человек: Горшков, Коха, Бурмага, я, Кашля. В сифоне оборвана телефонка, была задача поискать ее и уточнить глубину на перестежке на реп. Все глубиномеры показали около 44 метров, кроме моего. Впрочем, по порядку.

Я сел в воду и почти сразу почувствовал предательскую струйку в паху из-под жгутовки костюма. Отказываться от спуска не стал. Шел последним, сказал мужикам, что на дно, видимо, уже не пойду, пройдусь, сколько смогу. Рашит попросил сохранить четырехбаллонник, который я приготовил себе, поэтому взял трехбалленник Кашли, два по 110 атмосфер без манометра и один с 200 атмосферами. Это было главной причиной, по которой решил не ходить далеко. Потом погружался быстро, за 5 минут все-таки дошел до перестежки на дне. Бегло глянув на глубиномер, обалдел — стрелка приблизилась к 50 метрам. Успела появиться мысль: «Куда я попал?», потом увидел, что на глубиномере 47 метров и через 1-2 метра дошел до репа, протянутого для обхода бороды на перегибе. Дальше был камень, за который в этой экспедиции еще не заглядывали. Я посмотрел за него и увидел конец телефонного кабеля. Ухватил его и заторопился наверх. Было неприятно, что на основном аппарате нет манометра и начальное давление в баллонах — 110 атмосфер. Кабель вытащился метров на десять, дальше заклинился, и его пришлось бросить. Вероятнее всего, это был кусок из бороды на дне. Посидел минуту на 6 и 5 минут на 3 метрах, это было лишнее, но также пере-страховывались и все остальные — в барокамеру никому не хотелось.

*) Эта пометка (даже не эпиграф) была сделана в дневнике, написанном для себя и друзей. Планы издания книги появились гораздо позже.

**) Сборы по высшей туристской подготовке.

Шура Бурмага сказал на выходе, что репа внизу нет, и никто не знал, кому верить. Как я сейчас понимаю, он дошел до стыка тросов, а реп на несколько метров дальше, но это ясно сейчас, а тогда было воспринято как очередная загадка сифона.

4 октября

Приготовили мешки с заброской и пошли в первый пузырь. Петя сходил до нас на разведку, сказал, что все нормально. Первая двойка — Кашлев и Бурмага должна была ждать в пузыре вторую — Коху и меня, затем возвращаться. Меня не было, когда Петя до ухода на разведку объяснял тактику. Я решил, что мы впятером будем идти по очереди, каждый последующий по возвращении предыдущего. Поэтому никуда не спешил, собравшись идти замыкающим. Вышел Петя, отправил первую двойку, вставил мне за недопонимание и поторопил. Коха тоже не был готов идти так быстро, и мы вышли не через 15 минут (по плану), а примерно через 35.

Свое затекание на адаптации я относил за счет неплотной жгутовки и маленькой шапочки, так как дырку сразу не нашел. Зажгутовался получше, но, сев в воду, опять почувствовал струйку. Мой отказ от спуска сдвигал (или грозил сдвинуть) общий график на сутки, а суток в нашем распоряжении было не так много, поэтому решил перебороть-перебиться. Вообще, прошлые неприятности имели свои причины, а в этот раз адаптация прошла очень благополучно. В отличие от зимнего выезда, у нас не было ни одного потянутого, а тем более порванного уха, ни одной проблемы (небольшое ЧП я все же опускаю по просьбе пострадавшего участника экспедиции). Таблицы декомпрессии заставили себя уважать, и на адаптации все пересаживали. Предстоящий выход не виделся таким фантастически сложным, как раньше, я даже предлагал (и Андрей Скачков со мной вполне соглашался) относить груз не в пузырь, а к месту предстоящей базы, т.е. за третий сифон и возможно дальше по ходу. Мудрый Петя сказал на это — надо еще до первого пузыря дойти...

Итак, я решил, что перебежью, но день из графика не украду. Транспортник, как самому последнему, мне достался самый здоровый — комплект базового лагеря в гермомешке. При упаковке Петька советовал герметизировать только спальник, но мы не прониклись. Б мешок натолкали камней до слабой положительной плавучести на поверхности. Сам я тоже взял пару лишних грузов, чтобы утопить будущий мешок. Где-то на 5 метрах он уже ничего не весил, на 10 лег камнем на дно, глубже стал еще тяжелее. Я тащил его по уступам волоком, спускал на Коху камни и старался их остановить, но как оказалось, не всегда удачно. Казалось, что все их поймал, но позже Коха жаловался, что они до него доходили.

На двадцати метрах встретились и разошлись с одним из первой двойки. Стало ясно, что он не дождался нас за сифоном. После тридцати метров у меня начались проблемы с правым ухом. Уже привык, что верхние 20 метров могу проходить с любой скоростью, а после 30 продуваюсь с трудом. Раньше думал, что «так не бывает», но позже Сергей Ковзун сказал, что у него так же, а еще позже я прочитал об этом у Жака Майоля. Скорее всего это от психологического стресса. Я обычно останавливаюсь и расслабляюсь, рассматриваю всякую мелочь на грунте, это помогает. Тут останавливался и залегал несколько раз, наконец на глубине около 40 метров увидел рачка, стал его разглядывать и услышал долгожданный писк в ухе.

Дошел до репа, там начались новые неприятности — сильное головокружение. Возможность поддува была невелика — стравливающий клапан слишком хорошо работал, и пришлось топтать по дну как в трехболтовке*. Встегнулся в реп для обхода бороды, по краю бороды протащил свой мешок, как каторжник — ядро, перестегнулся на трос. Поскольку спешил и подтягивался по тросу, вытянул его на себя и перестежку увидел в виде длинной петли. Пришлось сосредоточиться и разбираться. Вообще, чтобы меньше сидеть на декомпрессии и меньше расходовать воздух на максимальной глубине, я не смотрел на приборы, наплевал на головокружение. Знал, что дальше будет легче, и спешил туда.

Перед обводным репом на манометре оставалось 100 атмосфер — много воздуха ушло на возню с грузом и на остановки для ушей. Добравшись до 35 метров с той стороны, посмотрел на манометр, оставалось меньше 30 атмосфер. Поскольку нужны были два легочника, переключился на второй аппарат, но тут-то и поджидало самое интересное — второй легочник давал очень мало воздуха. Думаю, что с ним и спокойно сидеть на месте было бы невозможно, я же изрядно запыхался при быстром прохождении с тяжелым грузом, испытывая как бы некоторый «дефицит дыхания». Вернулся на первый легочник, какое-то еще расстояние прошел с ним. Очень не хотелось бросать груз, но сделал это не задумываясь, положил его на грунт и рванул вверх. По дороге обошел Коху, встегнулся в трос (это подчеркиваю — было плохо, тоскливо, хотелось жить, но паники не было; я знал, что выстегиваться нельзя ни в коем случае, и хоть как-то, но контролировал ситуацию) и вылетел на поверхность.

В пузыре отдышался с трудом. До камня, на котором раньше сидели, дотянуться не удалось. Петька после разведки сказал, что вылезти на камень нельзя и груз надо подвешивать, мы и не пытались вылезать. От затекания еще больше увеличилась отрицательная плавучесть, подтягивался по тросу, вдыхал, отдыхал, повиснув под водой. Гораздо позже, когда уже вышел с декомпрессией Коха, удалось оседлать один транспортник, но откидывало на спину и приходилось сильно работать ластами. В общем, это был не отдых, а работа, надо было быстрее уходить. Вслушивался в себя насколько мог внимательно, искал кожный зуд и боли в суставах — все было нормально. Старался больше думать, но это, видимо, плохо удавалось, так как, когда вышел Коха (я знал, что он первый раз за сифоном и, помня свои прошлогодние впечатления, хотел его постепенно подготовить), не нашел ничего лучшего, как сказать что-то примерно следующее: «Коха, ты вышел? Слышишь меня? Брось загубник! Коха, плохо дело...».

Ругал себя за такую «подготовку», но было поздно — Коха всерьез испугался, никак не хотел отпустить загубник, тратил воздух и вряд ли хорошо меня понимал (позже на разборе он говорил, как это было сурово, и даже сказал, что нырять со мной больше не станет. Я получил то, что заработал). Сам я тоже не был хорошим рассказчиком, не уверен, что меня вообще можно было сразу понять. В конце концов все-таки обрисовал ситуацию, спросил — куда деля еще один человек из первой двойки — может быть, он его видел? К своим неприятностям добавилась тревога.

* Трехболтовое водолазное снаряжение — это «скафандр» с медным котелком, в котором мы с детства привыкли представлять водолаза. К слову сказать, поразительное изобретение: созданный в начале XIX в. «скафандр» по сей день мало изменился, широко используется и будет использоваться в будущем, очень удобен для стационарных работ, там, где не надо плавать.

Безобразно вел себя мой аппарат — по моей же вине. Когда все собирали аппараты, мне не хватило правой нижней пряжки, поставил просто кольцо и завязал лямку на два штыка. После всей суеты и возни узел развязался. До кохиного прихода пробовал заплести что-то за спиной одной рукой, но не удалось, попросил Коху.

Отдыха в пузыре не было, решили уходить. Сказал Кохе, чтобы он держался вплотную ко мне, поскольку у меня один легочник. Попробовал уйти, но быстро понял, что с таким легочником не пройду, и, вернувшись с пяти метров, поменял их с кохиной помощью. В это время из сифона появился Горшков, сказал, что на поверхность не вышел Кашля, и его отправили на поиски. Втроем на одном тросе болтаться, подтягиваясь, стало окончательно противно, и я двинул на выход. Спешил и думал о себе больше, чем о Кохе — не было никаких сомнений в том, что он идет сзади и подстраховывает. Выход прошел нормально, с сильным головокружением и большой отрицательной плавучестью, с единственным аппаратом без манометра, но без прямой угрозы.

Головокружение прекратилось в тот момент, когда я прошел реп и увидел галечное дно. Едва в поле зрения появился ориентир, головокружение тут же исчезло. На 6 метрах сделал остановку на 2 минуты. Оглядывался, искал и ждал Коху, не мог понять — что с ним? Погасил оба света и всматривался вниз — ни черта. Сколькс-то еще просидел на 3 метрах, минут 6—10 — не помню, очень затек, появилась зверская дрожь, лихорадочное глубокое дыхание, которое никак не удавалось успокоить. Вглядываясь вниз, вышел. Спросил про Кашлю — до этого как-то не понял, не проникся, надеялся на что-то. Сказал про Коху, но тут уже показался свет сзади, пузыри, а через некоторое время появились Коха и Горшков. Не вышел только Кашля, но с ним явно случилось что-то серьезное. Оставалось два аппарата, с одним из них Петя отправил в пузырь Рашита. Дядька* как мог смотрел по сторонам, на обратном пути влез на край бороды и пошарил руками, вода была уже совсем мутная. Видимость вообще была меньше, чем зимой, а тут еще мы сильно намутили. Последний аппарат — резервный, нырять уже практически некому, то есть, разумеется, есть кому, но это было бы уже второе погружение, да еще стресс...

На часах около двух ночи, в принципе можно бы часов до четырех утра забить аппараты и продолжить поиски любой ценой. Я думал, что так и будет, но Петька скомандовал отбой до завтра. Было тяжело уходить от сифона, когда оставался еще пусть очень маленький, но шанс, что Кашля сидит в каком-нибудь пузыре и ждет помощи. Собственно, когда попадаешь в беду, не сомневаешься: друзья сделают все, что будет в их силах. А тут мы уходили...

Гораздо позже я понял, что Петька был абсолютно прав, что он отвечал за каждого из нас не меньше, чем за Кашлю. Сейчас представляю, чего ему это решение стоило, но тогда хотел даже ляпнуть на тему «как же так?» Успел понять, что обсуждать сейчас это решение нельзя. В общем, промолчал. Остальные тоже промолчали, хотя уверен, что многих посещали те же мысли, что и меня. Петька — это Петька...

На следующий день начали поиски. Рашит и Петя работали в озере первого пузыря с одной стороны, Горшков и Бурмага — там же, по своду. Горшков подстраховывал из первого пузыря, а Бурмага ушел с катушкой телефонки под свод, прошел на небольшой глубине и, найдя еще четыре неболь-

*) Дядька — прозвище Рашита.

ших пузыря, завязал в них ходовой конец. Отнесли в первый пузырь два полных четырехбаллонника для будущей работы. Представления о сифоне полностью изменились. Вечером нарисовали новый визуальный план, нанесли семь извѣстных пузырей. Под пузырями — стены, большие объемы, на дне местами песок.

6 октября

Рашит, Киселев и Утин с утра поехали «сдаваться» властям, отправили телеграмму во Владивосток. Встретились с какими-то военными и договорились о зарядке аппаратов на случай отказа нашего компрессора. Скачков и Миненков ходили в первый пузырь и работали после перегиба по дороге туда и на возвращении. Уйдя туда, проходили за сифоном декомпрессию и, чтобы не сидеть без дела, во втором пузыре сделали топосъемку какого-то отвилка. Истратили занесенные днем раньше аппараты. После выхода Андрей долго матерился и обещал оторвать руки тому, кто собирал его аппарат — все гайки недокручены и ремни на честном слове. Оказалось, что это мой злополучный акваланг. Я переставлял пряжки со средних баллонов на крайние, но не закончил, как как отвлекли на другую работу, аппарат тем временем привязали к рабочему аппарату Горшкова или Бурмаги, и он ушел за сифон. Я знал, что это мой акваланг, а у каждого есть свой. К погружению собирался доделать, но пока не нырял — потянул ухо, да и ныряющих хватало. Во время спасработ снаряжение обезличивается и часто кто-нибудь берет то, что попадет под руку. Так было со многими легочниками, отчасти со светом, с грузами и аппаратами.

К счастью, Андрей все вовремя заметил и собрал аппарат — подтянул гайки, поставил свои ремни. Собирать пришлось по пояс в воде — у выхода во втором пузыре негде было расположиться. Думаю, там он поднакопил злость и потом преувеличил опасность этого аппарата, уж смертельным-то он явно не был, хотя и только «неприятным» называть его, пожалуй, мягко.

Мы сидели у сифона, когда они начали выход. Позже появилась куча пузырей, выскочил Скачков (если, конечно, можно выскочить, имея за спиной 16 баллонов). У нас глаза вылезли на лоб, такой он был взбодороженный. «Там Петька! Скорее расцепи!» У него висело восемь своих баллонов за спиной, и еще столько же зацепилось за манометр его аппарата. Заклинились они прочно, и расцепить удалось не сразу. Уже не помню — возможно, он с резервным аппаратом сходил к Петьке, но, скорее всего, Петька исправно подавал пузыри, и мы успокоились.

Оказалось, что на двадцати метрах они сцепились аппаратами, Петька въехал в Андрея или тот сел сверху — неясно, видимо, Петька, поскольку они шли вверх. Андрей почувствовал, что его аппарат что-то цепляет, потом его стало преворачивать вверх лицом. Попробовал развернуться, какое-то время с кем-то боролся, потом увидел снизу Петькину каску и кулак. Так они поднимались до трех метров, а там, посидев какое-то время, Андрей собрался выйти и вдруг обнаружил, что баллоны есть, а каски нет. Представляю его состояние, видел, какой он вышел. Потом стало ясно, что Петька собрал развешенные по тросу забросочные баллоны и освободился от своего аппарата и спутника.

В тот же день, 6 октября, двойка Горшков-Бурмага работала от перегиба ко входу по левой стороне. Горшков потеплее оделся и нагрузился, он должен был

сидеть на тросу и выдавать реп Бурмаге, который будет ходить по половине периметра сечения хода. Это казалось ловко в плане, на деле им мало что удалось, они не очень сработались. Вроде бы осмотрели от 45 до 35 метров. По дороге туда Горшков порвал ухо — почувствовал боль, подвсплыл, услышал шелчок, и боли больше не было. Про разрыв узнал уже на поверхности, отработал без проблем. Повезло, что при дальнейшем погружении во внутреннее ухо не попала вода.

7 октября

Мы с Людой Некрасовой из Красноярска, моей старой доброй знакомой, поехали сдавать билеты, и именно в этот день Кашлю нашли. До сих пор, поскольку дневник личный, я больше писал о том, при чем присутствовал. Дальнейшее же — все с чужих слов.

Воздуха было мало, собрали из остатков то ли шести-, то ли семибаллонок, и Андрей с Петькой ушли искать не то справа, не то но обеим сторонам. Через 1-2 часа на глубине 30 метров со стороны входа в 3 метрах от троса был найден Шура Кашлев. Его подняли до 20 метров, привязали к нему реп, закрепили второй конец репа на тросу на 8 метрах и вышли с декомпрессией в четвертом часу дня, сообщили всем.

Коха много лет был лучшим другом Кашли, они всегда работали вместе, поэтому он рвался сам его поднять. Петька по той же самой причине считал, что Коха не в лучшей форме для такого погружения. Они разругались, но в конце концов Петька согласился.

С Кохой пошел Бурмага, они взяли с поверхности конец репа и, связав его с концом на 8 метрах, спустились к Кашле. По условленному сигналу начали подъем, Коха с Бурмагой сопровождали.

На поверхности с Кашли сняли аппарат, груза, вынули из колодца. Маска была полна воздуха, горели оба света, загубника во рту не было, в аппарате — два совершенно пустых и два полных баллона. Позже, в морге, оказалось, что сеточка отпечаталась у него на теле красными квадратами, то есть он весь был красный в белую клетку. Видимо, это означает крайнюю степень обжима.

«Реконструкция» событий выглядит так. Бурмага вышел в пузырь, Кашля был уже там. Он сказал, что затек и замерз, Бурмага его отпустил. Через некоторое время и сам, не дождавшись нас, двинул на выход, по дороге ничего не заметил. Мы с Кохой встретили его примерно на двадцати метрах, по времени мы шли с задержкой на 20 минут, и именно за это время Кашли не стало.

Очевидно, он либо провалился на глубину, либо не контролировал свои действия. Не поддувал воздух в костюм, очень сильно обжало. Непонятно, как при таком обжиге он смог пройти перегиб. Вероятнее на репе, который Петька для экономии времени разрешил проходить не встегиваясь, у него кончился воздух, а до второго легочника он не дотянулся. Если он мог шевелиться так, что прошел перегиб, то и до второго легочника на тридцати метрах, видимо, смог бы дотянуться, выход от репа до 30 метров мог быть уже последним рывком, под конец бессознательным.

Итак, затекание, переохлаждение плюс психологический стресс, потеря контроля за действиями, крайний обжим, невозможность дотянуться до второго легочника и ВСЕ. Опускаю эмоции, Кашли нет.

Можно было бы усматривать здесь стечение случайностей, любая из которых могла бы все изменить:

— если бы Петька при разведке смог вылезти на камень (а позже это оказалось возможным, и они там сживали при поиске);

— если бы Бурмага не отпустил Кашлю, а возвращался с ним вместе (тогда это вовсе не представлялось лучшим решением);

— если бы мы не задержались, могли бы встретиться (неизвестно, как выглядела бы эта встреча с полубессознательным Шурой, но тем не менее);

— если бы он не затек и не замерз, он бы поддувался...

Пожалуй, так тоже можно на это смотреть, но есть еще причина стратегического характера. Мы недооценили сифон и переоценили себя. Мы рвались в бой, в подземку, сразу после первого же спуска. Петя и Андрей считали, что нужна хорошая адаптация, несколько погружений, но поверили в нашу тренированность и не настояли на своем. Какая там к черту тренированность! За этот урок заплачено самой дорогой ценой, интересно, насколько мы чему научились? Взять бы Кашлин костюм, прибить на стену в водолазке и написать большими буквами: «ПОМНИ!», чтобы каждый видел, чтобы никто и никогда не забывал!

В личном дневнике я должен разобраться еще и со своим погружением. Редукторы проверял за два дня до спуска, все красноярские и один свой. Второй свой забраковал и поменял на красноярский АВМовский*. Легочники также проверял, но, когда собрал аппарат, длины дальнего шланга не хватило, поменялся с Рашитом на длинный шланг вместе с редуктором. Легочники Рашита были им проверены, и я знал об этом, поэтому верил в свое железо — все проверено. Если ты проверял все только что, не очень доходит — зачем в воде проверять еще раз непременно. Я понимаю, что это азбука, понимаю, но не чувствую. После этого случая я наблюдал за всеми и ни разу не видел проверки обоих легочников после надевания аппарата. Плохо наблюдал?

СТОП. Кажется, я оправдываюсь. Итак, это была моя первая ошибка. Позже разобрался, оказалось — дело в рашитовском легочнике. Он обладал очень большим сопротивлением на вдох и на 40 метрах просто не мог ничего давать. Вина тем не менее моя — вовремя не проверил.

Следующая причина моих неприятностей — затекание. Дырку не нашел, решил, что дело в жгутовке, но почему, однако, узнав, что дырка все же есть, не отказался от погружения?

Ну почему-почему?.. Да потому! Потому что переоценил себя и недооценил сифон, таков наш общий настрой. Расслабился, посмотрев, как легко прошло то, что мы называем «адаптацией», и что на самом деле адаптацией не является и близко ~- первое погружение до перегиба. Чертовски не хотел красть у всей экспедиции один день, слишком много мы от каждого дня ждали, решил, что прорвусь, решил, что не зря закалялся. Прорвался!..

Наконец, там, в пузыре, я неправильно объяснял Кохе — что со мной случилось и чем он *t* ожет помочь. Переоценил его состояние, забыл, как чувствовал себя сам, попав первый раз в этот пузырь, огорошил предстоящим слож-

*) АВМ-1М — «автономный, воздушный, морской» — очень приличная для своего времени модель акваланга. Редуктор, по сей день лучший из отечественных, с небольшой доводкой используется нами и сейчас, после проверки и настройки очень надежен.

ным выходом и думал, что двух слов будет достаточно, чтобы он меня понял и подстраховал. Пожалуй, все.

Если сейчас спросить — что самое главное для спелеоподводника, я бы ответил: опыт и хладнокровие. С опытом все наглядно, о хладнокровии же хочу сказать особо. Мой институтский шеф Пропп за жизнь не похоронил ни одного подводника, хотя работал много и часто — сложно. Дело здесь не только в случайностях (кому как повезло), но в системе подготовки людей и методах работы. Так вот, главное, чего он требовал на инструктаже в самом начале нашей первой у него экспедиции — ДЕЛАТЬ ВСЕ МЕДЛЕННО. ДУМАТЬ, ДУМАТЬ И ДУМАТЬ! Быть готовым к «нештатной» ситуации — на десятом, сотом или тысячном погружении она все равно возникнет. НЕ РАССЛАБЛЯТЬСЯ! Когда же в нее попал — остановись и подумай. Успокойся, расслабься. Еще подумай. Медленно действуй.

У каждого из нас есть какая-то граница, за которой контролировать ситуацию он уже не сможет. Эта граница определяется психологическими качествами, я не знаю, есть ли люди, которые не теряют контроль над собой до того момента, как начнут работать инстинкты. За эту границу каждому и надо бороться.

8 октября

Состоялось последнее погружение. Андрей Скачков и Костя Кожемякин привязали к тросу на тридцати метрах букет цветов.

ХРОНОМЕТРАЖ

2 октября. Погружение Киселева и двоих свердловчан до перегиба.

3 октября. Погружение на адаптацию до перегиба: Горшков, Авдеев, Кашлев, Бурмага, Нор.

4 октября. Погружение Миненкова на разведку до пузыря и обратно. Погружение Кашлева-Бурмаги. Два транспортника в пузыре. Кашлев не вернулся. Погружение Авдеева-Нора. Встреча с Бурмагой. Нор бросает мешок на 30 метрах за перегибом. Погружение Горшкова с поиском до пузыря и обратно. Погружение Бадрутдинова с поиском до пузыря и обратно. Поиск прекращен.

5 октября. Миненков-Бадрутдинов, поиск в подводном зале по стенам и дну. Большие объемы и глубины. Бурмага-Горшков, поиск под сводом, страховка из первого пузыря. Найдено четыре новых пузыря, проложен ходовой конец. Заброшены два полных аппарата в первый пузырь.

6 октября. Миненков-Скачков, поиск на участке «перегиб — первый пузырь». Истрчено по четыре баллона, перерыв 6 часов с топосъемкой за вторым пузырем, возвращение со свежими аппаратами. Бурмага-Горшков, поиск от перегиба до -35 м в направлении входа. Баротравма уха у Горшкова.

7 октября. Миненков-Скачков, поиск на участке «перегиб-поверхность». На глубине 30 метров в 3 метрах справа от троса найден Шура Кашлев. Авдеев-Бурмага сопровождают тело на поверхность.

8 октября. Последнее погружение. Цветы на 30 метрах.

МЧИШТА, ЗИМА 1991

18 февраля

День приезда. Долетели лихо — нигде не задерживались, в адлерском аэропорту получили багаж и через полчаса уже сидели в автобусе, через час были у знакомого поворота и еще через полчаса встретились в гостинице с остальными участниками. Народа навалом — 12 наших из Владивостока (в том числе на Мчишту — Шура Горшков, Коля Авдеев (Коха), я, попробуют Андрей Волков, Серега Гайдай и Тимофей Евтушенко), томичи и красноярцы. У томичей старший Олег Григорьев, он же Гормозека, ныряет Сергей Михеев (Молодой), еще кто-то пробует; в общем, тоже три с половиной человека. У красноярцев завтра приезжают Петька Миненков с Женькой Глаголевой (она, впрочем, едет на Хабю), днем раньше нас приехали, получили и привезли багаж Игорь Герасимов (Гераська) — на Мчишту и Сергей Анисимов (Абориген) с толпой -- на Хабю и на поиск под Мчиштой. Поисковиков собралось много, часть уедет на Хабю, часть уже ходит по окрестностям, чего-то ищет. Пока им не везет — три дня шел дождь; сегодня и в ближайшие дни Саша Гретченко (он же Адмирал) и К* работают по нескольким наколкам, только позже хотят лезть на гору над Мчиштой.

Вода в сифоне очень мутная, прозрачность не больше полуметра. Если дожди прекратятся, может быть, станет лучше, пока плохо.

19 февраля

Целый день провозился со снаряжением, все готово, кроме переходников с манометрами. У мужиков стрелнуть не удалось, не знаю, как быть. На адаптацию похожу без манометра, дальше — неясно.

Говорили с Петькой о планах. Он рассказал подробнее о третьем сифоне. Пожалуй, сейчас именно его можно считать самым сложным в Союзе. Сначала крутой спуск до 48 метров, потом пологий подъем до 35, потом еще более пологий спуск до 45, перегиба не видно. Большие объемы, чистая вода, ровное дно. Тоннель шириной около 8 метров, направление постоянное — ровно на север, на дне рваные камни, но не глыбы. Течение, видимо, есть, но не очень заметное. От выполаживания на 48 м Петька прошел около 300 метров. Ходил с четырехбаллонником, воздух съел почти весь. Сейчас хочет лезть туда с шестibalлонником, набив его поплотнее, до 220 атмосфер. Получается, что предел наших возможностей там еще не достигнут.

Акваланг у нас принято собирать перед погружением из нужного количества (от двух до шести) семилитровых баллонов, забытых воздухом до 150—200 атмосфер. В первом сифоне мы обычно работаем с четырехбаллонниками. Обязательны два легочника (редуктор, шланг и легочный автомат с загубником), которые навинчиваются на вентиль баллона или на переходник, объединяющий два вентиля. Крайне желательны два манометра для контроля давления в баллонах, реально (из-за нищеты) бывает один, в коротком и простом погружении может не быть ни одного.

Томичи будут работать во втором пузыре — ныряние, поиск новых ходов, прохождение, топосъемка. Мы пойдем в третий пузырь, цели те же. Горшков больше настроен нырять, я хочу работать в сухой части, Коха — то и другое, плюс фотографирование. Гераська вроде бы собирается составить компанию Кохе. Ну а Петька будет работать на заброске, во втором и третьем сифонах и еще успеет съездить на Хабю — там тоже надо отныряться.

Таковы планы, а пока ближайшие 2-3 дня — погружения на адаптацию. До Петькиного приезда настрой был слегка расслабленный. Ходовой конец опять оборван паводком и видимости никакой, нужно новое первопрохождение. Гор-мозека с Горшковым пытались найти трассу, протянули новый капроновый фал до глубины 25 метров, думают, что отклонились влево или вправо — очень узко и грустно.

Коха и Тимофей сходили до 25 метров на адаптацию. Тимофей затек, уже нашел дырки и завтра будет клеиться. Андрей Волков опустил на 5 метров и вышел, так как сильно текла голова. Я посмотрел, а у него трубки поддува не закрыты пробками. Долго смеялись. Случай, вообще говоря, частый для начинающих. Серега Гайдай не ходил. Красноярцы, кажется, не ныряли, у томичей кто-то тренировался, но я не знаю подробностей. Приехал Петька, с порога сказал что-то вроде: ерунда, пройдем, как об уже сделанном. Давайте, мол, лучше тренируйтесь, и вообще надо все это ускорить: два спуска в день, кто готов — сразу на заброску и в подземку.

20 февраля

День довольно суетной. Сыграли подъем в 7 утра, быстро начали нырять на адаптацию. Потом отвязали на 25 метрах конец репа, и Петька собрался идти прокладывать дорогу. У нас было около 80 метров шестимиллиметрового фала, из них 30 он взял в руку, остальное я выдавал ему с поверхности. Его не было больше трех часов, сначала ждали, потом самые нетерпеливые начали нырять до 20-25 метров. Повесили для Петьки на 10 метрах баллон с легочником на декомпрессию. Появились его пузыри, он просидел 30 минут на декомпрессии и вышел. «Дорога готова!» Рассказал, что опускался довольно медленно, на перегибе глубиномер показал 44 метра, за перегибом, на 42 метрах, вышел на старый ходовой конец и закрепил к нему свой реп. Бороду на дне не видел, вода везде такая же мутная, как и на поверхности. Пока завязывал конец, «поймал болт»*, то есть не то чтобы болт, но головокружение, от этого дискомфорт и ощущение, что «надо валить».

Петька говорит, что такой мутной воды здесь не было еще ни разу. За два прошедших после дождей дня уровень упал примерно на метр, стало слегка чище, но ненамного. Поймал себя на том, что очень не хочу туда лезть, всячески оттягиваю и тайно радуюсь задержкам. Это результат последней экспедиции, гибели Кашли, своих крупных неприятностей. После обеда сходил, если это можно так назвать. На 20 метрах погас один из налобников, второй светил слабо, я пробрался до 25, дальше не пошел.

Общался с Кохой. Из «стариков» Витя Чанчиков, по слухам, говорил, что больше с Мчиштой в орлянку не играет. У Сереги Перевалова — «пси-

*) То есть «схватил» азотный наркоз. Выражение пошло от французов, они сопровождают его веселеньким жестом — берут себя за нос и крутят.

хологический барьер», т.е. он сказал Кохе — мол, как ни пойдет на Мчишту — вечно что-нибудь происходит, решил больше сюда не ездить. Андрей Скачков, со СЛОЕ Петьки, в клубе почти не появляется. С кем же я буду сравнивать лысину при каждой встрече — кто кого обогнал? Шура Бурмага вроде хотел, но не приехал, вместо этого подался к нам во Владивосток. А я так рассчитывал услышать одну из его коронных песен — он знает какую! В общем, из красноярцев, старой группы, остался один Петька — износа ему нет, но и смены на будущее не видно. Из наших — Серега Ковзун, похоже, больше здесь не появится, с Рашитом неясно, кажется, он тоже уже не так горит. Я пропустил два года из-за работы — рейс и прочее, действительно не мог, но, по правде сказать, после последней экспедиции не очень-то и хотел. Вот, наконец, приехал, а в воду лезть неохота. Ладно, хватит, думаю, все будет нормально. Вода постепенно светлеет, поадаптируюсь и проскочу на работу. Давит эта муть и будущее головокружение с той стороны, его не избежать. Надо хорошенько уравновеситься, чтобы не перекашивало, потренироваться смотреть на пузыри, но один черт — все это будет, и заранее противно. Может быть, отчасти и потому, что столько об этом думаю. Кроме мути, проблем, кажется, нет.

В новом комбинезоне чувствую себя исключительно уютно — спасибо, Ленка! Хорошо сидит, позволяет скакать, лазить и вообще жить. Четыре часа проходил в гидре, потом поймал себя на том, что в ней или без нее — разница невелика. Это очень радует.

Вечером новость (черт побери, чужое горе — своя радость!) — Серега Гайдай порвал ухо. Забираю его аппарат с манометрами, мощный свет. Жаль, опоздал на глубиномер, Горшков обошел на повороте. Вообще, мы на него, бедолагу, налетели, как волки голодные, в пять минут ободрали как липку — кому гидру, кому перчатки... Жаль, конечно, что ему не повезло, но признаемся себе в том, что он многих своей неприятностью подогрел и выручил. Баротравма случилась на втором погружении, на 5 метрах, ходил до 30; удачно, что во внутреннее ухо не попала вода.

Маша* ныряла дважды. Не нравится мне все это — она до этого из аппарата один раз дышала, а тут сразу заташили до 20 метров. Пусть цна по неопытности не соображает, но Коха с Шурой должны же думать — что они делают?! Идетя-то легко, при куда хочешь, кажется, что все очень просто (как там на эту тему у Кусто?), но может случиться, что такой спуск окажется мышеловкой. Стоит ей запаниковать — я не хотел бы оказаться на месте сопровождавшего ее Кохи. Позже узнал, что она даже не умела продуть маску. А если бы зацепилась? «А где мои грузы? А дайте фонарь? А как продуться?» — глаза бы мои на это не смотрели!

Серега Гайдай на последнем погружении ходил с одним светом и с аппаратом, в котором оставалось 50 атмосфер. (Коха: «Я не знал, сколько у него, думал, все нормально». Серега: «А я думал — хватит».) На 30 метрах у него стал заканчиваться воздух, а чуть позже погас свет. Он полз наощупь по концу, иногда стучался об потолок и протискивался. Вышел благополучно, и вся эта история прошла незамеченной, вроде бы так и надо плавать.

*) Марина Логинова, спелеоклуб Владивостока.

21 февраля

Уровень воды в сифоне упал на 40 сантиметров, вода, кажется, еще чуть очистилась, но очень слабо.

С утра какой-то начальник с рыбхоза (кажется, главный механик) велел убрать компрессор — открывали какие-то краны, которые запрещено было открывать. Перетасили и установили его напротив гостиницы, до 15 часов прождали свет, теперь какие-то проблемы с подключением. Думаю, они разрешатся, и скоро я смогу сходить до перегиба поадаптироваться.

Уехала экспедиция на Хабю, нас сразу стало заметно меньше. С утра с остатками воздуха кто-то тренировался, Петька отнес первый груз за сифон.

Вечером нырял с Толей Машановым из Красноярска. Собрались пойти до перегиба, я первый, он за мной. Довольно долго опускался до 35 — спешить было некуда, развлекался приборами, легочниками, продувался и поддувался. Взятый у Горшкова глубиномер работать так и не стал, он потому и заменил его на гайдаевский. Приходилось смотреть Толе на руку. У него было два аппарата АВМ-5, на 35 метрах он показал мне, что возвращается, я сказал, что пойду за ним. На выходе узнал, что у него аппараты без манометров, он подстраховался с выходом — и правильно сделал.

На дно в одиночку я уже не пошел, погулял до 18 метров, порасслаблялся. На всплытии на 10 метрах погасил оба света и выходил наощупь. Все идет нормально, надо снять пару грузов, подвязать аппарат к поясу, будет еще веселее. Сильно затек, поскольку в одном месте поторопился и прозевал поддув, слегка обжало, и поддуваться стало труднее, пришлось оттянуть голову. Можно было и не затекать, но время до подземак есть, за ночь высушусь.

Коха с Шурой ближе к ночи собрали пару контейнеров и пошли за сифон. Не знали — вернутся сразу или заночуют. Сходили неудачно — у Кохи погас основной свет на перегибе, он закрепил мешок на дне и вышел с «бычком». Шура был еще наверху, свой мешок уже не понес, решил подобрать и отнести Кохин, но и это не удалось. На 30 метрах с этой стороны у него вдруг выдавило пломбу из зуба, появилась резкая боль, «будто нерв тянут». Потом боль стала спадать, немного утихла, он пошел дальше. Прошел перегиб и за перегибом схватил болт. Поймал себя на том, что плохо соображает — взял манометр и шел с ним как со светом, «...потом думаю — чего это я с ним иду, на него же посмотреть надо». Взял чужой мешок (томичи одновременно с нами забрасывают во второй пузырь, они тоже оставляли на перегибе мешок — по каким-то своим причинам), потом подумал, что не прав. Оценил свое состояние и решил вернуться.

22 февраля

Нырял дважды. Сходил с Толей до перегиба. Пожалуй, надо снять с пояса один лишний груз, в остальном нормально. То есть на самом деле нормального ничего нет. Петька дал задание встегнуться на семи метрах в телефонку и пройти по ней до места, где она застряла, освободить и выйти. Оделись, спросил у Толи: «Ты готов?», он ответил: «Да», — и пошел вниз. Это не входило в планы, я должен был идти первым и работать с телефонкой. Несколько раз дернул — «возвращайся», но он не услышал. Петька велел догонять. Пошел за ним, но догнал только на 35 метрах. Показал кулак, обошел, дошел до дна. Встретил там какой-то фал-восьмерку: он свободно валялся на дне, оба конца

легко выбирались. Собрал несколько петель, потом решил, что могу подарить кому-нибудь проблемы с запутыванием, отбросил в сторону. Дальше в поле зрения появилась еще и прозрачная телефонка, стало совсем противно. Огляделся. Телефонка петлями лежала на камне, и от нее тянулся капроновый шнур диаметром два миллиметра, на шнуре болталась бирка «60 м» со стрелкой, работа французов в 1989 году. Чуть в стороне от трассы они нашли колодец и сходили в него до 65 метров, стены уходят вниз и вроде бы расходятся, дна не видно. Пока это самое глубокое пещерное погружение в Союзе. Показал это дело Толе и дал сигнал на выход. На дне были 5 минут, 10 минут спускались.

Опять обошел Толика, чтобы всплывать первым, отсидели 1 минуту на 6 метрах и 5 минут на 3. Позже оказалось, что по Петькиным таблицам US NAVY-89 надо только 3 минуты на 3 метрах, стало быть, мы поступили по русским. Стыдно, конечно, не знать и не иметь с собой таблиц, но я помню их приблизительно и всегда пересиживаю, а в сложных случаях — смотрю заранее. У Петьки очень хорошая табличка всегда за пазухой, надо наделать таких же.

Наверху объяснил Толе, что он был неправ, когда ушел вниз без разрешения. Через полтора часа сходил еще раз по телефонке. На 32 метрах провод был придавлен глыбой, явно упавшей сверху. Глыба большая, качнул ее с третьей попытки, достал провод. Удалось подняться до смешной глубины 1 метр, когда он опять заклинился. Дернул его, вроде бы не сильно, но оторвал кусок метра два. Пришлось идти искать. Нашел метра на 8, поднял до 2, привязал на свой карабин и вышел. После меня ходил Тимофей до 10 метров, дернул ее еще раз и то ли оборвал, то ли вытащив обрывок. Позже Петя обнаружил, что провод перебит еще и за перегибом, придется прокладывать новый. Много ли удастся вытащить из этих кусков и сколько их — неизвестно. Примерно так и образовалась борода из множества лежащих на дне обрывков ходовых и телефонных концов. Для того, чтобы все это почистить, ее придется ворошить и растаскивать, это может оказаться себе дороже. Позже Петька сказал, что не стоит оставлять на год телефонный провод и ходовой конец от входа до перегиба, сейчас уже легче проложить новый в начале следующей экспедиции.

В то время, как я делал перерыв между двумя погружениями, ушел с грузом во второй пузырь Гормозека. После него должен был идти Молодой до перегиба, а там — по обстоятельствам, но он стартовал одновременно с Гераськоком, и это оказалось очень кстати. Гераська поймал слабый болт, его трижды переворачивало вверх ногами на перегибе, в конце концов, он обнял глыбу с телефонкой и влетел в найденный мной фал, засунув его под аппарат. Уйти самостоятельно ему не удалось, после относительно долгих объяснений Молодой помог ему освободиться. Вышли они вместе. Молодому показалось, что они долго возились, но Гераська отсекал по часам — на дне провели две минуты.

Я слушал эту историю одним из первых, когда они только вышли на поверхность (легкий болт и прочее). Немного позже слушал ее одним из вторых («Вот такой болт, плюю загубник, Молодой мне его вставляет, опять плюю, вставляет другой, показывает кулак, а на фига мне этот загубник! Сейчас буду снимать аппарат и распутываться»). Вечером оказалось еще, что перед глазами прошли друзья и родственники. Загубники, впрочем, не упоминались.

Из подробностей того же погружения — при одевании у Молодого рассыпался аппарат, пришлось менять хомут. На 3 и на 20 метрах Гераська пробовал поддуваться, и у него вылетал шланг поддува, пришлось поддуваться традиционным способом — через маску. В общем — сплошной полтергейст! В этом месте Петька прервал молчание и мрачно изрек: «Раньше называлось раздолбайство, а теперь полтергейст!», — и все мы легли там же, где сидели. Так у нас появился термин, который теперь пользуется не меньшей популярностью, чем «болт». Кстати, ловить болт тоже стало популярным, этим занимаются все кому не лень. Видимо, изрядная часть болтов — преувеличения и фантазии, но хорошо то, что все озабочены самоконтролем («Интересно, я уже с болтом или еще нет?»).

Шура Горшков и Коха ходили относить груз за сифон. Шура шел вторым, на перегибе зацепился ногой за французский шнурок (трассу слегка сдвинули, и она шла теперь через ту самую глыбу, с которой обнимался Гераська) и распутывался 15 минут (когда влетел, сразу посмотрел на часы). Из-за поднявшейся мути не видел, как распутаться, ножа с собой не было, а порвать шнурок руками не удалось. Потом все-таки расцепился. За сифон уже не пошел, отсидел 30 минут на декомпрессии. Хорошо, что это случилось по дороге туда, когда воздуха было навалом.

Больше в этот день ничего особенного не случилось. Андрей Волков заполучил ячмень на оба глаза, ждет выздоровления, но все же изредка ныряет. Тимофей тренируется, при лучшем варианте оба пройдут за сифон.

23 февраля

Пишу в спальнике в подземном лагере. Обеспечил себе верную неделю подземного санатория, порвав оба уха. А дело было так. Мы с Толей и Петька с нами собрались за сифон. Петя шел последним, велел подождать его на 30 метрах. Мешки были у меня и у Пети. На 30 метрах у меня заболело левое ухо, подвсплыл, прошло. Показалось, что в ухе стало теплее, но неявно. Подумал о баротравме, но не верилось, никогда не было за 18 лет погружений, уже привык, что «мои уши меня предупредят». Пошел дальше, левое больше не болело. На сорока метрах вдруг резко вступило правое. Петя нас к тому времени уже обогнал, я рванул вверх по склону метров на 6-8, часто работая челюстью (распространенный способ* мне не помогает), ухо долго не проходило, к концу всплытия прошло, но без характерного звука. Это, впрочем, бывает, тем более на глубине.

От перегиба и дальше замучили перестежки, я должен был перестегивать два карабина — свой и мешка. Мешок на этот раз удалось вывесить хорошо, но на дне этот подлец приобрел слабую отрицательную плавучесть и легко плавал сам по себе, путаясь под ногами. В общем, все это надоело, я выстегнулся и держался рукой, решив пройти так до того места, где расходятся ходовые концы в первый и во второй пузырь. На некоторых перестежках Петька поджидал и показывал — куда встегнуться. Похоже, что он успевал контролировать нас обоих. Это не было лишним, ускоряло процесс. Я, вообще говоря, в случаях, когда надо что-то сообразить, с некоторых пор намеренно себя торможу и заставляю подумать дважды.

*) См. стр. 10

Толя выскочил первым. Петю я под конец встретил довольно неожиданно. Я всю дорогу старался держаться у дна, стравливая воздух с уменьшением глубины. Потом конец уходил куда-то вверх, пришлось подвсплыть и идти без ориентиров. Вдруг увидел в паре метров под собой два петькиных фонаря, он неподвижно сидел на дне. Грешным делом засомневался — не потерял ли он ходовой со своей привычкой не всегда встегиваться. Мой глубиномер так и не заработал и я не знал — сколько осталось до всплытия. Постучал Петьку по каске, он подвсплыл и показал мне 1 минуту. Досидели, он ушел. Я пошел по концу, конец еще пару раз был навит на глыбы, потом вдруг слегка заглублялся, а на очередном камне и вовсе заканчивался. Я не был полностью уверен, что сидел 1 минуту на 3, а не на 6 метрах, появились сомнения — не проскочил ли я в этом обилии перестежек на какой-то слепой отвилке? Что делать дальше — вернуться назад? Где-то меня ждет, а потом будет искать Петька, и я решил, что самое лучшее — никуда не дергаться: запас воздуха позволял расслабиться. Посидев, я вспомнил, что уровень сегодня поднялся примерно на метр. Поднял над собой руку ... и высунул ее на поверхность (Петька решил, что я их приветствую). Всплыл, убедился, что ошибки нет, только после этого выстегнулся и вышел на берег. Раздеваясь, с удивлением обнаружил кровь из обеих ушей. Съел дикое количество воздуха — примерно аппарат, дорога заняла минут 25-30, в общем, отработал крайне плохо.

Часам к семи попили чаю, перекусили. Вышел Коха и достал из-за пазухи два апельсина: «Это вам тетки передали». Было приятно получить здесь такой подарок и то, что о нас помнят. Вспомнилось, что сегодня как бы праздник и, вероятно, вечером неняряющие поднимают за нас тост.

Оделся и ушел Петья. Он просил меня посидеть на телефоне, чтобы связаться из пузырей и с поверхности, проверить кабель, но телефон оказался неисправным. Телефонка, проброшенная до ПБЛ*, тоже, кажется, оборвана паводками, всем этим предстоит заниматься. Взяли по мешку, Коха показал нам дорогу к базе (и я, и Толя в подземке на Мчиште первый раз). Рассказал, где обычно лежит спальник, где — вещи, стол, шхельда**. Вернулись к сифону и, пока Коха одевался, оттащили на базу еще по мешку. Дорога до базы без груза занимает 25 минут, с грузом — полчаса. Иногда слегка плутаем, скоро будем бегать быстрее. Пещера на удивление теплая, градусов 12, участок до базы достаточно сухой, чтобы ходить без костюма. Разделся до сеточки. Если не стоять на месте — не мерзнешь, полный кайф и комфорт! Проводили Коху, вдвоем вернулись на базу. За эти три ходки в основном закончили заброску от сифона до лагеря.

Расположились, сварили подмокшие рожки с банкой тушенки. У нас два мешка продуктов и строго расписанная раскладка, но какой в ней толк, если по дороге мешки слегка подтекли и часть продуктов пострадала? Придется начать с них, а относительно раскладки — расслабиться.

Спать легли в 3 часа ночи, спали прилично, иногда одновременно просыпаясь. Когда Толя замерз, накрылись теплоотражающей пленкой. Это ме-

*) ПБЛ — подземный базовый лагерь.

**) Так у туристов называется туалет. А вообще, Шхельда — это гора на Кавказе, имеющая с туалетом весьма мало общего. Просто кто-то когда-то запустил фразу: «Схожу на шхельду...».

таллизированный полиэтилен, который я взял на пробу в Гамбурге. Летом он очень выручал меня в робинзонадах по островам под Владивостоком, хотелось попробовать его и здесь. Пленка помогла согреться, но весь конденсат оставался на спальнике; видимо, она пойдет только в качестве тента или отражателя.

24 февраля

Рассчитывали проснуться в час, чтобы начать переходить на 48-часовой режим*, а получилось — в 14.40. Завтрак — молочный суп на «Малютке» из подмокших рожков, чай, сало. В 17.30 ушли искать и делать топу около сифона.

Время 01.40. Облазили стены у сифона. Была задача поискать проход за озером, но ничего не нашли. Прямо над околосифонной катушкой** есть пара коротких глинистых ходов вверх под углом около 70°. Добрались до сужения, за ним просматривается расширение и, кажется, слегка дует, но очень слабо — возможно продолжение. Это, впрочем, часто так кажется. Неплохо было бы выпросить с поверхности скальный молоток и расширить проход дальше, но пока пришлось остановиться. Перешли дальше от сифона по той же левой стене, забрались под самый верх. Местами лезть довольно неприятно, поскольку известно, что в случае падения и травм вытаскивать нас отсюда особо некому. Об этом приходилось помнить постоянно. Любой, вполне возможный на скалах, вывих, не говоря уже о переломе и пр., грозил самыми серьезными последствиями.

А наверху — такое! Казалось, что я видел красивые пещеры, и меня трудно удивить, но тут был поражен. Сравнение с «хрустальным дворцом» кажется пошлым. Пол, стены и потолок в сплошных чистейших белых натеках — сталактиты, сталагмиты, занавеси, кристаллы и пыль гипса — с моими дохлыми способностями этого не описать, даже слов не хватает, а там мы все больше мать вспоминали. Попали в лабиринт, который напоминает «собачьи соты» в Орешной, только ходов поменьше. Одной из галерей, а потом и другими ходами выскочили к отвесным стенам большого зала-колодца высотой метров 20 и шириной от 10 до 20 метров. Спуститься вниз не смогли, завтра возьмем веревки. Кажется, идет к западу, к ходам второго пузыря. Неплохо было бы объединить системы, но пока об этом рано мечтать — слишком далеко. Интересно — знают про этот колодец и ходы или нет? Во всяком случае, их нет на плане.

Перед уходом долго приставал к Петьке, выспрашивал подробности о пещере и особо — конкретные задачи, направления и участки для поиска и топосъемки. Про дыру он рассказал, но по задачам предложил выбрать самим — он этим не занимался. Назвал пару мест в галерее за ПБЛ, но там нечего делать без костюмов, а у Толи «Садко», в котором не полазишь. Единственное его предложение — поискать обход озера, с чего мы и начали. Дальше решили методично и плотно заняться для начала левой стеной, продвигаясь постепенно в сторону лагеря.

Противно, что некоторые боковые галереи уже сняты Зубром, но сняты плохо и брошены не сданными. От его работы пришлось отказаться, и нам предстоит подбирать чужие хвосты, не зная, где мы действительно первые. Это тем более обидно потому, что на обеспечение той съемки работала вся экспе-

*) В отсутствие привычных суточных ориентиров такой режим более удобен, на него часто переходят в подземке.

**) *Катушкой* мы называем покатый склон, в конце более крутой.

диция, и все результаты испорчены одним человеком. Начал он, по словам Петьки, с того, что объявил совершенно неправильной съемку основной галереи, сделанную ранее Киселевым (бедный великий Киселев!) и пообещал ее переделать. Переснял, но не откамералил* и увез с концами все материалы. Еще более противно от того, что именно я в свое время слегка его обучал и окрестил первым сифонным погружением. Все мы, конечно, полтергейстщики, но есть выдающиеся. А может, я в чем-то неправ? Чтобы судить, надо бы выслушать еще и Зубра**.

Сегодня к нам никто не приплыл, это непонятно и всерьез настораживает. В сифоне мутная вода, на дне куча концов, болтов и кровожадный полтергейст поджидает толпу начинающих. Думать об этом очень не хочется.

На ужин доели суп, выпили чай и съели кусок сыра. Толя замешал «смесь номер один» от холода и простуды: масло, мед, «Малютка», кипяток. Позже «мед» оказался подмокшим сахаром, но ведь главное — себя убедить! Время 01.54, гашу свечку.

25 февраля

Встали в 15 часов. Из 48-часового режима получается только полуторный сон, с работой пока не удастся. Все дело в полтергейсте, а так бы мы, конечно, всем показали!

Сегодня снился эротический сон с патолого-анатомическим уклоном. Как я сейчас догадываюсь, он был задуман как кошмар, но во сне я ничего не понял и воспринял все как должное. Весь этот беспредел каким-то боком был связан еще и с пещерой.

На завтрак закинул три картофелины, сейчас добавлю к ним суповой пакет. Чай, сало, подмокшие сыр и халва. Планы на день — навесить веревки под потолок в зале у сифона и на спуск во вчерашнем зале, полазить, а на обратном пути поснимать. После этого устроим у сифона чай с перекусом и будем ждать гостей с новостями. Пока никого нет, полная неизвестность, беспокоимся. Уровень воды в сифоне не поднимался, вчера был даже на полметра ниже позавчерашнего. Время 17.00, поели, пошли.

Время 0.40. Уровень воды в сифоне в 17.30 был ниже вчерашнего на 0.2 метра, к полуночи поднялся на 0,7—1 метр. Опять никто не пришел, что-то не в порядке. На подходе к базе вдруг потянуло сухим горячим. Размечтались — чай готов, гости пришли, пока мы работали, но в базе оказалось пусто, а запах, видимо, остался от нашего завтрака.

Отсняли сколько-то топы, сейчас будем обрабатывать. За залом-колодцем оказался зал с глиняным «озером» — идеально ровным глиняным полом. В конце зала гротик, заканчивается очком меньше головы, и видно расширение; видимо, там можно разогнуться, но для этого надо сначала взорвать или долго долбить. В середине «озера» ход влево, вверх, потом немного вниз, заканчивается проходимой щелью, под ней отвес, большой объем, и слышно капающую

*) *Камералкой* называют окончательную обработку материалов топосъемки.

**) Так я писал в подземке. Действительно, неприятно переделывать то, что уже сделано, но виноватыми оказались красноярцы. Все переданные Зубром материалы найдены в архиве красноярского клуба, неразбериха стоила нам лишней работы в подземке. Зубр (Миша Алюков) был тогда в спелеоклубе Каменца Подольского, а сейчас немного переехал и работает художником иерусалимского журнала «Бэсэдэр».

воду. Скорее всего, щель выходит под потолком галереи основного русла где-нибудь на четверги дороги к лагерю. На обратном пути сделали топосъемку и привязали ее к верхней части катушки над сифоном. Завтра продолжим работать по той же стенке в сторону лагеря.

Время 05.00, закончил камералку. Отснято 175 метров, превышение над верхней частью катушки 22 метра, ход идет в сторону лагеря. Хорошо бы закольцевать эту щель с основной галереей, если, конечно, мы именно в нее высывались.

Сходил на шхельду. Страху натерпелся, зато сделал свое дело как культурный человек. А все Коха. Отвел нас в первый день и говорит: «А вот сюда все культурные люди с...т!». Фраза запала в душу, это надо было слышать и видеть. Водопад шириной метра четыре и расходом грубо три куба в секунду шурует с грохотом куда-то вниз в колодец подходящего диаметра. Сегодня вот обновил, впервые в сезоне. Мало того, что заплескивает, так еще и чуть не дуло! Чтoб тебе, Коха, всю жизнь быть культурным человеком!

26 февраля

В 14 часов разбудил Горшков, ну наконец-то. Оказывается, у них полетели ремни и трубопровод на компрессоре, они два дня ездили доставали. Теперь все в порядке.

Шура принес нам мешок сухарей и второй горный компас. Компас по дороге раздавило, теперь у нас два компаса с продавленным стеклом. Выручает (жив, курилка!) мой старый добрый жидкостной, который уже помог мне однажды в совершенно такой же ситуации в другой пещере.

На завтрак доели гречку с тушенкой. Проводили Шурика до сифона и в воду, около 17 часов пошли работать. Прошли немного вдоль «своей» стенки, забрались под потолок и на удивление быстро и весело увидели свою вчерашнюю щель. Она действительно выходила в основную галерею. Закольцевали ее к ближайшему пикету своего хода в зале сифона.

Пошли дальше вдоль стенки, через несколько метров заглянули за глыбу — и нашли еще один лабиринт. Облазили, отсняли, вышли, привязали к тому же пикету и двинули домой. Через 50 метров Толя спросил: «Мы не слишком торопимся? Давай под этот натек заглянем?» И мы заглянули — еще часа на полтора. Какая там система ходов! Большую часть ходишь не нагибаясь, диаметр ходов около 2 метров. Стены, пол и потолок в дырах и рваных каких-то клочьях, в основном вниз, все между собой соединяется, в общем, опять что-то вроде булки хлеба, только раз в тысячу побольше. Как сказал Толя: «О, мы такое любим!» Вывалились на уходящий куда-то и сужающийся ход шириной меньше метра и высотой метров 6, внизу вода. В конце лабиринта я протиснулся несколько метров по глине и песку, нашел пещерный жемчуг, вышел в еще одну галерею, которая привела через несколько метров к медленному потоку.

Вода появлялась из разлома и уходила под свод, было довольно прозрачно, но дна не видно. Впечатление суровое, к сожалению, я не могу этого передать. Эта река текла так же, как сейчас, многие тысячелетия, вот мы пришли сюда и стали первыми, кто ее увидел, но ей на это совершенно наплевать. Больше того, в любую минуту (и мы всегда здесь об этом помним!) может начаться паводок, скорость подъема уровня при этом бывает разной — от незаметной глазу до мгновенной на несколько метров. Она может смыть нас как тараканов

в унитазе, и ее это никак не заденет. Чувствовалась з ней какая-то чужая, мощная, непонятная и неуправляемая сила. Топошьему отложили на завтра.

Известно, что карстовые пещеры — это полости, промытые в растворимой горной породе тальми и дождевыми водами по пути вниз (реже восходящими артезианскими водами). Сначала была сеть трещин, потом трещины стали щелями, позже — пещерами. Вода размывает в основном пол, причем крайне неравномерно, лабиринт как бы «прорезается» в глубину. Полости верхних этажей постепенно осушаются, потом обваливаются. Можно выделить три стадии развития и три яруса в пещерной системе — затопленный нижний, самый молодой; обводненный средний и сухой верхний — самый старый, обвальнй. В старых участках, если они не выведут опять к воде, шансы на прохождение обычно невелики из-за завалов.

Три таких яруса хорошо выделяются на Мчиште. Нижний ярус — многочисленные сифоны. Средний — тот, в котором стоит ПБЛ, в котором мы живем и работаем. Есть и верхний — сухие, а выше и обвальнй ходы. В них мы оставляем до следующей экспедиции снаряжение, которое можно не выносить на поверхность. Там же рассчитываем спастись от возможных паводков. Паводки — опасность грозная и не всегда предсказуемая. Где-то в горах прошел дождь, об этом могут не знать и на поверхности, тем более — в подземке. Впрочем, приведу лучше рассказ одного моего знакомого.

— Проснулся в базе, слышу — поезд едет. Пихнул в бок руководителя: «Что за ерунда?» Тот один глаз открыл, прислушался, да как заорет: «Паводок!» Все вскочили, вещи похватали, давай гидры надевать, тут из-за поворота вал воды, сметая все под ногами. Ушли на верха, несколько дней отсиживались

Им повезло — было куда уйти, успели спасти часть снаряжения и продуктов. Другим приходилось отстаиваться сутками по грудь в воде, бывали и жертвы. Всякое случалось.

Пришли на базу и только успели сварить суп, как появились два фонаря — Гераська и Тимофей, За едой наслушались ужасов. Тимоха на дне перевернулся вверх ногами и руками перебирал по тросу вверх, в нашу сторону. На 20 метрах перестегнулся через закрепление на камне и сразу уехал вверх до 15 метров. Подошел Гераська, не понял — чего он орет, ведь чуть раньше показал о'кей. Потом разобрал слово «воздух»*. На предложенный загубник Тимофей помотал головой и показал на свой нож. Гераська: «Взял я ножик и полез по Тимохе наверх — посмотреть, что же там творится. Залезаю, значит, а там — такое! — ну как вам объяснить — вы когда-нибудь презерватив под краном водой надували? Ткнул я его ножиком, эх, и булькнуло! Нога от костюма оторвалась, он сразу на дно упал». Потерял ласты, носки, полностью залился, но до выхода было уже недалеко. Такой вот полтергейст.

После ужина Гераська сводил нас к водопадам. Там мы еще не были. Ока-зывается, за шхельдой есть другой водопад, еще более мощный. Сейчас поток был сильнее обычного, выглядит сурово. По меньшей воде Гераська в прошлом году лазил в место, откуда водопад вытекает, довольно скоро река кончается щелью, в которую надо нырять. Около водопада навесили перила, дальше, куда мы не пошли, нужны еще одни. Здесь начинается обводненная часть пещеры, без гидр там делать нечего. Идут почти сплошные озера до третьего сифона.

*) Кроме обычных водолазных сигналов — рывков ходового конца и жестов — мы иногда пробуем «говорить», то есть это больше мычание и бульканье, ко все же.

Интересно было увидеть, как преобразился Гераська. На поверхности я видел в нем неплохого мужика, но крайнего полтергейстщика, он и сам о себе так говорил. В дыре он показался мне совсем другим человеком — толковым, активным и надежным.

Вернулись на базу, повалились. Гераська с Толей пошли на выход. Мы с Тимофеем пописали (он переписывал пикетажку, я вел дневник) и легли спать. Время 04.06.

27 февраля

Встали в 14 часов. Завтрак — суп, полбанки тушенки. Я камералил, Тимофей лежал, спал. Съемка ни к черту, огромная невязка по закольцованному ходу. Часов в 18 закончил как смог, решили пойти поработать. Тимофей приболел, простыл после приключения, но от постельного режима отказался. В последней топосъемке пересняли один азимут, который я забыл записать. Вышли в основную галерею, дошли до сифона и встретили Толика Машанова, Андрея Волкова и Шурика Горшкова — они пришли делать заброску ко второму сифону. Шура вышел первым, а Толя с Андреем шли двойкой и ошиблись с декомпрессией, вернее, Андрей рассчитывал на Толю и голксм не следил, а у Толи не было ни глубиномера, ни часов. Они сидели и беспокоились. Прикинули, по их рассказу вышло почти по таблицам, в течение получаса зуд не появился. Урок полезный.

Взяли шесть полных баллонов, пошли на базу. Ужин — гречка, полторы банки тушенки. Сон собачий. Андрей и Шура легли снаружи, потом накрылись теплоотражающей пленкой, потом Шура под пленкой, а Андрей под полиэтиленом со свечкой* кое-как дождались утра.

28 февраля

Сон здесь вообще плохой, чуткий, сны вижу часто и даже иногда путаю их с реальностью — что-то с телефоном, с посетителями и т.п. Недавно приснилось, что я только что вышел из дыры, а там идет конференция, на которую заявлен мой доклад по темновому выделению кислорода. Мало смутившись, вылез на трибуну как был в сеточке и почему-то в тельняшке (которой у меня нет). Извинился за костюм, приготовился докладывать, но оказалось, что у меня нет с собой текста доклада, сплошная топосъемка. Опять извинился и отложил выступление. Ко всему приснилось, что туда же приехала мама.

Сегодня вчетвером идем к третьему сифону — надо кое-где навесить веревки и забросить баллоны для петькиного ныряния. Сейчас Толя сварит суп, съедем и пойдем.

Время 23 35. Где-то там, в другом мире, в нескольких сотнях метров отсюда, уже село солнце. Прогулка к третьему сифону — достойная во всех отношениях. Ходили с Толей, Шурой и Андреем; Тимофей оставался в лазарете. Семь баллонов, две веревки, два комплекта перекуса и халва. Три с половиной часа топали с грузом против течения, у сифона навесили две веревки — от реки вверх на площадку и от площадки вниз к сифонному озеру. Река — этакое наполовину затопленное метро, течение местами пропускает с трудом. Полазил по залу над сифоном, он сухой и довольно объемный. Похоже, его еще толком не исследовали. Вот

*) Такой прием спелеологи называют самоспасом. Свечка и большой перевернутый полиэтиленовый мешок, в котором собирается теплый воздух помогают согреться.

бы где надо поставить базу и хорошо поработать, поискать продолжение галереи основного русла и обход сифона! Для безопасности здесь нужна четверка — далеко от поверхности, большие объемы и лазание. Раньше был разговор по плану штурма здесь какой-то стены. Хорошо бы состоялось!

Обратная дорога прошла весело, шли налегке — этаким стайкой пронеслись по озерам, приятно полазили, посмотрели по сторонам, через полтора часа были на базе. Можно ходить и быстрее, мы искали дорогу и никуда не торопились. (Вставка, сделанная через два месяца. *Я тогда еще не знал, что эта дорога будет сниться мне по ночам. Труба диаметром метров шесть, галерея, стены которой уходят куда-то под воду и куда-то вверх, потолок то довольно низко, то пропадает совсем, как и не было. То по трубе, то по галереям, то под каменными завалами течет река, и по этой реке плывут четыре огонька, вырывая у окружающей темноты маленькие освещенные участки.*)

На ужин отварили рожки, добавив пару кубиков бульона и несколько картофеля. В общем, бурда, но съедобно. Проводили Шуру с Толей на выход. Для Толика экспедиция на этом закончится — ему пора уезжать в Красноярск. Он из начинающих, пришел к Петьке не так давно, много нырял на открытой воде, но в пещере до Мчишты всего однажды. Как-то легко прошла адаптация, никаких проблем не возникало, и он оказался за сифоном. У нас с ним получилась неплохая двойка, во всяком случае, мне было легко с ним и общаться, и жить, и работать. В меру (то есть не больше меня) ленивый, он с самого начала взялся готовить, дал мне возможность вести эти записи и камералить. Я вообще люблю команды, в которых нет необходимости назначать дежурного или спорить о мытье посуды, все делается как бы само собой. Так обычно бывает с Петькой. Неплохо оказалось у Толи и со скальным лазанием, а его будущий диплом горного инженера — вообще для нас находка. Дай бог, чтобы у него все было в порядке и он продолжил работать с нами. Есть у него, впрочем, и недостаток, вытекающий из достоинств, — он еще не имел неприятностей в пещерах и вполне способен зарваться. Опыт неприятностей нужен обязательно. Один мой знакомый велосипедист говорит, что если он долго не падает — значит, жди серьезных падений, обычными царапинами не обойдется. По разговорам я видел, что Толя «наглеет», хотел даже как-то на декомпрессии закрутить ему вентиль на аппарате в качестве легкого урока, но не стал. Пусть его учит Петька. Со временем из него может получиться вполне приличный спелеоподводник.

Пока Андрей помогал Шуре с Толиком уйти, я полазил под потолком. Дыра там уже старая, местами обвальная. Ходы идут, но не внушают больших надежд — слишком древние. Надо расширять, долбить молотком. Только в одном месте (от подъема в лоб сразу направо) стена, кажется, помоложе, идет ход, а в нем журчит ручей. Слышно слабо, и можно было бы свалить на акустику (мол, отдается эхом ручей у сифонного озера), но если приложить ухо к стене — слышно лучше. Чертовски не хватает скального молотка. Несколько раз выпрашивал с поверхности, но оказалось, что его нет совсем. Остается надежда на возвращение толпы из Хабю — может быть, у них есть. Петька там чего-то задержался, должен был уже вернуться. На улице непрерывный дождь. У Киселева в 88-м году зимой были там проблемы с выходом, еле удрали от паводка. А лило, кажется, поменьше!

Сегодня среди ночи проснулся и услышал, что изменился шум водопада: он стал глуше, и явственно слышен какой-то новый поток. Сходил посмотрел:

вроде нас пока не заливает, но появились опасения. В галерее по дороге к первому сифону в местах, где раньше капало, текут ручьи.

Всерьез разболелся Тимофей. Второй день лежит в базе, температура, похоже, под сорок и плохой кашель. А мы ничего не можем сделать. Мужики как-то не очень рвутся работать в подземке, все бы ныряли и тренировались. Доходит до легких разборок. Вот приедет барин (Петька), рассудит. Зашуршим. Я, честно сказать, тоже ленюсь — сон по десять часов (иначе, впрочем, тяжело) и отсутствие энтузиазма. Плохо без четких планов, каждый день решаем — где бы еще поработать. Долго тряс Петьку на предмет заданий, но он ушел от этого разговора: «Я топой не занимался». В общем, забросили, и делай что хочешь. Ну, я и делаю...

Время 21.23. На ужин подмокшие рожки, полбанки тушенки, чай. Андрей пробует камеральить, я пишу. Снимали «канализацию» — от шхельды в нижнем этаже течет речка, кажется, туда уходят оба водопада, но, может быть, это и не так. Дна не видно, река себе и река. Намерзлись как бобики. Потолок то поднимается метров на восемь, то висит в десяти сантиметрах, пузыри, карманы. Болтаешься в речке, цепляясь за потолок, и держишь в зубах пикетажку. Течение довольно сильное, поначалу неприятно — кажется, что может куда-нибудь засосать, вода вытекает из-под свода и уходит под свод. Потом привыкаешь и даже находишь в этом какой-то с трудом объяснимый кайф. В общем, нарезвились и намучались от души, подустали. Снято 243 метра, посмотрим, как ляжет. Если снимать по-человечески и сразу камеральить, то это будет уже сделанная работа, кусок карты, к которому не придется возвращаться.

На сегодня договаривались с Горшковым, что он нырнет на водопаде за первым озером (третий водопад), но он то ли не приходил, то ли не дождался, то ли поди разбери... Как тут договариваться, как работать с этими полтергейстчиками? Петька бы, что ли, приехал.

Вернулись на базу и не нашли там Тимофея. Поволновались, но потом обнаружили пачку сигарет и стало ясно, что были гости. Свинство не оставить записку — может, он на шхельде в унитаз провалился, может, пошел за угол и потерял свет, сидит там и скучает...

В голове булькает и журчит — за день наслушаешься, потом галлюцинации. Так и живем.

Жаль, что мужики не дают в пещере никаких названий. В памяти оставались бы зацепки, какие-то ориентиры. Да и план дыры получается более обжитой. Говорили как-то об этом с Киселевым: «Хочешь — придумывай». Это можно понять — если за день набирать сотни метров. Когда Кашля 12 лет долбил ход в свою систему в Солянике*, на десятке метров остались три названия — Раздевалка, Холодильник и Костоломка, все вполне функционально. Здесь же пока из названий только «база» и «шхельда», да и те на план не записаны. Есть еще пузыри, водопады, озера и сифоны под номерами. Пожалуй, сейчас появилось Глиняное озеро, что вполне логично. Снятому сегодня очень подходит название Канализация, эта система и находится под шхельдой, и по строению вполне напоминает. Жаль, слово не очень красивое. Слава богу, крыс нет. Сегодня видел какую-то белую сороконожку около четырех сантиметров длиной и довольно экзотического вида. Хотел даже сбегать за баночкой, но было далеко, поленился. Надо будет та-

*) Пещера на хребте Чиндолаз в Южном Приморье

екать с собой стаканчик из-под пленки. Гаммарусы встречаются почти в каждой луже, но их наверняка уже наловили. Это вообще говоря интересно — хватает же им, черт побери, той органики, которая стекает сюда с талым снегом. Или не со снегом? Под третьим водопадом видел хлопья пены, попадались следы пены и на потолке. Летучих мышей здесь еще не встречали. Следствие ли это того, что выхода на поверхность нет, или до него еще пахать и пахать?

2 марта

Пришел Петька. Вот так — перед уходом в подземку я занял у томича Сереги Шадрина четыре пачки сигарет, долг мужики за меня потом отдали, но ему эти сигареты уже не понадобятся. Пожалуй, это глупо — сейчас подумал, что именно так мальчишки вспоминали — кто видел последним Тома Сойера, а один гордился тем, что получил от него по шее. Что сделаешь, если именно эти сигареты лезут в голову. Еще нас связывали уши. Когда Шура Горшков пришел к нам 26 февраля, он сказал мне: «У тебя во втором пузыре приятель завелся, Серега Шадрин, тоже сидит с обоими рваными ушами». Уши, уши... Как же это получилось, куда он полез через три дня после баротравмы и кто его отпустил? Об этом будет разбор полетов, но Сереге все наши разговоры и проблемы уже до фонаря. Отдыхает в морге, вскрытый и неровно заштопанный суровой ниткой, скоро в цинке поедет домой.

Со слов Петьки: они выходили с Гормозекой, прошли перегиб. Гормозека шел первым; на гальке, примерно на 35 метрах, почувствовал странные частые рывки ходового конца. Оглянулся — Серега судорожно перебирает руками вверх по тросу и показывает рукой на свой загубник. Гормозека дал ему свой второй, пошли дальше. На 25 метрах у узости у Гормозеки тоже кончился воздух, он рванул вверх и Серегу больше не видел. Выскочил, схватил какой-то баллон, навернул легочник, побежал вниз, но баллон оказался полупустой, до Сереги он не дошел и выскакивал опять на задержке, свободным всплытием.

Позже Гераська сходил, поднял Серегу на поверхность, оставив на дне его аппарат и маску. (Ночью выходил Горшков, увидел эту картину, а на улице — разорванный в клочья костюм, все понял). Проверили снаряжение. В одном аппарате 20 атмосфер, в другом ПО. Перед погружением в обоих было по 200. Клапана легочников вполне приличные, вроде не должны были травить воду. Это, впрочем, не факт, но 9 из 10 за это. Перепад давления на вдохе 1-1,5 атмосфер, т.е. сопротивление не мешало — дыши себе и дыши. Получается, что где-то по дороге он переключился на второй аппарат, оставив в первом ПО атмосфер, то ли была какая-то неисправность, то ли показалась — пойдешь теперь разбери... Опять, как и с Кашлей, что-то неизвестное и непонятное. У Кашли, впрочем, был сильный обжим, у Сереги нет. Он прошел перегиб, поднялся до глубины, где проблем вроде быть не должно, видимо, хоть как-то себя контролировал, поскольку общался с Гормозекой, взял его загубник. Может быть, вода попала во внутреннее ухо, поймал сильный болт и плохо сообразил? Пойди узнай... Контролировал ли его Гормозека после того, как отдал загубник? Я был в подземке, когда все это обсуждалось. Задним числомковыряться в подробностях не хотелось, восстановил как смог. Вообще, по литературе, в подобных «необъяснимых» ситуациях определяющую роль часто играет паника, состояние, в котором человек перестает соображать и действует на инстинктах. Это, впрочем, уже домыслы.

Оставшимся за сифоном мужикам ничего не сказали до выхода. Очень правильно. Томичи теперь, естественно, сворачиваются — у них сейчас другие заботы. Помощь им вроде не нужна. Гормозека «поднимал вопрос»: этично ли продолжать работу? Черт его знает. С Кашлей был иной случай — занялись поиском, да и все наши работать уже не смогли бы и не стали. Ну а сейчас мы можем и, я считаю, должны продолжать делать дело, в том числе и в память о них обоих. Группа Подрядчикова (они ходили к полюсу, как и группа Шпаро, обошлись без рекламы, но и без авиационной поддержки!) после первой гибели по дороге к полюсу свернулась, но в следующей экспедиции после гибели другого участника они продолжали идти, дошли до полюса, и никому в голову не приходит их упрекать, наоборот. Так что отложим. Надо работать.

3 марта

Вчера перед отбоем подошел Шурик Горшков. Сегодня по плану поход к третьему сифону и ныряние. Пока это наш самый длинный сифон — 320 метров. Чертовски интересно, что завтра удастся Петьке.

Легли спать пораньше, встали в 7 утра. Поели, пошли нырять. «Мы пахали» — сказала муха, сидя на тракторе. Это я к тому, что обеспечение петькиного погружения тоже было немалой работой, но с петькиной «долей» не сравнить. Собрал четырехбаллонник и два на поясе, Петя попросил меня примерить. Тут-то я и прочувствовал, что это предел. Помогли ему спуститься. Противная крутая катушка к воде, внизу почти отвес. Работа на веревке, руки выстегиваются. Наконец он ушел. Я ползая с карбидкой по верхнему залу, но высветить его не удалось — карбид уже заканчивался. Мужики со мной не пошли, а одному там довольно грустно — местами серьезное лазание, камни висят на честном слове и с грохотом сходят, булькают в озеро далеко внизу. Хорошо, что не в то озеро, где сейчас Петя. Походил около часа и оставил это дело. Вскоре вышел Петька. Добавил 30 метров, теперь длина сифона 350 метров, конечная глубина 48, он прет дальше и вверх подниматься не собирается. Баллоны, подвешенные к поясу, мешали работать ластами, немного подвел легочник, Петька мог бы сделать больше. Вышел очень уставший. Тяжело выдерживали на площадке его снарягу. Да, все-таки это слишком суровые, предельные спуски. Сколько на нем всего повешено! Часы и глубиномеры дублированы, компас, четыре легочника и четыре манометра, нож, катушка, три света на каске и прочее. Как не заблудиться в этой куче шлангов и мелочей? Декомпрессия заняла 57 минут, погружение 40 минут. Час просидеть на месте в такой холодной воде — я бы копыта отбросил.

Тяжелый переход до базы, очень много вещей, но удалось унести все за одну ходку. Вымотались как черти. Сделали еще одну ходку к первому сифону — начало выброски. Какой все-таки кайф идти без гидры, в одной сеточке, рядом Петька с карбидкой! Наконец-то посмотрел объемы, вечно с бычками ползали, под ногами дорогу еле разбирали.

Приготовили ужин — смешали картошку, вермишель и тушенку, получил суп. Шура Горшков ушел на улицу, он должен принести нам воздух. Завтра сворачиваем лагерь и переходим во второй пузырь. Там Петька ныряет и после этого выходим наверх. Запахло концом. У нас сейчас хорошая боевая четверка, только бы и работать, но дело к финишу, уже видно ленточку.

Пока мы сделаем заброску и Петька нырнет во втором пузыре, Гера, Коха и, по-видимому, Горшков начнут выброску снаряжения. Собрали мусор, отне-

сем на поверхность. Под потолком у сифона останутся веревки, полиэтилен, коврики, кухня, часть консервов. Через 2-3 дня будем на поверхности. Хотелось бы успеть проститься с Сергеем, но, скорее всего, не получится. Не потому хотелось бы, что я его хорошо знал — это не так. Просто мы работали вместе, и он остался здесь навсегда. Высоко говоря, наша дальнейшая работа будет памятью им с Кашлей. Да, впрочем, это так и есть.

4 марта

Сильно устал, и спина ноет. Всего-то и сделали две ходки от ПБЛ до сифона и перескочили во второй пузырь. А впереди еще ходка до сифона второго пузыря (то бишь второго сифона), только потом расслабление и сон. Перескочили — это, впрочем, легко сказать. Шура Горшков обещал принести в 12 часов ласты, аккумулятор к подводному свету и нафтизин (ласты унес Тимофей, так как потерял свои на прохождении, аккумулятор мы посадили при попошемке и поиске, а нафтизином я хотел подстраховать свои уши перед погружением). Сейчас 17.42, только что опять звонили на поверхность (хорошая штука телефон!). Шура собирается, также, как и час, и два часа назад. Андрей с Петей ушли, потом Петя вернулся. Я еще не был готов, и он опять ушел, сказав мне: «Сам придешь». Самое противное в том, что не было света. Аккумулятор подводного света сел настолько, что спираль в лампе не желтела, взятый в качестве резервного обычный подземный налобник в воде еле тлел. Кроме того, будучи резервным, он болтался на груди, и, когда появилась нужда что-нибудь увидеть, приходилось его оттягивать и направлять рукой, но толку от этого было мало. Вторая проблема — недостаток грузов. Неужели я так невероятно растолстел на подземных харчах? Петька потом объяснил: у меня же было не четырех-, как обычно, а двухбаллонник! Стыдно было самому не догадаться. Дважды возвращался через все озеро, «в потемках», уже без очков нашаривал груза и наталкивал за пазуху. Все равно оказалось мало, шел по потолку. Потолок клыкастый, все почти наощупь, местами узости («Где ты их нашел?» — удивился Петька, тем не менее под потолком они были) — в общем, чертовски противно. В одном месте убрал руку с троса и карабина, чтобы протиснуться в щель, потом нашарил его, чтобы двигать дальше, но потерял направление. Прошел в одну сторону, подумал, вернулся в другую. Угадал. Наконец всплыл в какой-то пузырь, даже пузырек, потом встретил трос из первого пузыря и постарался поаккуратнее его обойти, потом влетел в какие-то петли и вместе с ними выскочил опять в пузырь. Вроде бы уже и поверхность, но вокруг головы в полуметре стенка. Распутался. Разобрался, куда идет трос, погрузился и вышел уже окончательно. Петька был шибко недоволен, что на таком легком участке я отыскал проблемы. Он совершенно прав. Очень не хотелось все это описывать, но я пообещал себе писать правду и быть полностью откровенным, не буду скрывать свое разгильдяйство. Был бы свет — не было бы проблем, и груза бы подобрал, и прошел бы не запутавшись.

Оставленная томичами база — в 50 метрах от сифона в галерее с песчаным полом. Впечатление довольно мрачное, отчасти потому, что несколько дней назад в этом спальнике спал Сергей, а теперь его уже нет в живых. Сделали ходку к сифону, куда Петька завтра будет нырять. Песчаный склон кончается озером, песок крупный и вязкий. Петька сказал мне: «Ты на этом пляже первый нудист». Бегаю в одной сеточке и без трусов, веселю мужиков дырками в самых неподходящих местах.

Пришел Шура Горшков, принес четырехбаллонник и мешок барахла: аккумулятор, ласты, карбид, свечи и прочее — как Дед Мороз. Ушел с пустым четырехбаллонником. Шура вообще пашет молодцом, после того, как заболел Коха, он один работает на заброске, чтобы мы могли давать результаты за сифоном. Всю экспедицию, исключая дни поломки компрессора, он делает каждый день по два погружения на 45 метров с грузом. Обычный груз — дополнительный четырехбаллонник за спиной (всего восемь баллонов) и в руках 1-2 мешка либо контейнер. Мы сидим за сифоном и ругаем его за опоздания, за невыполненные поручения. Интересно, как бы мы без него обошлись?

Время 23.00, ложимся спать. Завтра (уже завтра!) после петькиного ныряния — выход на поверхность. Чего-то я устал и, кажется, приболел. Эти сто метров меня доконали. Выспаться бы хорошенько, завтра надо пройти 250. Будут эти мутные перестежки на выходе из второго пузыря, встреча с чертовым первым пузырем, достопамятным неприятностями прошлых экспедиций, погружение от ноля до 30 метров вертикально вниз (а у меня неплохо с поддувом), мрачный перегиб... Ерунда, впрочем. Шура должен принести полный четырехбаллонник — это очень греет. Кроме того, выход на улицу психологически проще, он у меня обычно проходил без проблем. Не забыть бы подвязать аппарат к поясу, чтобы не вышло, как зимой 88-го! Хорошо, что свет свежий, плохо, что нет глубиномера.

Часто ведем с Петькой разговоры «за жизнь». Он дошел до пессимизма, и его можно понять. Готовит, готовит кадры, а где они? Делает, делает снаряжение, а все как в прорву. Соберу, говорит, один комплект и буду сам ездить. Действительно, он может прилепиться к любой экспедиции, взяв на себя только свое ныряние. Заброску ему обеспечат, да и прочее необходимое. Красноярская школа в этом случае «пойдет по бороде». Думаю все же, что до этого не дойдет. Он просто устал от неурядиц и всеобщего полтергейста, но школу ему жалко, ездить же «на шару» (его слова) — радости мало, да он, кажется, и не умеет.

5 марта

Встали в 9.00, в 12.40 Петька уже ушел под воду. Мои часы взял на дублирование, поэтому я не знаю, сколько он ходил. На спину собрал шестibalлонник, на 3 метрах привязал баллон кислорода на декомпрессию. Вон он — булькает уже полчаса на 3 метрах, на 6 метрах 10 минут отсидел, сейчас выйдет. Интересно, сколько прошел. Улучшенный им позавчера союзный рекорд по длине сифона — 350 метров, раньше здесь было пройдено Бурмагой 140 метров, потом Гормозекой — 280 (при глубинах 20-25 метров).

Вышел Петька, в основном доволен. Наехал, правда, на Бурмагу и Гормозеку, говорит, они на пару от силы 140 метров разматали. Кроме того, всю дорогу проложили по стенке — плутаешь между клыками, удлиняешь и усложняешь дорогу, трудно ориентироваться. Как дошел до конца проложенной ими трассы, сразу перешел на дно. Добавил еще 140 метров — часть с Гормозекиной катушки и весь шнур со своей. Сифон прет и прет. Глубина в среднем 25 метров, доходила до 38, закончил, кажется, на 30. Остановился в каком-то зале на большой куче песка. Зал весь не обошел, но проход обязан быть, вышел просто из-за ограничений по воздуху. Он, кстати говоря, очень хорошо рассчитывает погружение, и после всплытия с первопрохождений (когда я присутствовал) у него остается около трети воздуха. На об-

ратном пути оставалось метров 20 шнура, в одном месте привязал его и пошел перпендикулярно направлению стены. Размотал все, что оставалось, но другой стенки не увидел. Говорит, что этим руслом выходит основной поток воды, вытекающий через Мчишту, и вообще здесь основные перспективы. Вот, мол, всегда так — в последний день что-нибудь находишь. Еще бы пару погружений!

Долго уговаривал его: давай мы тебя как сможем разгрузим и организуем еще хотя бы одно погружение. Не уговорил. Времени мало, нырять на выброске некому. Планы не меняются, значит, выходить надо сегодня. Петька заставил меня побриться, чтобы я меньше затек и поберег уши. Ну очень не хотелось! За эти полчаса бритья я согласился с тем, что в жизни всегда есть место подвигу. Чужой станок вместо привычной электробритвы, свечка, сам весь в глине и в мыле — кошмар! Местами все же удалось.

Телефон наконец-то проснулся, позвонили сразу и с базы, и от входа. Маша Логинова и Женька Глаголева чего-то кричат, и часть даже можно разобрать. Где же вы были раньше, когда мы вызывали вас каждые полчаса? Шура Горшков выходит к нам, несет мне аппарат. Добились, чтобы у него проверили взятые для нас глубиномер, легочник, нафтизин. Ответили на кучу дурацких вопросов типа: «Как настроение?», «Что приготовить?» и пр. — приятно, конечно, чувствовать заботу, но было бы приятнее, если бы они дежурили на телефоне без перерывов. За эти дни во втором пузыре из десятка попыток связаться удавалась только одна. Может, конечно, телефон иногда и не работал...

Свернули базу. То, что оставляем, отнесли с Андреем в верхние незатопляемые этажи. Пришел Шурик, принес все, что мы просили. У пузырька с нафтизином вдавило внутрь пробку, все содержимое вытекло. Петька ехидно сказал: «Шура, отожми ему там... откуда-нибудь!»

Выпит последний в этой подземке чай. Вот и все. Оделись и первыми ушли Андрей с Петей (у Петьки большая декомпрессия). Через 25 минут двинулись и мы. Выход прошел в целом нормально, не считая относительных мелочей. Шурик днем раньше очень некстати разбомбил мой грузовой пояс, разобрав пряжку (решал какие-то свои проблемы). Я подобрал груза, какие нашел: четыре мелких, один большой и даже один чугунный, разного и неизвестного веса. За спиной, за аппаратом, привязал базовый спальник. В дороге до первого пузыря в нем еще оставался воздух, потом его выдавило, и плавучесть оказалась изрядно отрицательной. Это, впрочем, мало мешало. Хуже было то, что пополз незакрепленный после разбирания ремень в пряжке, и груза сползли до колен. Стыдобища! Не увидел бы кто на выходе. Хотел даже вылезти в первом пузыре на камень и все исправить, но это было слишком сложно, плюнул и пошел, придерживая пояс рукой. В узостях сильно мешал привязанный за баллонами спальник, приходилось протискиваться и искать дорогу. Как это Шура здесь с грузом за семь минут бегаёт? Сильно текла маска, замучился сплевывать. Старушке уже десяток лет, а замены ей нет*.

Краткая декомпрессия, и вот я на улице. Дежурный вопрос Петьки: «Все в порядке?» Дорога к гостинице с полной выкладкой, включая аппарат. Пе-

*) Очень нужна маска «Звезда» с двумя отдельными круглыми стеклами — лучшее спасение для очкариков. Кстати, если соберетесь делать для себя, учтите, что диоптрии надо рассчитать, покопавшись в справочниках, т.к. у воды и воздуха разные коэффициенты преломления.

реоделся и вошел в комнату, где сидела вся толпа. Так для меня кончилась экспедиция. Говорят, что после долгой подземки острее ощущаешь запахи и ярче кажутся краски. Не знаю, большой разницы не заметил. Запахи я чувствую слабо из-за курения, а с красками не повезло — вышел ночью. Спать лег около часа ночи, но к шести уже проснулся и больше не уснул — за окнами светало, очень хотелось увидеть солнце. С погодой не повезло — сырость и хмуристь.

6 марта

Поездка в Адлер: баня (после подземки — огромный кайф и расслабление), заказ машины, провода отъезжающих. Вечером с Гераськой и Володей Шевчуком пили пиво в промозглом кафе «Аквариум». Гераська был мудр — они с Володей добавили к пиву бутылку водки и согрелись, а я промерз как пес и заболел.

Володя — подводник из секции АвтоВАЗа в Адлере, наш давний знакомый и ангел-хранитель. Относится к нам очень хорошо, готов все для нас сделать и все отдать. Самое сложное в общении с ним — постоянно отказываться от помощи и подарков. За что он нас так уважает? Как бы там ни было, чертовски приятно, что в Адлере есть такие люди и что у нас такой друг. Договорились оставить у него оба компрессора, баллоны и прочее, к следующей экспедиции он обещал откотловать* баллоны и даже достать и установить на Мчиште барокамеру. Это было бы здорово, она бы нам очень не помешала.

7, 8 марта

Выздоравливал. Кое-что делал по топосъемке, но тяжело было вставать из спальника. Получил от матерого топосъемщика Аборигена последние советы и выпросил у Петьки разрешение доделать камералку во Владивостоке. Результаты какие-никакие, но есть. Отснято 550 метров ходов, три системы (только одна из них, Канализация, была известна раньше). Еще одна система найдена, но не снята, метров 200 ходов будут просто упомянуты. Прежняя суммарная длина ходов — около 4 километров.

Собирали вещи, разлагались. Слегка отмечали 8 Марта. Работы в последние дни уже не было, она в основном была свернута после гибели Серегеи.

И была ночь перед отъездом и ночной поход всей толпой к источнику. Плыли цветы по воде сифона, и лежал букет на табличке у Кашли. Я положил на табличку подобранный на полу за сифоном маленький сталактит, еще один отнесу к нему на могилу. И был Гераська с фальшфейером, и повторялся раз за разом вопрос Аборигена: «Санчо, нет ли у тебя пары лишних патронов?» Санчо, сторож рыбхоза и наш большой друг, высадил в небо целый патронташ. И была песня без гитары — «Мой фрегат давно уже на рейде»; не знаю, почему мы пели именно ее, но там и тогда она была чертовски к месту. Может быть, из-за слов: «если мы о чем-нибудь и просим, это чтоб подохнуть не у стенки»**? Да нет, наверное, при чем здесь слова? Дрожал голос у Кохи, и я не прятал слез, слава богу, было темно. Не стыжусь писать об этих слезах и сейчас, а кто считает это чрезмерным — тот ни черта не понял и не поймет.

*) *Котловка*, опрессовка баллонов — испытание высоким давлением, должно проводиться каждые пять лет.

**) Под «стенкой» моряки обычно имеют в виду причал.

Есть вещи, которые никогда не забудутся. Октябрь 88-го, два дня после похорон. Сидит на руках, обнимая меня за шею, маленький теплый человечек и говорит как бы сам себе: «Скоро папа придет». Повторяет еще раз, уже с вопросительным знаком. «Ну, если мама сказала тебе, что он придет, значит придет». «Мой папа не придет. Он погиб. Он утонул в пещере... Почему ты молчишь?» Димка, я надеюсь, что, когда ты подрастешь, я смогу ответить на твои «зачем» и «почему». У нас нет сомнений в том, что они погибли не зря, именно поэтому мы здесь.

Последнюю ночь в Адлере провели вповалку на полу у Васи Вилисова, спелеолога и нашего друга. На кухне был длинный разговор Васи и Петьки, я поддакивал. У Васи организовалось некое совместное предприятие, принимающее иностранных туристов. Он предложил Петьке собрать на Мчиште иностранцев-спелеоподводников. Договорились, что Петька вышлет Васе адреса, а тот возьмет на себя организационные хлопоты. Летом будет «пробный шар», кто-нибудь да придет. Дальше можно будет разослать информацию, устроить рекламу и организовать что-то вроде международной экспедиции — наш объект того стоит, там хватит работы всем и надолго. Хорошо было бы работать вместе. С сервисом на поверхности сейчас лучше, чем в 89-м, когда приезжали французы. Какая-то фирма арендовала гостиницу на рыбхозе, приводит ее в порядок, проложили мраморную дорожку почти до самого сифона. Если мы пойдем друг друга — проблем не будет, ведь мы могли бы служить рекламой и приманкой для туристов.

Вася показал крупный план местности, масштаб, кажется, 50 м в 1 см, с нанесенными на нем Мчиштой и ближайшими известными пещерами. Ближе всего — Форельная, до нее 2 км по горизонтали и 920 м по вертикали, и Пионерская — соответственно 4 км и 525 м. Кроме того, есть маленькая пещера Циви где-то совсем рядом и по высоте на 200 м выше верхней точки Мчишты. В 1987 году после сообщения Резвана о результатах окрашивания в Снежной мы мерили расстояние до нее — там было по прямой 27 км. Теперь хоть есть о чем всерьез говорить, хотя задача по-прежнему очень трудная и, видимо, на много лет. В этом году наоставляли в основных местах ловушек на флуоресцин в расчете на то, что в течение года кто-нибудь где-нибудь покрасит. Окрашивание сейчас делают довольно часто.

На следующий день улетел Петька с толпой, увезли поездом багаж Тимофей, Маша и Женька. Я уезжал последним, поездом до Ростова. Какие интересные вещи рассказали мне там Яшкин с Гриихиным! Клуб у них очень солидный: батарея транспортных баллонов, на выходе дожимающий компрессор. В отдельной комнате барокамера. Володя Грицихип обещал помочь Шевчуку с барокамерой на Мчиште. Это очень радует. Дальше они рассказывали и показывали такое, что я изошелся слюной. Володя обещал достать импортные легочники из комплектов, поставляемых для глубоководных спусков. От редуктора выходы на поддув, на манометр. Главный же кайф в том, что эти легочники рассчитаны на рабочее давление в баллонах 300 атмосфер и больше. До сих пор именно легочники были главным препятствием, мешавшим перейти на такое давление. Если он действительно их достанет — будет очень здорово, и мы сделаем большой шаг вперед. Может быть, из тех же поставок удастся рвануть и другое снаряжение. Мы дико нищие — даже глубиномер у нас имеет только каждый третий. Рассказал Володя также о том, что «продался кроликом» в центр гипербарической медицины (то ли какое то похожее название) при

московском Институте океанологии. Лаборатория предоставляет снаряжение, обеспечивает его обслуживание и газы, а он ныряет на Мчиште на их смесях. Это тоже очень важный шаг — мы получим возможность исследовать глубинную часть Мчишты, получим снаряжение и квалифицированных специалистов. Не совсем мы, но тем не менее. Вообще, Володя большой молодец, и я не мог с ним не согласиться, когда он сказал: «Вот так надо работать!» С этим трудно спорить, мы бы тоже не прочь работать именно так.

Очень жаль, что им с Петькой не удастся работать вместе. У Володи суровые требования к безопасности, и он считает, что Петьке не стоит нырять в одиночку, подавая пример остальным. Он безусловно прав... с одной стороны. С другой стороны — чего будет стоить заброска к дальним сифонам, это и так непростая операция, а будь у нас необходимость забрасывать вдвое больше — что бы мы там сделали? Между тем, на Мчиште заброска легче, чем во многих других пещерах. Кроме того, кто будет нырять с Петькой? Второго Петьки у нас нет. Наконец, последнее: Петька рискует только собой. Досаафовский подход не дает ему такого права, но, слава богу, в последнее время мы, кажется, признали право на риск. Та же техника одной веревки в пещерах — риск, естественно, возрастает*, но снижается время на заброску. Поскольку прохождение пещеры и есть сплошная заброска, снижение времени в подземке приводит к выигрышу в безопасности, это уже доказано, и большинство на такую технику уже перешло! В общем, это вечный вопрос. Последователи Месснера, Уэмуры, Хазенмайера, Чичестера, многих других одиночек, с одной стороны, и досаафовцы, с другой, правы по-своему. Спор будет продолжаться всегда в разных ситуациях и вариантах. А жаль, какая была бы двойка у Петьки с Володей, ведь работали же они вместе в первых экспедициях! Ведь это они вдвоем дошли до первого пузыря, ведь это Володя заколотил штырь на перегибе на 45 метрах (представляю эту работу!). На этом штыре сейчас держится вся наша трасса. Проложенный ими в паре нержавеющей тросик от перегиба до первого пузыря — единственная часть трассы, которая стоит до сих пор, хотя установлена первой.

Вот, собственно, и все, что я записал в этой экспедиции. Уже позже, в июне 1991 года, во Владивостоке, Гормозека рассказал подробнее о случае с Серегой.

...Работали вчетвером в подземке пять с половиной дней, сделали все, что собирались. Топосъемку не планировали, сделали в прошлый раз (сами не камералили, отдали Зубру, он сделал). Отнырялись в сифоне. Через 65 (а не 40, по Петьке) метров всплытие в озере, стены отвесные, с трудом можно вылезти, и то только если переплыть на противоположную сторону. Наверху большой зал, туда не ходили.

Первыми пошли на выход Гормозека и Шадрин, двое оставшихся должны были пофотографировать, на следующий день Гормозека собирался принести им еще пленку, планировали доснять и всем выйти.

У Гормозеки японский аппарат, около 40 атмосфер, и два баллона примерно по 100, три легочника. У Серегы два аппарата, 200 и 50 атмосфер. Легочники отличались; и у Серегы, и у Гормозеки было по одному желтому.

В пузыре не задержались, Серега попросил Гормозеку показать обход прохода на трех метрах (там провод в слепые пузыри на трех метрах пересекал провод для ухода). Гормозека видел, как Серега его обошел. Гормозека довольно быстро спустился до 32, Серега не отстал. Обменялись о кей. На 38 у Гор-

*) Это личное мнение автора, в значительной мере спорное — *Прим. ред.*

мозеки стала слетать пластина с приборами (компас, глубиномер), остановилась поправить, но не успел, получил пинок под зад. В него въехал Серега. Обменялись о'кей, пошли дальше. На перегибе на глубиномере 46 метров (высокий уровень воды), Гормозека перестегнулся на реп и показал Сереге эту перестежку, но он как-то судорожно перешелкивался. Дальше кто-то закинул ходовой на камень, Гормозека на камень не полез, потянулся и за ним рукой нашел продолжение, вытянул на себя, встегнулся и показал Сереге, тот опять как-то судорожно перестегнулся. За перегибом Гормозека обычно, если чувствует себя нормально, уже не встегивается, всплывает держась рукой. В этот раз почему-то встегнулся. На 38 метрах Гормозека уже хотел рвануть наверх (т.е. спокойно и быстро выйти), но почувствовал странные рывки троса. Подождал Серегу (пару секунд), выстегнулся и чуть отошел от троса, чтобы дать ему возможность поравняться. Подошел Серега, он судорожно перебирал руками трос, подтягиваясь вверх, показал рукой на свой загубник. Гормозека дал ему один из своих легочников (один баллон он к тому времени уже съел, шел на «японце»). Стали всплывать, оба перебирая руками трос, было плохо и тесно, у Гормозеки полмаски воды, Серега вверх лицом. Серега дышал, Гормозека его контролировал до щели на 20 метрах. В щели у Гормозеки закончился воздух, он бросил загубник и выходил свободным всплытием. Успел слегка застрять, выскочил уже без Сереги и рванул наверх. Позже бросил ходовой, уже бесконтрольно рванулся вверх, потерял маску, удачно выскочил в один из слепых карманов с воздухом около выхода, оттуда увидел свет и прорынул на него, выскочил в другой карман, оттуда на выход. Покричал, но никто не откликнулся. Снял свой аппарат, открутил баллон, из которого дышал Серега. Сорвал с каски свет и взял его в руку. Сходил без маски метров на 18, там кончился воздух и в баллоне, выходил опять свободным. Пришел-побежал на базу, там были только Гераська с Наташкой. Взял у Геры аппарат, сказал: «Догоняй» — и пошел к сифону. Наташка побежала в контору рыбхоза. Гормозека дошел до сифона, готовился к погружению, когда подошел Гераська и сказал: «Не спеши, уже незачем». Гераська пошел сам, снял с Сереги аппарат, поднял его до 15 метров. Вышел из-за каких-то проблем, оставив Серегу пристегнутым к тросу. Сходил еще раз, поднял. Гормозека: «Как сейчас вижу: костюм раздулся, Серега плавает лицом вниз. Вынули из воды, изо рта пена. Гераська сказал: «Из снаряги ничего не трогай». Разрезали комбез, костюм. Положили, накрыв лицо каким-то другим костюмом. Подошли владивостокцы, абхазы с рыбхоза. Подъехала милиция. Куренной связал носилки. Несли впятером — Гормозека, Гераська, Тишкин, Куренной, еще кто-то. Милиция уже подогнала поближе уазик, положили туда Серегу. Гормозека снял с себя свитер, положил ему под голову, чтобы она не запрокидывалась. Все. Уеззли. Милиционеры составляли какие-то бумаги, всех опрашивали, потом и они уехали. Абхазы принесли вино, чачу, все вместе сидели и пили. Тут подъехала толпа из Хабю. Первая зашла Маша Логинова, как обычно счастливая встречей. Облом. Немая сцена.

Ночью Гормозека с Молодым к сифону ходил. Кто-то уже свечу поставил, зажег — лежит костюм, как его бросили, лежат ласты и свеча горит. Тихо. Ветра никакого. А наверху на скале — собака бегают, лает и воеет, воеет. Потом грохот, они отскочили, и три глыбы, одна за другой, сошли в сифон. И собака — мелкая, рыжая — проскочила под ногами и сквозанула куда-то. Тут меня Гормозека удивил, я никак не ожидал от него такой спокойно и серьезно сказанной фразы: «Это все было так, что я поверил: наши души — в собак переселяются».

Сергея пришел в клуб в 1984 году, вскоре ушел в армию, и в 1986 вернулся. На скалах работал прекрасно, в пещеры много и хорошо ходил. Нырять, правда, маловато. Перед Мчиштой Гормозека ругал его, что не ходит на тренировки, не готовится. Серега говорил, что из-за семьи времени нет. Вообще, ссориться с ним было невозможно, он был очень мягкий, острые углы сглаживал. Перед самым отъездом готовил снарягу и часто оставался ночевать в клубе. В это время там только Гормозека жил, больше никого не было. «К ночи поесть сготовим, сидим, общаемся».

Гормозека как-то говорил с Серegiной женой, мол, сделай так, чтобы после Мчишты он больше с нами не нырять — он же не тренируется.

— Да некогда ему.

— Ну тогда... лучше ты не будешь видеть его два-три вечера в неделю, чем потом совсем не увидишь.

У Гормозеки было ощущение, что что-то случится, с этим он ехал в экспедицию. Кто-то из клубовских потом сказал ему; мол, было чувство, что ты погибнешь. Разбор в клубе — неприятный, резкий, сбивают, настроены сильно против него.

Гормозека: «Больше никаких ныряний в паре. Страх появился. И обучать никого не буду».

Сергея был каптером, по-томски кильдымщиком. Стена каптерки железная, до экспедиции покрасить не успели. Гормозека когда-то написал на ней: «Здесь живет Шадрин. Не влезай, убьет!». Стену покрасили, но оставили незакрашенный квадрат с этой надписью. Есть она и сейчас.

Немного от себя. Я не очень понял, в чем обвинили в клубе Гормозеку. Думаю, что, прежде всего, он просто оказался крайним в ситуации, когда так хочется все на кого-то свалить. Он формально виноват в этом случае как руководитель, не потребовавший и не проследивший за предварительной подготовкой и за тем, сколько у кого воздуха (впрочем, и не в воздухе оказалось дело, воздух был). Но кто из нас может запретить товарищу ехать в экспедицию? Я думаю, таких мало. Петька, например, точно не может. Прочувствовать, насколько готов к работе тот, с кем ты идешь за сифон? Ерунда. Все решает каждый сам за себя, и отвечает каждый сам за себя, и снарягу проверяет каждый сам себе, да и под водой в случае неприятностей рассчитывать надо прежде всего на себя самого, а уже потом — на товарища.

Что касается рассказа Гормозеки — нет причин ему не верить. Конечно, в таких ситуациях каждый из нас может повести себя непредсказуемо, описаны даже случаи нападений на напарника из-за воздуха и много всякого другого. Для себя думаю, что такие ЧП подготавливаются в большей степени предварительными обстоятельствами, чем поведением каждого в тот момент, когда уже что-то случилось. Иначе говоря, чтобы спастись в экстремальной ситуации, лучше в нее не попадать. Гормозека видел, как Серега перестегивал карабин, он явно был не в себе, и до паники оставалось недалеко. Это и стало одной из причин. Других, если они и были, мы уже не узнаем. Могло быть и переохлаждение, и наркоз с потерей самоконтроля, и какой-то странный отказ легочника, который на поверхности оказался вполне рабочим. В принципе, Гормозека мог рассказать любую историю, и никто не может этого проверить. Тем не менее, я верю ему.

АБХАЗИЯ, ЛЕТО 1994

(продолжение следует)

18 августа, поезд Ленинград-Адлер

Я уже не могу называть это дневниками. Все написанное ранее действительно было поначалу личными записками, но с тех пор кое-что изменилось — издается книга, и я пишу уже зная об этом, невольно меняется стиль и пр. — я обращаюсь уже не к себе самому, но — к Читателю. И как же мы это, дорогой Читатель, назовем? Да как угодно: «Былое и думы», «Исповедь на заданную тему»... Пусть будут, скажем, «Экспедиционные заметки».

Со времени последней экспедиции прошло три года — сами знаете, каких. К нашей теме более всего относятся распад Союза, грузино-абхазский конфликт. Да, впрочем, относится и все остальное. Есть такое, китайское, говорят, проклятие: «Чтоб тебе жить во время больших перемен!».

И все эти годы мы ждали — когда же опять сможем попасть на Мчишту? Ловили новости в газетах, да и не только в газетах. Вот, слышно, Гормозека на Мчиште побывал. Какая спелеология на линии фронта? — справедливо не поверили абхазы и посчитали Гормозеку... грузинским шпионом! Это не было похоже на шутку, ребятам с трудом удалось унести ноги. Их рассказы — беспредел военных, руины на форелевом хозяйстве — повлияли на наш настрой, но все равно в письмах и при встречах мы задавали друг другу один и тот же вопрос: «Когда же наконец?».

Для меня очень тяжелым стал апрель этого года. Сознание возвращалось постепенно. Вызванная из Ростова мама рассказала позже о том, что потерявшая управление машина врезалась в опору моста. На пятый день я открыл глаза, на десятый стала не нужна палата реанимации. Длинный список переломов, травма черепа и еще кое-что по мелочам. 2,5 месяца в кровати на скелетном вытяжении, первые попытки ходить. Когда-то после длинной подземки я ждал, но не почувствовал небывалой яркости красок, запахов, ощущений... Все это вдруг проявилось после долгой больницы — когда мама первый раз вывезла меня на каталке на улицу. И позже — при первых шагах. И еще позже — при первом погружении. И сочинские субтропики — я еще никогда не чувствовал их так остро. Впрочем, это я слегка забгаю...

После больницы мама увезла меня в Ростов на долечивание и восстановление. Естественно, я тут же заговорил о поездке в Абхазию — это же рядом! — и мама не сразу поняла, что я говорю всерьез. Позже была неделя с родителями в Лазаревском. Нырять оказалось легче, чем ходить, но и с ходьбой постепенно налаживалось, я уже перестал опираться на палку. Похоже, что последствия переломов и долгой неподвижности излечиваются только активностью. Чем больше буду шевелиться, тем скорее вернусь в прежнюю форму. Электричка до Адлера идет 1,5 часа — конечно же, я по-

бывал в гостях у Васи Вилисова и Володи Шевчука, встречался с Володей Резваном и Славой Исаевым. Поездка в Абхазию становилась все реальной. Оказывается, компания Киселева-Комарова уже там! — хотя и не на Мчиште. Именно они первыми распечатали эту блокаду. Так, стало быть, — можно? Пора! Нырание мы сейчас, конечно, не потянем, но ведь есть же там недалеко щель, которой Вася уже давно уговаривает заняться, да все как-то руки не доходят. Щель, правда, надо взрывать, а опыта никакого, всего необходимого взять негде, как везти через границу — неизвестно, да и вообще... Тем не менее, мужики идею охотно поддержали. Оказалось, что на границе есть наш человек — спелеолог, он проникся и пообещал пропустить нашу группу без особого досмотра. Я вернулся в Ростов, и Володя Грицихин (я писал о нем в самом начале) помог мне достать две тротильных шашки и электродетонатор, правда, всего один. Ладно, на месте будет видно. А пока я сижу в поезде, который везет меня в Адлер...

Забавное совпадение — 18 апреля была авария, сегодня ровно четыре месяца. Это официальный срок, когда закрывают больничный и выписывают временную инвалидность. Мне пока открыли новый больничный — на гастрит, который и в самом деле есть. Лечить же будут от последствий аварии — что-то с сердцем, последствия переломов и всяческая реабилитация. Самое противное — травма черепа, небольшие проблемы с памятью и координацией движений. Обещают, однако что все восстановится. Для лечения даже положили в больницу, но для реабилитации я попросился на неделю на море. И меня отпустили! Попросили только следить за собой и не перегреваться на солнце — если там станет плохо, им придется объяснять, почему я числюсь в больнице, а оказался в Адлере. Пообещал не перегреваться и уехал.

19 августа, Адлер

Созвонился с Вилисовым и Резваном, кинул рюкзак у Володи Шевчука. Сегодня сваливается с Арабики группа Киселева-Комарова, на их место забрасывается московская группа Дениса Прова лова, оба дела одним рейсом машины. Вечером парни будут здесь, надо -ждать. Знакомый Володи Шевчука, майор-десантник из Гудауты, очень уважает подводников и обещал всяческую помощь, в том числе выделить сапера и все необходимое для взрывов. Это очень радует. Ездили с Володей в аэропорт, встретили группу Андрея Бизюкина, тоже из Москвы, пообщались. Они только что сбросились с Фишта, говорят, что установили новый рекорд России — 600 с чем-то метров. Грустно все это после прежних масштабов. На Фиште столпотворение, Бзыбь почти закрыта. На самом деле, может быть, просто никто не знает о том, что она уже открыта? Или все-таки закрыта? Узнаем, определимся.

20 августа, Адлер

Утро, никого. Позвонил Вилисову, Резвану — то же. Продолжаю ждать. Второй день — постельный режим с книжкой, как обещал. Прерываюсь только на походы в столовую и к телефону.

Вот уже и вечер. Мужики позвонили Вилисову, завтра увидимся, это радует.

21 августа, Адлер-Гудаута

Утром появились Вилисов и Комаров. Киселев и почти все остальные сегодня уезжают, остаются только Комаров и Петров. Ну что ж, четыре человека (считая Вилисова) — пожалуй, оптимальная компания. Решили, что мы с Витей поедем на день в Гудауту, познакомимся с майором, потом в форелевом хозяйстве увидимся с тамошним начальством и, подготовив почву, вернемся. В поселке Веселее (с нашей стороны границы) примерно в то же время, когда мы будем проезжать, Киселев и К° будут забирать оставленное чуть раньше барахло — веревки и прочее, можно будет увидеться и поболтать.

Увиделись, поболтали, расстались, пересекли границу. Абхазия. Впечатление тяжелое. Разрушений меньше, чем я ожидал, но они есть. В этих таких знакомых, почти что родных местах, совсем недавно шла война. Здесь одни наши друзья, знакомые, просто приятные и еще совсем недавно вполне нормальные и спокойные люди убивали других таких же. И умирали сами — не очень понятно, зачем и почему. Этот сумасшедший дом с трудом укладывается в голове, тем не менее, война была настоящая, здесь всерьез убивали и еще много чего делали. Рассказывают о зверствах, пытках, о бесцельном и бессмысленном садизме. Не хочу повторять эти истории, не хочу быть судьей и поэтому не называю национальностей этих зверей. Не исключено, что таковые были с обеих сторон.

Добрались, нашли нашего майора*, спасибо Шевчуку за это знакомство. Майор целый вечер отговаривал нас от наших планов, и, видимо, был по-своему прав. Одичавшие, озверевшие люди, распробовавшие вкус свежей крови, вооруженные чем только можно, привыкшие работать и промышленяющие разбоем, не боящиеся никакой милиции и власти, тем более, что ни того, ни другого не видно и неизвестно, есть ли они вообще... Их было много во время войны, но сейчас, когда миротворческие силы заняли широкую полосу между Грузией и Абхазией, они переместились в безопасные места, и плотность их, в частности, в районе Гудауты резко увеличилась. Они грабят и убивают, воруют детей ради выкупа и женщин — не всегда ради выкупа, останавливают и забирают машины и еще много чего делают, и все это — совершенно безнаказанно. Особенно противно, что в большинстве своем это сопляки по 16-20 лет, пропитанные наркотиками и водкой, почти не соображающие и очень легко нажимающие на курок... Жить здесь стало совсем нелегко, и даже те, кто не стал беженцами в войну, сейчас собирают все, что можно собрать, и уезжают — хоть куда-нибудь.

Это говорил не напуганный пацан, а майор-десантник, очень круто прошедший через Афган (Шевчук рассказывал кое-что) и вообще много чего повидавший. Надо сказать, он нас почти убедил. И, тем не менее, оставил лазейку, сказав: «Решайте сами. Я бы не стал без особой нужды соваться за пределы части». Я мысленно уже проиграл, представил, как вернусь ни с чем, какой отрицательный импульс это даст всей нашей работе. Лучше бы я сюда не приезжал, спокойнее было бы ничего не знать: легче бы потом, по прошествии какого-то времени собрались в экспедицию. После таких новостей — попробуй что-то организовать. Авантюристы-то же переводятся, но

*) К сожалению для автора, майор пожелал остаться неизвестным.

дети, жены, родители... Представил, сколько моих друзей, да и не только друзей, просто отличных ребят, для которых так много значит это слово — Мчишта, ждут, очень ждут и готовы при первой возможности выехать. Посмотрел на Витю: «Ну что, а может быть, прорвемся?». И Витя меня немало удивил. Он подумал — и согласился! И майор тоже удивил. Услышав наше решение, он быстро переключился на обсуждение дальнейших планов. Так значит, они оба — всерьез? Так значит, все-таки едем! Поражение отменяется — пока... Если майор быстро и не очень заметно подбросит нас поближе к месту, мы залезем под землю и не будем высовываться до условленного времени, когда он нас заберет — есть шанс, что все обойдется. На том и порешили.

22 августа, Гудаута-Адлер

Утром проводили майора до штаба, он занимался своими делами, но между тем договорился о двух шашках тротила и детонаторах с бикфордовым шнуром на 100 секунд. Шнур короткий, но шашки — очень кстати! Если бы этого добра было побольше, не пришлось бы переносить через границу то, что добыл Грицихин. Ладно, рискнем и здесь. Если засунуть в карман палатки, палатку свернуть-завязать, обернуть полиэтиленом и опять завязать, может, поленятся. И вообще, досматривают очень и очень немногих... Ну да ладно. Будем считать задачу этой поездки выполненной, подготовка проведена. Что до посещения Мчишты — по словам майора, рыбхоз закрыт и вообще там все знавшее нас начальство сменилось. Да и потом, дорога — мимо, объект — в стороне.

Распрошались на сутки, уехали в Адлер — за Вилисовым, Петровым, вещами и всяческими спальниками. По дороге навестили в Гантиади две семьи витиных знакомых, у которых он обычно оставлял снаряжение между экспедициями. Взяли провода к детонатору, отсыпали карбида. В обеих семьях были приглашены к столу, и, несмотря на дефицит времени, не могли отказаться. Для них мы — «гости с Большой земли». Рассказы о войне, детали, подробности. Разговоры о жизни после войны — не стала ли хуже? Может, и стала... А в голове вертелось все то же — ведь все они тут как-то живут! В общем, если очень хочешь себя в чем-то убедить, то это нетрудно. В конце концов, что с нас взять? Да под автоматом мы и сами все, что есть, отдадим, вот еще, жадничать! Ну, а просто так убивать — это было бы и глупо, и странно. Ненависти к русским ни у кого нет, отношения с местным населением всегда были хорошие и совсем не стали хуже. Если и есть где-то горстка подонков, то их не так много. Кстати, оказывается, Витя с Володей Киселевым не только были первой группой спелеологов, посетившей Абхазию после войны, но они же уходили последними в начале войны. Сваливались с гор уже среди всех этих событий, вместо транспорта — танки и БТРы. Не бросать же спелеологию из-за разборок грузин с абхазами!

В Адлере Вилисов сообщил забавную новость: завтра на границе санитарный день! Он не смог объяснить, что это значит, и мы вволю нафантазировались о том, как запертую на амбарный замок границу чисто подметают, а потом выгоняют толпу штрафников или, к примеру, нарушителей в наручниках со швабрами и ведрами хлорки, чтобы они ее промыли-продезинфицировали. Позже я спросил водителя автобуса Адлер-Веселое,

он подтвердил. «И что, никого не пускают?» — «Да нет, всех не оставишь».

Не очень понятно, но ехать надо. У Вити 25 августа — паровоз, на все про все осталось только два дня, не выбрасывать же один из этих дней только потому, что у них граница закрыта на санитарный день! Как придумают что-нибудь! Ладно» попробуем, хоть это и тревожно. И еще неприятность — Петров и Вилисов не смогут с нами поехать. Черт побери, проблемы за проблемами... И до кучи еще одна: Витя не зря постоянный напарник Киселева, он не может ходить медленно. Времени было мало, тормозить его не хотелось, я как-то быстро уходился и слегка разболелся, не ожидал такой слабости. Этого еще не хватало! Может, к утру пройдет. Исправно пью таблетки, соблюдаю — пока! — режим. Экспедиция называется...

Вечер. Были у Васи, получили последние советы и описание — где эта пещера вообще находится.

23 августа, Адлер-Гудаута-Мчишта

Проклятое инвалидство! Всего пять дней инвалид, а уже так надоело! Казалось, что уже почти вес нормально, только в ходьбе от Вити отстаю. Как бы не так! Майор попросил привезти канистру бензина, навязал деньги, и я ходил эту канистру наполнять. Рюкзак в двадцать килограммов оказался таким тяжелым, что я шел с трудом. Витя предложил набрать хлеба и консервов для знакомых в Абхазии, и наши рюкзаки еще потяжелели. С личными вещами у меня было килограммов тридцать, и оказалось, что нынче это предельный для меня вес. Кончилось (и довольно быстро) тем, что Витя отобрал у меня рюкзак и повесил себе на грудь. Экспедиция, черт побери:

Взяли десять булок хлеба для знакомых, у двух булок удалили мякоть, заменив ее тротилом, упаковали, завернули, завязали. На границе меня затормозили и велели показать, что несу. Показал, но глубоко не рылись. Оказывается, бензин можно перевозить не больше канистры на каждую машину, а пешком — запрещено. Какая чушь! Разозлился и едва не вылил на землю, потом решил продать и уже нашел покупателя, но пограничники — сами! — подсказали: надо остановить машину, пересекающую границу без канистры, и на ней переехать. «Вот тогда — мы не возражаем». Пока я пытался найти такую машину, пришел из-за границы Витя, сказал: «Слушай ты их больше!» и, взяв мой рюкзак, вернулся в Абхазию. На него не обратили внимания.

К обеду были у майора, примерно через час — на Мчиште. Нужно нам место лежит на 230 м выше Мчишты и немного в стороне. Майор подбросил нас по грунтовке, сколько смог, договорились о встрече завтра в 16 часов. Полтора часа пешком — и мы на месте. В одном из крайних домов Блабурхвы живет старый витин знакомый — Василий Титович. Встреча после войны — это отдельная тема. Разговоры, рассказы... Однако, надо идти в пещеру.

Пещера оказалась в 300 метрах от дома. Вдвоем работать сложно, слишком узко и слишком много сыпется. Первым пошел осмотреться Витя, после его выхода — я. Лазить тяжеловато, плохо работают колени. Время, впрочем, есть, поэтому я спускался очень медленно, на самое дно не пошел. Последние семь метров — вертикальная узость, которую Витя прошел с трудом, не с первой попытки. Там, впрочем, и делать, кажется, нечего. Со слов Вити, шель, на

которую нацеливал нас Вася, выглядит сомнительно и совсем не дышит. Несколько выше, перед вертикальной узостью, есть другая щель, которая меня тоже заинтересовала. Ветер, как говорят в таких случаях, «сбивает с ног», то есть, во всяком случае, свечку гасит.

Я уже замечал, что такой ветер оказывает на спелеологов интересное действие: загораются глаза, руки тянутся к молоткам, лопатам, взрывчатке. Скорее, скорее, что-нибудь расширить и пройти. Мы с Витей — не исключение. Правда, Вася говорил о щели внизу, но таксе бывает, вода ищет себе дорогу под землей, и иногда русло заметно меняется за несколько лет. За годы, прошедшие после последнего рабочего выхода, пещера постепенно заполнялась землей, ветками и прочим мусором, ее надо хорошо чистить. Вася работал здесь на поиске верхних входов в Мчишту три летних сезона с экспедициями грузинской Академии Наук, с великим Тмнтиловым. Поиски, раскопки, взрывы, геофизические методы разведки. В пятидесяти метрах от поверхности эти методы показали полости очень большого объема, высотой также около 50 метров. Наш объект, понор* Циви, углубился после серии взрывов уже на 30 метров, по словам Васи, через щель уже слышно гулкое эхо, шум то ли водопада, то ли реки. Именно этот понор показался им самым перспективным, но работы были прекращены семь лет назад.

При нашем посещении пещеры то ли щели подзатянулись, то ли нам не повезло с погодой в пещерном микроклимате и «на улице» (говорят, дождей не было месяца полтора, а такое здесь большая редкость). В общем, Витя шум воды не услышал. Я устроился на полочке и просто сидел — время позволяло. Хотелось подумать. Вернулась острога ощущений, как при первых шагах в больнице. Это и были — первые шаги, я вернулся, я опять в пещере! Спасибо всем, кто помог, особенно — Виктору. Как я едва тащился за ним по тропе и пот заливал глаза. Как он нес два рюкзака, пока мы не разгрузились — канистру отдали майору, большую часть продуктов оставили внизу. Как я еле полз по пещере... Все это, однако, хоть и очень медленно, но проходит. Быстрее всего наступает прогресс в лазании по пещере. Уже на втором спуске я двигался гораздо лучше. Пройдет и все остальное. Однако, я отвлекся. Итак, я сидел, расслаблялся и медитировал. Когда совсем не шевелился и почти не дышал, вдруг послышалось... Да нет, в самом деле, я слышал реку. В пещерах, впрочем, не редкость и галлюцинации. В общем, я посидел, постучал камнями, почистил немного ход и вышел.

Была мысль отложить взрывы, приехать с большей командой и на больший срок, хорошо почистить, в том числе и скальным молотком, подготовить шпур, а вот тогда уже и рвануть. Подумали и решили не откладывать дальше, чем на утро. Зачем таскать тротил впустую, да и надоела вечная проблема — отсутствие взрывников. Теорию уже освоили, надо же когда-то и к практике приступать. Послушав мои рассказы о предыдущем опыте, учитывая, что я достал тротил, да и лежит он сейчас (видимо, самый главный аргумент!) в моем рюкзаке, Виктор объявил меня большим, чем он, специалистом, а стало быть, главным подрывником. Ладно, если надо кого-то назначить, пусть будет так. Предыдущий опыт, черт побери! Ей-богу, я ведь рассказывал все так, как было...

*) *Понор* — это пещера-поглотитель поверхностного стока.

Небольшое отступление

Приморский край, пещера Известковая заканчивается в 35 метрах от входа. Затыкается натечной корой, перекрывающей ход. При первом посещении я стукнул несколько раз скальным молотком, под корой обнаружился глыбовый завал, из-под которого местами... еле-еле... кажется... дышало! Хотелось пройти этот завал до конца, и я стал в этой пещере самым частым посетителем. Прошло лето, кончалась осень. Из завала было убрано уже немало кубометров, все дальше уходил вдоль монолитной стены ход. Когда ход пошел вверх, все стало окончательно противно. Натечная кора давно прекратилась, все эти камни висели над головой, держась непонятно на чем. Разбирать их очень не хотелось. Вот если бы — рвануть... Удалось достать шашку тротила и взрыватель от гранаты, отверстие для штатного детонатора пришлось немного рассверлить. Теория была известна, сложностей не предвиделось. Нужен был объемный взрыв, «сотрясение воздуха», чтобы стряхнуть завал. На месте работы нашлась удобная полочка для заряда. Отгибаю усики и почти вытаскиваю чеку. Осторожно протискиваюсь на выход, разматывая шнур. На улице выбираю слаbinу и сильно дергаю, но ничего не происходит. Выждав минут 15, опять выбираю и дергаю по сильнее. Выждав еще немного, опять выбираю, и вдруг в руках оказывается... чека! В чем же дело? Выждали еще час, пообедали. Так хотелось прислушаться к советам — не ходи, не связывайся, оставим, само сработает. Пещера посещается редко, но если случится посетитель — капкан готов. Нет, надо было разбираться! Я полз очень медленно, внимательно осматривал пол. Вот и полочка, заряд мой, на удивление, на месте. Только лежит он как-то странно — я его не так оставлял. Черт побери! Он развернулся и придавил ручку. Под давлением пружины ручка отошла градусов на 45 и теперь все это стоит — балансирует. Я не знал, на сколько должна отойти ручка, чтобы освободить боек — на 46 или на 90 градусов? А дорога назад — длинная, ползком, под нависающими камнями. Может быть, профессионал справился бы со всем этим легко и непринужденно, но я смотрел на свою мину, как на готовую прыгнуть змею. Очень медленно двинулся назад, выбрался. А оставлять-то нельзя! Из пиротехники с собой был еще взрывпакет, из тех, что на учениях используются для имитации. Бикфордов шнур, правда, короток — поджечь и бросить. Голь на выдумки хитра, я привязал к нему свечку, рассчитав минут на 15. Выждал сутки — может, землетрясение, или мышка хвостиком махнет, или — сквозняк. Но это не помогло, и пришлось опять ползти, хуже, чем стоять в очереди к зубному... Поставил, поджег и тихо удалился. На улице дождался двух хлопков с интервалом в две секунды. Дело было сделано, напряжение отпустило. А завал, кстати, остался висеть. Взрыватель от гранаты шашку не подорвал, а только разнес на куски, хоть специалисты и обещали...

Взрывать больше было нечего, а главное — совсем не хотелось. Такой вот у меня был предварительный опыт, и прошло лет пять, прежде чем я опять собрался. Здесь, правда, не было другого пути, да и все было вполне штатное, безопасное. Электродетонатор — вещь! Все спокойно настраиваешь и выходишь, и голова не болит — ничего не произойдет, пока не подсоединишь батарейку. Это, впрочем, теория.

Теория — это хорошо, с практикой несколько хуже. Я спокоен, я совершенно спокоен — только вот почему-то руки дрожат. Но я же в самом деле спокоен! А руки — будто сами по себе, как не мои. Эта дрожь появилась тогда, когда заряд был установлен и я разматывал провода. Виктор остался наверху. У нас всего один комбинезон, каска и свет, я ведь, уезжая из дома, в пещеру не собирался, да и вдвоем все равно было бы тесно.

Хорошо, когда* время есть и ни от кого не зависишь, можно делать все очень медленно, постепенно. Расклинил в щели камень. Ввел в шашку взрыватель, вывел провода, уложил весь мешок на камень. В мешке — 600 г тротила (подарок Грицихина) и россыпью с полкилограмма аммонала (подарок Шевчука). На поезд бы такого заряда вполне хватило! Обложил камнями, чтобы усилить эффект. Подсоединил две жилы кабеля, разматывая, вышел. Чего же все-таки руки дрожали, ведь по теории — полная безопасность? Видимо, у них свое отношение к этим делам, своя память...

Эх, и рвануло! Виктор предлагал отнести провода из воронки подальше — многовато живых камней. Я не согласился — боялся не услышать взрыв. Сейчас это забавно. Даже сидевший дома Василий Титович спросил нас потом, не слышали ли мы, как в горах что-то взорвалось? Пришлось соврать — слышали за поляной, самим интересно. Взрыв и вправду был очень мощный, чуть позже клубы черного дыма довалили. Дым заставил ретироваться от воронки, но примерно через полчаса рассеялся, и мы смогли приблизиться. Виктор оделся и сходил посмотреть, после него пошел я. Черт побори! От такого мощного заряда — никакого эффекта! Только весь зал — черный, вся пещера в копоти, а от стенки всего несколько камешков отвалилось.

Пожалуй, без нормального расклинивания — а если совсем правильно, то и без шпуров — здесь в будущем делать нечего. У нас было слишком мало времени, слишком мало сил. Тем не менее, хоть нам и не удалось пройти узость, мы сделали совсем не мало для первого посещения. Нашли, убедились, заинтересовались. Засыпалась пещера не так сильно, как можно было ожидать, перспективы есть, и очень большие. Получили какой-никакой опыт взрывных работ. Стало понятно, что и как нужно делать. Познакомились с майором, заручились поддержкой на будущее. Да в конце концов, самое главное в том, что мы убедились: ездить — можно! Общаясь с абхазами, я каждый раз спрашивал о том, чем пугал майор. Они относятся к этому гораздо спокойнее. В поездках оружия в руках у гражданских мы не видали, если не считать дорожных постов. Это что-то вроде самообороны — жители ставят шлагбаум и по очереди, человек по пять, с автоматами возле него дежурят. Видимо, бояться все-таки есть чего, но и работать тем не менее — можно, и это главное. Надо думать, зимняя экспедиция состоится в любом случае, а все остальное — уже детали.

Что было дальше? Да, пожалуй, ничего особенно интересного. Много общения — Василий Титыч, старые знакомые по дороге. И везде были нам рады, и везде — черт возьми! — доставали чачу. Отказаться было невозможно, этого бы никто не понял. Мой больничный режим «пошел по бороде» вслед за постельным. Да туда ему и дорога, собственно говоря, надоела эта неполноценность. Много пить я все же избегал — как мог.

Встретились с майором, вместе с ним прошлись по форелевому хозяйству до сифона. Мы не могли там не побывать. Сорвал по дороге два цветка, хозяева нас простят. Над сифоном появилась новая табличка — Сергея Шадрин, ее прикрепил Гормозека в последний приезд. Пристроил по цветку на каждой табличке. Уровень воды — небывало низкий. Я такого низкого здесь никогда не видел, на пару метров ниже среднего. Форелевое хозяйство работает, все цело, даже растут цветы на клумбах. Слухи о развалинах на месте гостиницы — испорченный телефон. В гостинице целы все стекла и чисто подметены полы. Только в прудах пока нет форели — были проблемы с кормами, кроме того, в войну приходили бойцы и требовали рыбу, а когда рыба уже кончилась — не верили и кидали в пруды гранаты. Тем не менее все цело, корма ожидаются, молоть — подрастает. Майор довез меня до границы, Витя вылез в Гантиади, то есть, по-новому, извиняюсь, в Цандрыпше. Я ночевал у Шевчука.

25 августа, Адлер

К 12 часам подъехал Витя, навестили Васю Вилисова. Долго общались по результатам, разговаривали о планах на будущее и вообще «за жизнь». Январская экспедиция — все реальнее и конкретней. Так и кончилась эта поездка (все же экспедицией ее назвать трудно). Проводил Витю, взял билет на ночной поезд и уехал в Ростов.

Необходимое замечание

Вниманию милиции, прокуратуры и министерства обороны. Автор имеет право на вымысел и широко им пользуется. Все, что касается взрывных работ, включая добывание тротила, перенос его через границу и использование — плоды авторской фантазии. Знакомый майор — персонаж вымышленный. В действительности всего этого не было.

ПЕТР МИНЕНКОВ

ТАК ЭТО БЫЛО

(Из воспоминаний участника событий)

1 октября

Получилось так, что на Мчишту красноярская группа заехала первой. Вообще-то мы должны были появиться здесь не раньше 4-5 октября, но нам здорово помогли на Арабике мужики, которые попали к нам на спелеотуристический семинар ВТП. К тому же время работы в Юбилейной сократилось — пещера за сифоном неожиданно «пошла», а веревки не хватило, и ее быстро развесили. Короче, 1 октября на «Икарусе» мы прибыли на Чернореченское форелевое хозяйство, находящееся в трех километрах от магистрали Сочи-Сухуми > недалеко от Гудауты. Это хозяйство расположено на карстовом источнике с названием Мчишта — «след ладьи» в переводе с абхазского, но более известном под именем Черной речки. Источник этот является мощнейшим на Кавказе со среднегодовым расходом воды около 10 кубометров в секунду. Но максимальный расход подскакивал и до 200 кубов, при этом вода буквально фонтанировала из-под земли. Окрашиванием воды установлена связь этого источника с пещерой Снежной, находящейся от него на расстоянии 25 километров. К тому же между Снежной и Мчиштой существуют другие карстовые источники, могущие служить разгрузкой множества пещер глубиной до километра, находящихся на этом участке Бзыбского хребта. Поэтому можно предполагать, что они объединяются одной гигантской гидросистемой, которая выходит в сифон источника Мчишта. Продолжение сифона сулит возможность открытия огромных залов, многокилометровых галерей этой подземной страны, не знающей мировых аналогов.

Именно поэтому еще с 1976 года внимание подводников красноярского краевого клуба спелеологов было приковано к этому уникальному объекту природы. Подводные работы осложняла значительная глубина и длина сифона, а также постоянно плохая видимость в воде. В августе 1987 года удалось наконец-то пройти сифон и выйти на подземную реку. Январская экспедиция 1988 года увеличила длину пройденной за сифоном части до 1200 метров. И вот теперь мы рассчитываем продолжить наши исследования.

В этот же день подъехали три парня из Владивостока во главе с Рашитом, доставившие свое водолазное снаряжение. Еще трое их подводников должны были появиться завтра, и тогда все мы были бы в сборе. К вечеру удалось собрать и подключить компрессор, приведенный из Красноярска. Вернее, голову и приборный щиток прислали владивостокцы, а мы собрали все это вместе с нашим двигателем.

Руководство хозяйства появилось в этот день только к вечеру. Была суббота, но ожидался приезд «высоких гостей», и обслуживающий персонал трудился вовсю — на костре висел большой котел с козленком, отлавливалась форель. Мы с Володией Киселевым из Москвы, который вместе с нами

работал в Юбилейной, пошли представляться. Директор и заведующая лабораторией встретили нас, как старых знакомых, а когда я передал им что-то вроде буклета, сделанного нами на Мчиште, они совсем растаяли и одарили нас пакетом со свежей форелью. Особенно восхитили их фото с натекками, сделанными в зимнюю экспедицию. На этом мы расстались и пошли заниматься своими делами.

2 октября

Доделывали компрессор, регулировали и настраивали легочники и редукторы. Макс Шипунов и Витя Афанасьев из Свердловска, ходившие с нами в Юбилейную, активно помогают. Макс рассчитывает сделать первые погружения — после рассказов Андрея Скачкова он решил срочно освоить спелеоподводное дело. Выяснилось, что отсутствует соединительная трубка от компрессора к фильтру. Завтра нужно будет поискать ее в Гудауте или Адлере. Но хорошо то, что у Рашита полные баллоны. Он рассчитывает уже завтра сделать адаптационные погружения с выходом в первый пузырь, одновременно занеся туда часть груза. Практически это будет первопрохождение наиболее сложной части сифона. Я думаю, что для адаптации это многовато, учитывая то, что сифон для мужиков незнакомый. Но Рашит настроен оптимистично. Говорит, что их группа регулярно тренировалась до самого последнего времени на глубинах до 47 метров. Что ж, ему виднее — мужиков своих он знает. У нас готовятся идти за сифон, кроме меня, Андрей Скачков и Володя Киселев. Глубин в 45 метров он, правда, не достигал, но я думаю, после адаптационных погружений освоится и в сопровождении сможет пройти сифон. Вечером мы с ним по очереди сходили до 40-метровой глубины — оба чувствовали себя неплохо.

Вечером подъехала группа владивостокцев во главе с Кохой — Николаем Авдеевым, которые были в пещере Киевская в Средней Азии. Готовились обследовать сифон на дне, но серия спасательных акций помешала этим планам. Теперь трое из них остаются на Мчиште, остальные идут в пещеру Форельная, находящуюся над нами на Бзыбском хребте. Из знакомых здесь, кроме Кохи, — Кашля (Шура Кашлев), с которым встречались в 1984 году на Бзыби. Он и Саша Горшков также готовятся идти за сифон.

3 октября

Все разъехались — Скачков в Гудауту за трубкой для компрессора, мы с Киселевым — в Новый Афон для переговоров с директором. Этим же утром приехал Шура Бурмага — парень из нашего клуба, который теперь учится в Москве. Перед ним стоит задача фотосъемки наших работ на источнике. Я рекомендовал ему сделать в этот день тренировочное погружение метров до 40, а заодно испытать контейнер-бокс для фотоаппаратуры.

Вернувшись вечером на базу, узнаю, что во время тренировочных спусков (все ходили до глубины 42–45 метров) Сергей Ковзун заработал кессонку — профессиональное водолазное заболевание, обусловленное быстрым всплытием с глубины без остановок для декомпрессии. Он пробыл под водой 34 минуты. Толком не может сказать, сколько находился на дне, но, видимо, приличное время. Всплывал быстро, практически без остановок. После выхода чувствовал себя сначала нормально, но вскоре начались сильные боли в груди. Его быстро одели в снаряжение и запихали под воду в сопровождении Рашита. Режим

всплытия выбирали, конечно, набум, но после выхода на поверхность Сергею немного полегчало. В сопровождении Андрея Скачкова он уехал в Кудепсту — к старым знакомым Скачкова, где тот лечился зимой в барокамере после аналогичной истории.

Атмосфера в группе в общем-то спокойная. Рашит даже считает, что это не кессонка — Сергей «съел» всего ведь всего два баллона воздуха. Я проверил по таблицам — даже при минимальном предполагаемом времени нахождения Сергея на дне, он должен был сделать первую остановку уже на 9 метрах, чего, конечно, не было. В общем, повторилась зимняя история — теоретически все знают о кессонке, а практически пренебрегают элементарными правилами всплытия. Видимо, дело в психологии людей — кессонная болезнь кажется не такой реальной, как, скажем, баротравмы. К тому же у нас почему-то считают, что с двухбаллонным аквалангом невозможно перейти временной рубеж, после которого необходимо проходить декомпрессию. Практика говорит о другом. Вообще, такое отношение настораживает. Придется, видимо, перед погружением объяснять каждому режим всплытия. Груз в первый пузырь не транспортировали — еще не упакован. Перенесли это на завтра.

4 октября

Мы с Рашитом занимаемся компрессором. Как и должно быть на необкатанной технике — а обкатать мы ее в Красноярске не успели — была куча неисправностей. Самая серьезная — большое биение шкива по валу компрессора. Сейчас уже ничего не исправить, но к зимней экспедиции нужно делать новый шкив. Пока же с горем пополам заряжать баллоны можно.

Осталые мужики пакуют груз за сифон. Все у них идет как-то медленно, с бесконечными перекурами. После обеда заряжаем акваланги и начинаем стаскивать все потихоньку к сифону. Нырания наверняка затянутся до глубокой ночи, но переносить на завтра — значит терять день.

Неожиданно выяснилось, что Рашит в воду не пойдет — ему нужно заклеить костюм и доделать еще кое-что по мелочам. У Киселева вскрыли панарий на пальце, он тоже «стал». Осталось нас семеро. Рашит предложил мне руководить сегодняшними погружениями. Плохо, что не знаю его мужиков, как подводников, но думаю, на месте разберемся.

Беспокоит еще отсутствие в сифоне телефонного провода, который мы протянули зимой. Наверху остался обрубок метра три, а в сифоне ничего не найдено. Маловероятно, что он мог собраться в клубок в нижней части сифона. Видимо, лучше будет одному пройти весь сифон до конца, проверить состояние тросовых перил и поискать провод. Вполне возможно, что придется возвращаться без всплытия за сифоном в случае обрыва перил, а одному без напарника это сделать будет проще.

На улице почти стемнело. Даю последние указания мужикам, чтобы были готовы к моему возвращению, и начинаю погружение. У меня за спиной четырехбаллонный акваланг, к которому привязан еще мешок с консервами, чтобы не ходить порожнему. Он в общем-то не мешает, хотя добавил некоторую отрицательную плавучесть.

Ориентируюсь по тросу, который оставляю слева от себя. Планирую вниз с камня на камень по крупноглыбовой осыпи. Глубина набирается быстро, начинаю чувствовать обжим. Для компенсации увеличивающейся отрицатель-

ной плавучести поддуваю воздух в костюм. Сразу возрастает свобода движения, появляется чувство невесомости. Внимательно слежу за состоянием троса — хотя он довольно толстый, 6 миллиметров, но лежит в воде уже три года. Расходую воздух из однопаллонного аппарата, который взял с собой с поверхности и держу сейчас в руке. На глубине в 22 метра я оставляю его и переключаюсь на основной аппарат. Это позволит сэкономить запас воздуха и одновременно оставить резерв на возвращение.

Крупные глыбы на глубине 20 метров сменяются полого уходящим вниз галечным дном. Я пристегиваю баллон к тросу и включаюсь в основной аппарат. Проверяю оба легочных автомата — работают нормально. Работая ластами, продолжаю набирать глубину. Трос удалется от левой стены, и она пропадает из поля зрения. Видимо, в воде взвешены мельчайшие частички известняка, и видимость сейчас составляет не более полутора метров.

Правая стена хода исчезла сразу же при входе в сифон, и единственным ориентиром сейчас служит уходящее вниз галечное дно. Глубиномер показывает уже 40 метров, вскоре должен быть перегиб сифона. Начинаю ощущать признаки глубинного опьянения — мысли в голове замедляются, приходится усилием воли концентрировать свое внимание на путеводной нити — тросовых перилах. Вот уже кончился галечник, началось песчаное дно. Глубина в этом месте 45 метров. Физически чувствую поток воздуха, поступающего через загубник — ведь его плотность почти в шесть раз больше, чем у того, которым мы дышим на поверхности. На дне валяются обрывки старого провода. Стараюсь не запутаться в них, прохожу без задержек этот участок. Вот и начало подъема. Песчаное дно плавно уходит вверх. Стен и свода по-прежнему не видно. Помогая себе руками, начинаю всплывать. Необходимо быстрее пересечь тридцатиметровую отметку глубины, чтобы не выйти на длительный режим декомпрессии. С глубины 25 метров трос отрывается от грунта и уводит меня круто вверх. Чувствую, как расширяющийся под костюмом воздух стремится выбросить меня к своду сифона. Нажимаю срабатывающий клапан костюма, но он не успевает сбрасывать лишний воздух. Поднимаю лицо и воздух с шумом вырывается из-под шлема. На глубине 6 метров делаю двухминутную остановку, затем еще 6 минут — на глубине 3 метра. По сифону я шел довольно быстро, и, согласно декомпрессионным таблицам, остановки для декомпрессии мне не нужны, но для профилактики решаю все же их сделать.

Но вот, наконец, и зеркало воды первого пузыря. Он представляет из себя грот округлой формы до 10 метров в поперечнике, в котором мы с Володей Грицихиным из Ростова всплыли впервые в 1986 году. Держаться приходится только на плаву — стены грота обрываются круто в воду, не образуя дна. Трос закреплен за скальный выступ. За него же заведен толстый провод, играющий роль следующих перил. По нему выхожу во второй пузырь. Этот участок сифона глубиной 7 метров и длиной 55 метров сложностей не представляет. Заключительный этап длиной 110 метров, приводящий из второго пузыря за сифон, также прохожу без проблем.

Сняв акваланг и ласты, вытаскиваю мешок с консервами из воды по крутому склону вверх, к началу горизонтальной части галереи. Здесь нахожу наше снаряжение, оставленное в январе, а также телефонный провод, уходящий в воду, который мы не могли отыскать. Начинаю его выбирать и в итоге вытаскиваю весь на берег. Теперь нам предстоит вновь перетянуть его через сифон, но

это — задача дальнейших погружений. Тогда я и не предполагал, что через пару часов разыграется трагедия, после которой все последующие дни мы будем решать совсем другие проблемы.

Пока же я проверил «индикаторы» подъема уровня воды в сифоне — попросту пустые консервные банки, расставленные на разных уровнях еще в январе. Они оказались заполненными водой до отметки 7-8 метров. Значит, в период с января пещера за сифоном полностью не затопливалась, и возможность этого маловероятна.

Стараюсь пробывать на берегу хотя бы минут 45, чтобы сократить время декомпрессии при возвращении.

Обратный путь продельваю без приключений. На перестежках в нижней части подтянул репшнур на тросу, чтобы можно было проходить в стороне от обрывков старого провода, не цепляясь за них. При всплытии сделал декомпрессионные остановки на 6 и 3 метрах и вышел наверх. Там уже готовятся к погружению два Шуры — Бурмага из Красноярска и Кашлев из Владивостока. Время позднее — уже стемнело. Но решаю не складывать заброску груза на завтра, чтобы не терять день — их уже осталось не так много.

Следом за ними идут Андрей Нор и Коля Авдеев — Коха. Все несут по одному мешку груза. Первая двойка дождется вторую в пузыре — подстрахует ее, а заодно пройдут декомпрессию. После этого в такой же последовательности они возвращаются обратно.

На деле же получилось иначе. Когда Шура с Кашлей всплыли в пузыре, Кашля пожаловался, что затек, и ему нужно срочно вернуться. Ждать вторую двойку в пузыре он не мог, так как начал здорово мерзнуть. Бурмага не мог пойти сейчас с ним, так как ему нужно было переставить редуктор с одного баллона акваланга на другой. Он заметил, как Кашля пристегнул карабин на трос и начал погружаться. После этого живым его больше не видели.

А в это время наверху заканчивала подготовку вторая пара спелеоподводников. Сборы их затянулись, к тому же у Андрея возникли проблемы с грузом. Ему досталась «база» — спальник с надувными матрацами, и утопить их, конечно, было непросто. Наконец, со второй попытки им удалось погрузиться в сифон.

Минут через 5 мы услышали шум пузырей воздуха, выходящего из-под воды. Видимо, первая двойка проходит декомпрессию и скоро выйдет, решили мы. Действительно, минут через 8 показался Шура Бурмага. Выяснив, что Кашля пошел назад первым, я понял, что случилось непоправимое. Мгновенно накатило оцепенение от сознания бессилия что-либо поправить. Сразу вспомнился ноябрь 1987 года и случай у нас в Орешке. Тогда было такое же состояние внутренней опустошенности. Остальные, собравшиеся у сифонного озера, молчали, хотя, я думаю, понимали, что случилось.

Выяснилось, что Шура при всплытии на 20-метровой глубине встретил двух человек, идущих вниз. Может, там было не двое — трое, и Шура просто просчитался? Лихорадочно работающая мысль подсказывает варианты спасения Кашли. Человеческой природе свойственно надеяться на лучший исход даже при самых минимальных шансах. Может быть, Кашля вернулся в пузырь из-за неисправности аппарата или просто перепутал направление движения, а Шура его не заметил при своей близорукости? Мне или Шуре рискованно идти в сифон, ведь это будет уже третье погружение. Решаю послать в сифон Сашу Горшкова, который уже был готов к погружению. Надев четырехбаллонник, Горшков ушел в сифон.

Потянулись минуты томительного ожидания. Обсуждаем возможные варианты спасения Кашли — он мог потерять сознание и, заблудившись в подводном коридоре, всплыть под свод, оказавшись в каком-нибудь подводном пузыре. Мог, ориентируясь по общему подъему дна сифона, выйти во второй пузырь или вообще в засифонную галерею.

Минут через 40 мы услышали долгожданные звуки пузыря воздуха, поднимающегося на поверхность, а вскоре показался Андрей Нор. Его била крупная дрожь, руки ходили ходуном. Я пытался выяснить у него, видели ли они Кашлю, но его занимала совсем другая мысль: «Плохо дело, мужики, — Кохи нет...» — вдруг услышали мы от него. Деталей почти никаких не удалось выяснить — у Андрея зуб на зуб не попадал. Оказывается, он затек в самом начале погружения и сейчас был мокрым насквозь. Выяснилось, что Андрей возвращался первым и на декомпрессионных остановках не дождался Кохи. У него тоже не обошлось без приключений. В качестве груза ему достался транспортник с подземной базой в герметичном мешке. В начале погружения он имел положительную плавучесть, и Андрею с трудом удалось затащить его под воду. Но на глубине пяти метров мешок обжало, и он получил отрицательную плавучесть. Далее же транспортник камнем упал на дно, и его пришлось тащить волоком. На глубине 40 метров Андрей повесил его на плечо и пошел ногами по дну, так как плыть было невозможно. Когда он поднялся до 30 метров, у него кончился воздух в двухбаллоннике. Переключившись на второй загубник, Андрюха к своему ужасу почувствовал, что тот не подает воздуха. Бросив мешок, он экстренно всплыл, высасывая из загубника драгоценные глотки воздуха. Обогнал при этом Коху, нарушив все правила декомпрессии. Отдышавшись в пузыре, Андрей переставил рабочий легочник на двухбаллонник с воздухом и благополучно вернулся, сделав выдержки на глубинах 6 и 3 метра.

Но тут вновь показались пузыри воздуха, и вскоре вышли Коха с Шурой Горшковым, они просто задержались в первом пузыре. Кашлю они нигде не видели. Только Шуре при прохождении в пузырь показалось, что на дне у перегиба были видны клубы свежей мути в воде, справа по ходу. Но здесь у него появились признаки глубинного опьянения, и он вынужден был срочно всплыть.

В это время уже одевался Рашит — я предложил ему сходить до первого пузыря, еще раз поискать Кашлю. Минут через 40 Рашит вернулся — как и предполагалось, он ничего нового не обнаружил.

Прокачиваю всю ситуацию еще раз. Единственный шанс выжить у Кашли — попасть в один из воздушных пузырей, которые могут быть за перегибом, или выйти за сифон. За сифоном ему ничего не угрожает — он спокойно может ждать нас день или два. В воздушном пузыре выжить сложнее, особенно если держаться там придется на плаву, поэтому помощь должна быть оказана быстро. Запас воздуха для этого еще есть, но:

- сейчас уже глубокая ночь, времени — 1 час, все устали и голодны,
- все имеют уже по два погружения до 45 метров, и дальнейшее продолжение спасработ может вызвать заболевание «кессонкой»,
- необходимо проанализировать ситуацию, определить, кто из подводников может участвовать в спасательных работах. Как оказалось, не все готовы к работе на таких глубинах.

Принимаю решение прекратить на сегодня все погружения и идти отдыхать.

По всеобщему молчанию чувствуется, что большинство против этого и готово продолжить спасательные работы, но мы больше не можем рисковать. Серега Первалов остался у компрессора заряжать баллоны, все остальные — спать.

Утром следующего дня в сифон пошли я, Рашит, Шура Бурмага и Саша Горшков, Вчерашние погружения показали, что больше никто достаточно уверенно работать в сифоне не может. Наша задача — выйти в первый пузырь и у него провести поиск гипотетически существующих воздушных пузырей, в которых мог спастись Кашля. Оба Шурика несут по запасному четырёхбаллоннику. Мы с Рашитом еще раз обследуем наш путь — он справа от перил, я — слева. Для увеличения радиуса действия мы взяли по 8-метровому куску веревки.

Первым пошел Рашит. Выдав минут 10, начинаю погружение. Быстро набрал глубину 35 метров. Здесь пристегнул свою веревку на «скользящий» карабин и пошел влево-вниз. Метров через пять увидел стену и дальше пошел вниз вдоль нее. На 40-42 метрах галечник кончился, попадаются отдельно лежащие камни. Вот и начало подъема. Выхожу к перильной веревке и перестегиваю свой карабин через узел. Вновь продолжаю обследование нижней части, постепенно всплывая вверх. Не обнаруживаю никаких следов Кашли. Натякаюсь на мешок с базой, брошенный Нором. Беру его и начинаю тащить вверх. Через 5-7 метров чувствую, что сбивается ритм дыхания — мешок страшно тяжелый, придется рывками подтягивать его вверх по склону. Решаю действовать по-другому — цепляю мешок к концу 8-метровой веревки и всплываю по тросу вверх, разматывая веревку.

Почувствовав ее натяжение, подтягиваюсь вверх по тросу на руках, помогая работой ласт. Всплываю в пузырь. Рашит уже там, ждет нас. Его поиски также ничего не дали.

Решаем сразу проверить версию нахождения Кашли за сифоном. Я цепляю свой мешок к петле на тросу и ухожу по проводу во второй пузырь и далее — за сифон. Никаких следов пребывания Кашли. Когда возвратился в первый пузырь, там уже были оба Шуры. Поиск начал Рашит. Обследовав правый участок свода, он не обнаружил никаких пузырей и вернулся к нам. Вторым пошел Бурмага — обследовал левую часть свода. Ему удалось обнаружить цепь пузырей общей длиной 40 метров, но Кашли там не было. По времени уже наступал вечер, решили возвращаться. Выйдя из сифона, встретили Андрюху Скачкова с Сергеем Ковзуном — вернулись из барокамеры Кудепсты. Серега прошел лечение по третьему режиму, и теперь с ним все вроде бы нормально.

Наступил третий день поисков. Надежды на благополучный исход уже нет, хотя у меня ее, честно говоря, и не было — прошло много времени, и если даже Кашля находится на плаву в каком-либо пузыре, то уже замерз.

Пошли ребята двойками: я с Андреем Скачковым и два Шурика. Каждая двойка взяла с собой по 25-метровому куску веревки. Схема работы простая — один остается на перилах, напарник начинает обследовать дно сифона. Заранее рассчитали временной график работы по глубинам, режимы декомпрессии для разных вариантов. Написали их на таблички, которые берем с собой.

Страхающие — Скачков и Горшков — находятся на глубине 40 метров и посредством веревки держат связь с напарниками. Я обследую дно сифона за перегибом, Бурмага — перед перегибом.

С Андрюхой сработали четко. Я подождал перед перестежками, пока он выйдет на исходную позицию, и пошел вправо. Упершись в стену хода, проследил ее до 32-метровой глубины. Стена очень кривая, много ниш — из-за плохой видимости приходится в каждую из них залазить. Неожиданно стена исчезла, и песчаное дно круто пошло вправо-вниз. Спустился по нему до 36-метров — видимо, это продолжение сифона.

По времени пора начинать всплытие, иначе на длительную декомпрессию может не хватить воздуха. Подошел к Андрею, начал подниматься. Отсидев 6 минут на 6 метрах и 16 минут на 3 метрах, вышли в пузырь.

Перед возвращением желательно подольше побыть на поверхности — в этом случае значительно сокращается время, необходимое для декомпрессии.

Решаем попутно отнять сухой ход от второго пузыря, который был пройден еще в августе 1987 года.

Через пару часов, закончив топографические работы, начинаем возвращение. Запас воздуха в наших аппаратах остался небольшой, поэтому мы используем четырехбаллонники, занесенные вчера. Привязываем поверх них свои аппараты и начинаем погружение. Спуск вначале идет по тросу, почти вертикально уходящему вниз. Висим на этом участке в пустоте, не видя ни стен, ни дна, ни свода.

На глубине 25 метров появляется песчаный склон, по которому продолжаем спуск. Проходим перестежки на перегибе дна и начинаем всплытие. На глубине 20 метров находим однобаллонные аппараты, которыми мы пользовались при спуске — этот прием позволяет сэкономить воздух в основном аппарате. Начинаю отстегивать баллоны от перил, и тут случается непредвиденное. Андрюха, решивший помочь мне сверху, наклонился надо мной, и манометр на шланге от его аппарата сыграл роль закладухи — попал между вентилями моего аппарата и наглухо заклинился там. Андрей, не поняв, что произошло, начал рваться вверх, топча меня ногами, но после того, как я помахал у него перед маской кулаком, успокоился и затих. Так мы и всплывали до 6-метровой глубины, так как освободиться мне не удалось. Здесь у нас должна быть первая ступень декомпрессии. Я уже хотел снять аппарат и расцепиться, как почувствовал, что Скачков тащит меня наверх. Едва успев выскочить из лямок аппарата, я включился в однобаллонник. Подумал, не потерял бы он по дороге мой аппарат. Через некоторое время Андрей вернулся и убедился, что у меня все в порядке.

Благополучно отсидев на трехметровой ступени, мы всплыли наверх. Там был, оказывается небольшой переполох — Коха и Скачков не нашли меня под аппаратом, который тот вынес, и немного переволновались — все ли у меня в порядке.

Поиски Шуры Бурмаги и Горшкова были безрезультатны — они надели слишком мало грузов, и состояние было нерабочее — все время выбрасывало наверх. К тому же Шура Горшков порвал ухо. Решаем продолжить поиски завтра.

7 октября

День Конституции. У всех праздник, нам же необходимо продолжить свою тяжелую физически, а еще более — морально — работу. Вчера Киселев с Рашитом ходили в дирекцию форелевого хозяйства с известием о несчастье. Там восприняли все с пониманием и предлагали любую помощь.

Написали заявление в прокуратуру Гудауты. Пришел следователь, осмотрел место происшествия. Ситуацию понял, тем более, что занимался уже ЧП у спелеологов Крыма, которые работали этим летом на Бзыби. Связались с воинской частью в Гудауте — договорились насчет зарядки баллонов воздухом, так как наш компрессор к тому времени вышел из строя, не выдержав нагрузок — сломался коленвал.

Сегодня решаем продолжить поиски с Андреем Скачковым — на остальных не хватает оставшегося воздуха. Собираем с ним два шестибаллонника. Аппараты, весящие более 60 кг, становятся неподъемными, надевать их можно лишь в воде. Искать будем от перегиба на выход — ту часть, которую вчера не удалось обследовать двум Шурикам. Техника работы прежняя. Андрей остановился на глубине 42 метра и начал выдавать мне веревку. Я обследую ход по всей ширине, начиная с нижней точки.

К этому времени, будучи адаптированным к таким глубинам, чувствую себя свободно. Обследую навалы камней внизу, затем решаю всплывать, ходя галсами по всей ширине хода. Прошел пару раз, постепенно всплывая. Андрюха, собирая или выдавая по необходимости веревку, понемногу всплывает, держа между нами дистанцию. От него во многом зависит эффективность нашей работы — он должен четко контролировать связующую нас веревку, чтобы мое внимание было целиком посвящено работе. Но проблем у нас не возникает. Вообще, сегодня работается гораздо спокойнее — кроме нас, в сифоне никого нет, и ты не думаешь, все ли у них там в порядке.

Вот глубиномер показал уже 30 метров. Я подошел к тросовым перилам и решаю обследовать участок между ними и левой стеной. Буквально через несколько метров вижу Кашлю — он лежит ногами ко мне, хорошо видны черные ласты «Акванавт». Фонарь на маске еще слабо горит. Хорошо видно лицо — закрытые глаза. Маска совершенно чистая, без воды. На губах — пена, загубника во рту нет.

Неожиданно для себя чувствую облегчение — наконец-то нашли, хотя в этом громадном сифоне была большая вероятность не обнаружить тела вообще, по крайней мере, в этот раз.

Развернул Кашлю головой в сторону выхода, взял за аппарат и протаскил несколько метров по галечнику. Чувствую, что у него большая отрицательная плавучесть — тащить тяжело, быстро выдохнусь. Отцепил от себя поисковый репшнур, пристегнул его карабин за акваланг Кашли. Дал Андрюхе три сигнала — не ответил. После повторения серии он подошел ко мне. Дал ему в руки реп и показал наверх, он понял правильно и стал надо мной выбирать его наверх. Я за аппарат поправлял тело. Подняв Кашлю до глубины 20 метров, понял, что так мы израсходуем весь воздух — не хватит на декомпрессию. А ее уже набегало 45 минут, согласно таблицам.

Решил выходить наверх — основное мы сделали, остальное доделают другие. Закрепили репшнур на трос и начали декомпрессию с 12-метровой отметки. Через 45 минут вышли, пробыв под водой без малого два часа.

Хотя мы и ожидали этого все эти дни, все же известие явилось неожиданностью. Под воду стали готовиться Бурмага с Кохой. Получив последние инструкции, они ушли под воду, выбирая за собой веревку. Дойдя до репшнура, который мы оставили на перилах, Бурмага сцепил его со своей веревкой и дал сигнал наверх. После этого мы начали постепенно выбирать веревку, а Шура с Кохой поправляли тело Кашли в воде, чтобы оно не застревало. Минут через

пять они показались на поверхности. Киселев начал фотосъемку, к которой приготовился заранее — не знаю, может быть, так и надо, но мне показалось, что здесь это неуместно.

Сняли с Кашли акваланг, груза, ласты. Я вынес аппарат наверх для проверки. Акваланг собран из четырех баллонов, спаренных между собой по два. Вентили все открыты полностью. Легочник на одном двухбаллоннике не подает воздух вообще. Замерил давление в этих баллонах — абсолютно пустые. Легочник на втором двухбаллоннике работает нормально. Проверил его на герметичность — все исправно. Манометр показывает 180 атмосфер — похоже, что Кашля вообще им не пользовался.

Позже в морге выяснилось, еще две детали — на теле отпечатались рубцы от одежды, что происходит вследствие сильного обжигания. Белье все было мокро. Конечно, он мог затечь за те 2,5 суток, что лежал в сифоне, но похоже, что потек он сразу при входе в сифон. Выйдя в пузырь и окончательно замерзнув, он пошел назад. Положение его — и так тяжелое из-за переохлаждения — усугубилось сильным обжимом. Видимо, он не смог «поддуться» в костюм или вообще не владел этим техническим приемом. Преодолев все-таки самый глубокий участок, Кашлев вышел на отметку глубины 30 метров, и тут у него кончился воздух в одном двухбаллоннике. Положение осложнило то, что резервный легочник был на коротком шланге и находился где-то в районе правого плеча Кашли, а, может быть, и чуть дальше, за пределами видимости через маску, то есть Кашля искал наощупь. Из-за сильного обжима движения его были ограничены, и он, видимо, просто не смог нащупать загубник.

Агония длилась недолго, но достаточно для того, чтобы Кашля оказался в трех метрах от троса. Почему он не пристегнул карабин на перила — не ясно, но вероятнее всего, ему было не до этого — в голове стучала только одна мысль: «...быстрее наверх, только бы избавиться от этого кошмарного состояния!..» Это и затруднило поиски тела, так как даже с мощным светом видимость в воде не превышала полутора метров.

Назавтра Андрей Скачков с Костей Кожемякиным сделали заключительное погружение. На глубине 30 метров к тросу они прикрепили букетик цветов.

Октябрь 1988 г.

ПО СЛЕДУ ЛАДЫ

(Вместо послесловия)

В феврале 1989 года в Абхазии завершилась первая международная экспедиция спелеотуристов-подводников. Вместе с известными французскими спортсменами в ней приняли участие представители спелеоклубов Красноярска, Владивостока, Москвы, Ростова, Сочи, Каунаса, Одессы и Тбилиси. Основной целью экспедиции было исследование пещеры-источника Мчишта.

Спелеологи из многих городов уже не первый год приезжают на Западный Кавказ, к подножию Бзыбского хребта. Здесь из-под отвесной скалы выбивается на поверхность целая река. Мчишта — «след лодки» — так по-абхазски называется этот источник. Река и впрямь напоминает заполненную водой борозду от гигантской ладьи, уткнувшейся носом во вздыбившийся склон хребта. На базе источника создано большое рыбное хозяйство, поставляющее форель и карпа в курортные санатории и дома отдыха. Среднегодовой расход Мчишты — или, как ее еще называют, Черной речки — составляет 10 кубометров в секунду. В сильные паводки воды может быть в 20 раз больше! Страшную картину представляет собой этот поток, все сметающий на своем пути. К счастью, это бывает редко, после проливных дождей в горах и активного весеннего снеготаяния. Мы обычно выбираем для работы спокойные зимние месяцы, когда склоны хребта, питающие источник, надежно прикрыты снегом. Да и вода в это время немного прозрачнее. Что же влечет нас туда?

Окрашивание потоков пещер, расположенных на верхних плато Бзыбского хребта, доказало связь многих из этих полостей с Мчиштой. Разница высот — от 2350 м (вход в пещеру Напра) до 70 метров над уровнем моря (высота источника) давала глубочайшую в мире карстовую гидросистему, а значит, и потенциально самую глубокую пещеру*. Похожая картина наблюдается и на соседнем Гагринском хребте, с той лишь разницей, что вытекающие там из завалов источники непроходимы даже с аквалангами.

Около двух десятков лет спелеологи исследуют поверхность Бзыбского хребта, открыв там более двух сотен пещер. Среди них глубочайшие в нашей стране пропасти Вячеслава Пантюхина (-1508 м) и Снежная (-1370 м), занимающие соответственно 2-е и 4-е места в мировом списке. Немало здесь и менее глубоких, но столь же трудных пещер — Напра (-965 м), Форельная (-740 м), Пионерская (-815 м). Естественное стремление спортсменов найти проход к подземной реке по одному из ее многочисленных притоков упиралось в нагромождение неодолимых препятствий — завалы, узкие щели, затопленные ходы — сифоны. Раскопанные завалы давали возможность пройти чуть дальше, до нового барьера. Прохождение узкого сифона на дне пещеры Пионерская закончилось вскоре у непро-

*) Это написано в 1989 г. По данным на начало 1995 г., амплитуда гидросистемы Мчишты 2355 м. Лишь две гидросистемы в мире «обошли» Мчишту — Шеве в Мексике (2553 м) и еще одна в Китае.

ходимой щели, в которую уходил подземный поток. И все же желание найти двух-километровую пропасть подталкивало спелеологов к новым и новым попыткам. В 1988 году в пещере Весенняя была пройдена серия сифонов на -400 м, за которыми каскад колодцев должен был вывести прямо к Мчиште. Но на глубине 550 м первопроходцев остановил новый сифон... Все подступы к таинственной подземной реке оказались заболтливо перекрыты природой.

Остался единственный путь — пройти вверх по течению. Нельзя сказать, что эта идея пришла в голову недавно. Еще в середине 70-х годов красноярские спелеоподводники начали поиск сифонного озера, которое вывело бы подводным каналом к незатопленным участкам пещеры. Среди щелей завала, из которого выбивается источник, можно отыскать несколько проходов к воде. Первые же погружения показали, что сифон Мчишты — один из сложнейших. Большие объемы и разветвленность усугублялись значительной глубиной — 45 метров. Лишь зимой 1986 г. Петр Миненков из Красноярского краевого спелеоклуба и Владимир Гришихин из Ростова-на-Дону сумели всплыть за перегибом сифона, очутившись в тупиковом гроте — «пузыре», как называют его подводники. Летом следующего года трое красноярцев преодолевают, наконец, подводную преграду длиной почти в 300 метров и попадают в красивейшую подземную галерею огромных размеров. В январе 1988 года, во время Всесоюзного семинара спелеоподводников удается пройти еще дальше по этой галерее и картировать почти два километра пещеры. Путь преградило очередное озеро с отвесными стенами, для спуска требовалась веревка. Следующей попыткой была октябрьская экспедиция, но из-за гибели одного из участников еще на стадии адаптационных погружений все работы были свернуты. Понадобилось трое суток непрерывных подводных поисков, чтобы обнаружить тело пострадавшего...

Понятно, что к февральской поездке мы готовились с особой тщательностью. Спелеоклубы Красноярска и Владивостока взяли на себя всю техническую подготовку. С помощью свердловского «Спелеоцентра» были приглашены представители двух французских федераций — подводного спорта и спелеологии, изъявивших желание принять участие в этом сложном мероприятии. Четверку приглашенных составили известные французские спелеоподводники: Клод, Тулумджан из Марселя, председатель комиссии пещерных погружений Французской федерации подводного спорта, первоисследователь многих глубоких сифонов Франции, включая глубочайший сифон мира — Воклюз, куда он опускался до -153 м! Несмотря на свои 47 лет (старейший спелеоподводник Франции) Клод активен и под водой, и на суше. Знание армянского и английского языков помогало ему преодолевать языковой барьер. Впрочем, под водой этой проблемы у него не возникало. Его коллега — Бернар Лебьян, инженер агрономического института, более известен первопрохождениями длиннейших сифонов. В его активе погружения в сифоны длиннее двух километров и глубже 100 метров. Супруги Режина и Робер Лавуанья, как и Бернар — из Дижона. Их влечет под воду возможность фото- и киносъемок. Результатом их работы стал фильм об экспедиции. Им за сорок, но ни возраст, ни трое детей не мешают необычному увлечению. Робер — член спелеологической спасательной службы Франции. В прошлом году он выезжал на спасательные работы в пещеры-источники Польши и Марокко, вызволяя спелеологов, попавших в беду за сифонами.

Погружения под землей давно уже выделились в особый вид «приключенческого спорта». Рожденное на стыке подводного спорта и спелеотуризма, это увлечение захватило приверженцев обоих видов деятельности. В ряде стран, напри-

мер, во Франции и США, появились сотни любителей понырять в затопленных лабиринтах пещер с чистой и не очень холодной водой. Конечно, это относится в основном к легкодоступным пещерам-источникам. Там, где сифоны расположены далеко от входа, зачастую — на дне глубоких пропастей, дойти до них и дотащить тяжелое снаряжение способны лишь спелеологи. Первопрохождение сифонов — также в основном удел искушенных в этом спелеоподводников.

В нашей стране серьезные спелеоподводные исследования начались лишь в последние годы, хотя первые попытки погружения в сифоны насчитывают почти тридцать лет. И пусть до мировых рекордов пока далеко (а это четырехкилометровый сифон во Франции и пройденный до глубины 240 метров источник в Мексике), советские спелеоподводники уже добились мирового признания. Наибольшие успехи достигнуты в покорении сифонов, расположенных на дне глубоких пропастей. Беспрецедентным было прохождение на километровой глубине в пещере имени Владимира Илюхина двух сложных сифонов, за которыми московские спелеоподводники преодолели еще 230 метров отвесных колодцев и погрузились в следующие два протяженных сифона.

Погружению под землей предшествует длительная подготовка и тренировка. В отличие от спусков в «открытой» воде любая ошибка в сифоне может стать последней — всплыть под каменным сводом некуда. Все жизненно важные детали, такие, как баллоны, легочные автоматы, свет — дублируются. Тогда даже в случае их неисправности сохраняется шанс выжить. Вторая неизменная деталь — ходовой конец, прокладываемый в сифоне для ориентировки. Французы зовут его нитью Ариадны. Это может быть прочный провод, веревка или тонкий шнур. Путеводная нить маркируется пластырем через каждые 10 метров. Здесь же рисуется стрелка, указывающая направление выхода — потеря ориентировки в мутной воде — вещь заурядная. Обычно подводник зашелкивает на ходовом конце карабин, крепящийся либо к его запястью, либо шнуром к поясу. Даже выпустив карабин из рук, он не потеряется. Кроме того, в запасе имеется 20-30 метров тонкого шнура, способного соединить порванные участки.

Другие правила, выработанные спелеоподводниками методом проб и ошибок, касаются освещения и запасов воздуха. В сифоне необходимо иметь три источника света, причем учитывать их герметичность в зависимости от глубины спуска. Что же касается запасов воздуха, то подводник, израсходовав греть всех запасов (а это можно проверить по давлению в манометрах), должен вернуться, сохраняя последнюю треть как резерв. В том, что это отнюдь не прихоть перестраховщиков, мне неоднократно приходилось убеждаться на собственном опыте.

Много можно поведать и об особенностях снаряжения спелеоподводников — ведь хрупкие детали аквалангов необходимо защищать от ударов о скалы, а резину гидрокостюмов — от порезов. При погружениях в ледяной воде забиваемый в баллоны воздух проходит специальную просушку. Иначе влага может сразу же превратиться в ледяные шарики, способные испортить легочный автомат. Не случайно лучшим видом тренировки перед поездкой в сифоны считаются подледные погружения.

Множественно возрастают проблемы, когда необходимо исследовать засифонное продолжение пещеры.

Из всего большого перечня выпускаемого в стране подводного снаряжения, которым пользуются наши спелеоподводники, я сумел найти лишь два наименования, не претерпевших никаких изменений. Это маска (хотя ив нее многие

вставляют клапан для удаления воды) и семилитровый баллон. К сожалению, промышленные образцы приходится переделывать, чтобы обеспечить комфортную и безопасную работу в сифонах. Каждый баллон, вентили на которых приходится заменять, автономен. Система колец-бугелей позволяет собрать от одно- до шестибаллонного аппарата. При необходимости баллоны крепятся и на поясном ремне — это удобно при прохождении низких ходов. «Легочники» закрепляются так, чтобы в любой момент можно было не глядя переключиться на запасной.

Во всем мире подводники пользуются фонарями с галогенными лампами. Мы же вынуждены добавлять в свои подводные фонари еще одно уплотнительное кольцо, не мечтая уже о галогенках. Вставленные в эти «железки» импортные галогенные лампы вдвое повышали их яркость. Уже не приходится говорить о гидрокостюмах, в которых нужно не только плавать, но и заниматься скалолазанием, продираться через «шкуродеры», иметь возможность быстро раздеваться и одеваться. Особые требования к лапам — их надевают на сапоги, кеды или ботинки. Даже чугунные груза — и те не удовлетворяют многих подводников, предпочитающих более компактные свинцовые.

Поэтому можно было понять наши чувства, когда мы рассматривали экипировку зарубежных коллег. Конечно, полтонны снаряжения, привезенные французами, стоят не одну тысячу долларов. Костюмы постоянного объема фирмы «Посейдон», позволяющие быстро менять плавучесть; 18, 15, 12 и 10-литровые баллоны, каждый из которых снабжен редуктором, легочником и манометром; подводные галогенные фонари различных типов — от миниатюрных, крепящихся на каске, до мощных ручных прожекторов. Специальные электронные декомпрессиометры, автоматически просчитывающие время и глубину остановок после продолжительной работы глубоко под водой. Независимо от этого прибора — на запястье крепятся подводные часы, глубиномер и пластиковая таблица декомпрессии — все должно дублироваться. Подводные фото- и кинокамеры и светильники лишь дополняли чувство неполноценности. Завершал картину легкий бензиновый компрессор, позволяющий забивать воздух в баллоны под давлением 350 атмосфер.

Преимущество в снаряжении дает и преимущество в работе — например, для того, чтобы иметь столько же воздуха, сколько его забито в два 18-литровых баллона, надо собрать из пяти 7-литровых баллонов громоздкий аппарат с большим количеством соединений.

И все-таки не только мы учились мастерству подземных погружений. Кто-то перенимал у нас и французы.

Но вернемся к Мчиште. Медленно раскручивавшийся маховик экспедиции, начавшейся с адаптационных погружений и отсеивания менее подготовленных участников, постепенно набирал ход. За сифоном был установлен подземный лагерь на 8 человек, в который забросили продукты, топливо, вертикальное снаряжение, оборудование для топосъемки и фотографии.

После первой же ночевки пятеро спелеологов, включая Бернара, отправились к дальнему озеру. Переход туда занимает несколько часов и требует немалых усилий. Цитирую страницы дневника.

...Красноярцы Андрей Дидух и Игорь Герасимов, первыми пронырнувшие сифон и успевшие побегать по пещере, уверяли нас, что сразу же за лагерьем находится сифон. Но куда же тогда подевался добрый километр огромной галереи,

нанесенный на карту год назад? Никакого промежуточного сифона не обозначено. Ошибка выясняется быстро. В ярком свете ацетиленовых фонарей, которыми пользуются трое из вновь прибывших, сразу же обнаруживается обход глубокого сифонного озера. Карабкаемся по высокому скользкому натеку на высоту около 8 метров. Транспортные мешки поднимаем туда на веревке. Оказываемся на узкой перемычке. Сверху поливает ручеек. Почти отвесный спуск с другой стороны натека и долгий проход по относительно узкой — всего 2-3 метра — галерее с обилием глубоких луж. Очередной водоем слишком глубокий, и его приходится преодолевать вплавь. Андрей Дилух ухитряется потерять здесь подводный фонарь и запасные батареи из развязавшегося мешка. Хорошо еще, что это не узкая ванна глубокой кальцитовый плотины, каскады которой поражают своей длиной и великолепием. Мы обходим систему природных «шлюзов» по узким гребешкам плотин, стараясь не задевать их хрупкую оторочку. Пересекаем мрачный обвальный зал и попадаем к 6-метровому отвесу. Прямо под ним начинается глубокое и длинное озеро. Можно прыгнуть прямо в воду, но как потом возвращаться? Те из ребят, кто был здесь ранее, ничего об этом не говорили. Ищем возможные обходы среди узких щелей — безрезультатно. Приходится заняться скалолазанием, рискуя в любой момент сорваться в холодную воду. На узкой полочке надеваем ласты — предстоит заплыв метров на 200. Кто соскальзывает, а кто и просто плюхается в воду. Андрею Скачкову приходится плыть в одной ласте — вторую потеряли при прохождении входного сифона. Тогда суматошный «Дед» решил «помочь» слишком медленно, про его мнение, всплывавшему Бернару. Результатом «помощи» стала утерянная ласта. Но и «Деда» можно было понять — только что потерял сознание из-за азотного наркоза (глубинного опьянения) его напарник, Игорь, вдобавок перевернувшийся вверх ногами, словно поплавок. Он шел вниз головой и не справился вовремя с обжимом — воздух в гидрокостюме собрался в ногах. Хорошо, что рядом оказались товарищи, оказавшие помощь пострадавшему. Как Игорь будет возвращаться? Пока мы стараемся об этом не думать.

...Плыть с мешком неудобно, надеваться некуда. Приближается спасительный берег. Вскрабкавшись по склону и преодолев очередной завал, вновь спускаемся к воде. По плану здесь должен быть огромный обвальный зал. Мы уже не знаем, по какой части пещеры идем, известной или нет. Озеро заканчивается. Еще одна шестиметровая стена, небольшой проход... Брошенный вниз камень летит по наклонной плите и срывается в воду. Гулкое эхо -- озеро глубокое. Навешиваем веревку, и Игорь, взяв ласты и маску, спускается к воде. Хотя здесь самый пологий спуск к воде, последний отвесный участок преодолевается с трудом. Ласты он надевает уже на плаву. Терпеливо ждем результата. Запыхавшийся Игорь краток: «Сифон!». Озеро и впрямь выглядит безнадежно, хотя мозг отказывается верить в такой простой конец экспедиции. Пытаемся проверить все варианты возможного обхода этого серьезного препятствия. Сложное скалолазание по заглиненным склонам уводит нас под самый свод высокого зала. Почти по периметру пересекаем нависающие над озером стены, рискуя сорваться с высоты в глубокую воду, обнаруживаем проход в тот самый обвальный зал. Все бесполезно...

Здесь нужен акваланг. Сумеет ли мы доставить сюда громоздкое подводное снаряжение? Ведь дополнительные баллоны еще нужно протаскать через входной сифон. Подавив в себе разочарование от упущенной легкой победы, принимаемся за работу. Предстоит картировать еще неотснятые галереи, обследовать боковые притоки...

Несмотря на неудачу, мы не пали духом. Все шло своим чередом — топо- и фотосъемка, утомительные поиски новых ходов, требующие немалого мастерства в скалолазании. Экспедиция развивалась как бы в двух измерениях — подземном и надземном, связанных между собою лишь тонким проводом телефона. Можно было всего за 40-50 минут, преодолев сифон, переместиться на несколько дней под надежный каменный свод, в царство мрака и водопадов. На поверхности шла своя размеренная работа. Монотонный гул компрессоров, забивающих воздух, разбитая тропа от гостеприимного форелевого хозяйства, где разместилась наша база, до источника, вечно снующие по ней спелеологи... Ежедневные тренировочные погружения для тех, кто еще не очень искусен в спелеоподводном деле. Заброска необходимых грузов за сифон. И выполнение одной из главных задач экспедиции — обследование сифона.

Несколько лет назад, во время окрашивания подземной реки в пещере Снежная, расположенной на другом конце хребта, краситель неожиданно для многих появился в Мчиште. Это свидетельствовало о существовании огромной подводной галереи длиной в 13-15 километров, проходящей ниже соседних ручьев и рек. Нашупать начало этой галереи удалось в октябре, во время поисков пострадавшего. Более теплая и мутная вода подсказывала, что этот подводный ход ведет к совсем другой гидросистеме. Его обследованием занялись самые опытные — Клод Тулумджан и Петр Миненков. Два дня ушло на поиски начала галереи. Наконец, с дна сифона в ее сторону потянулся тонкий капроновый шнур.

Но каждое погружение давалось все труднее — ход, начавшийся на -26 метрах, уводил все глубже и кончался отвесным подводным колодцем. В последний день экспедиции Клод поставил рекорд спуска в сифонах СССР — 65 метров, но так и не дошел до дна...

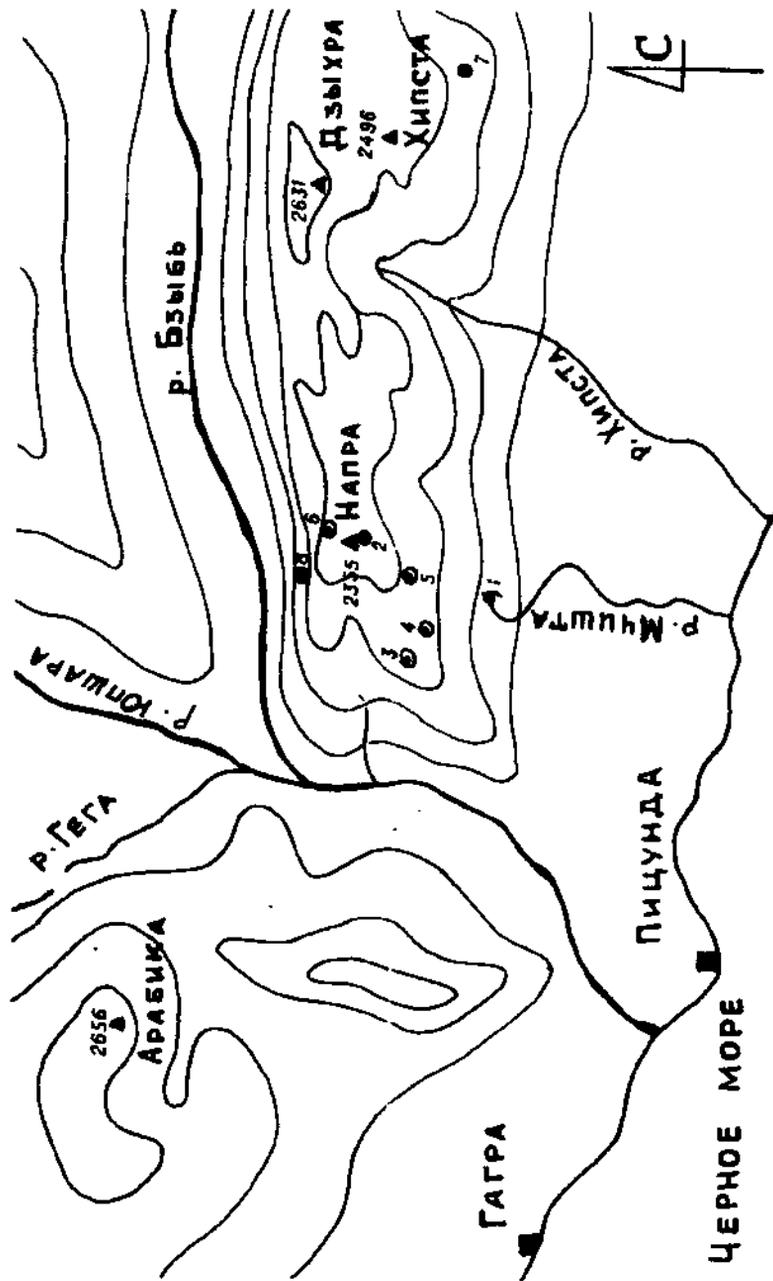
Это был последний аккорд в экспедиционном сюите, которому предшествовали два других события. За день до этого отличилась пещерная команда, которая организовала погружения в дальнем сифоне. Представленная в основном красноярцами, она сумела показать высокий класс подготовки сибиряков. Андрею Скачкову пришлось опуститься до глубины 48 метров, прежде, чем он обнаружил перегиб свода. Чтобы всплыть с другой стороны этого сложного сифона, требовался слишком большой запас воздуха. В соседнем озере была обследована наклонная подводная галерея, где служивший ходовым концом провод кончился на -25 метрах...

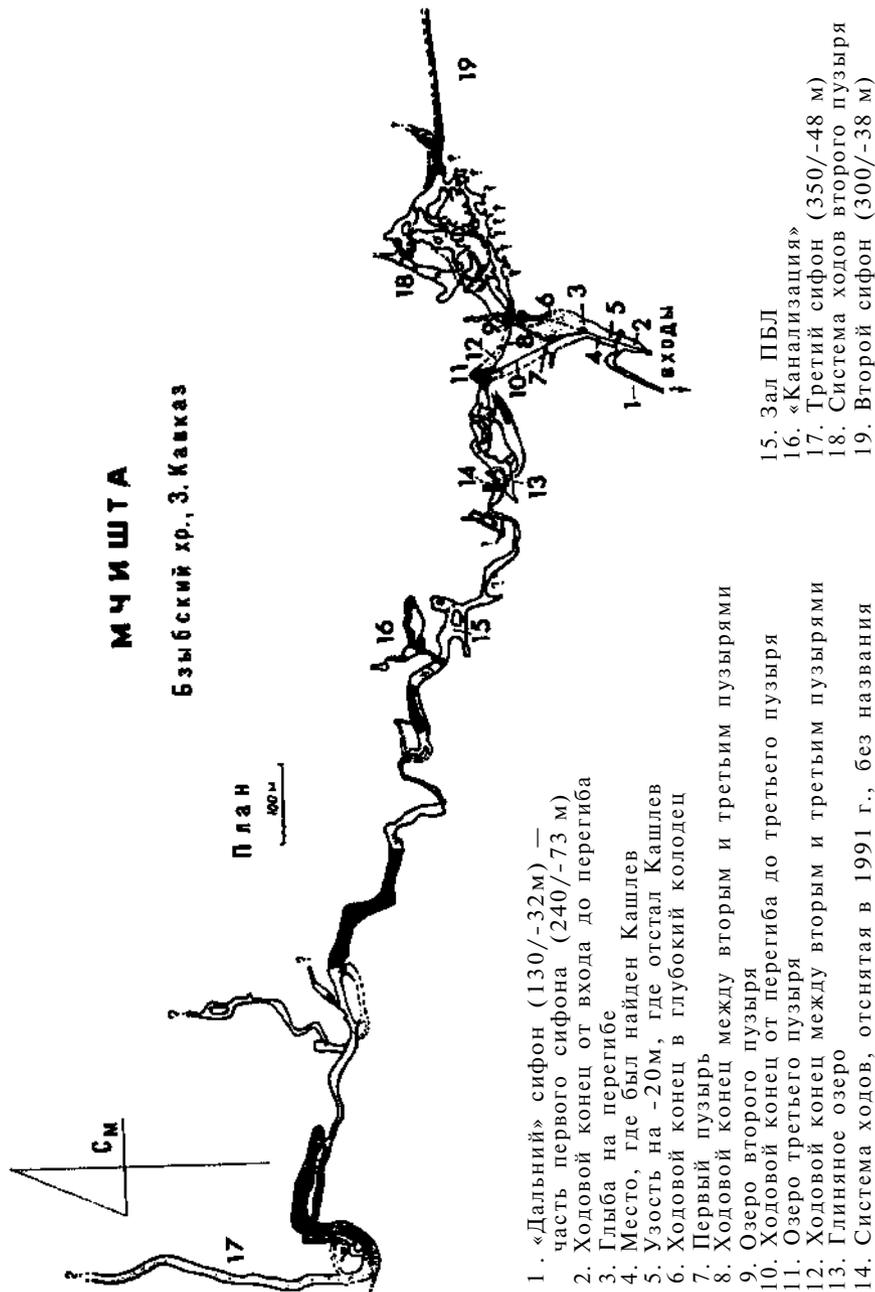
«Поверхностная» группа в это время совершала запланированный визит в Новофонскую пещеру, где по договоренности с дирекцией намечались погружения в подземные озера близ туристской трассы. Здесь Бернар Лебьян сделал то, что не удавалось никому за 27 лет исследования этой замечательной пещеры. Впервые соединив подводной галереей два известных озера, Бернар решил более детально просмотреть дно одного из них. Результат не замедлил сказаться: стометровая подводная галерея на глубине 20 метров вывела его в огромный подводный зал, где удалось опуститься до -35 метров. Эта точка находится на уровне моря. Луч мощного прожектора не достигал ни стен, ни дна гигантского сифона.

Приходится признать, что за время экспедиции мы поставили перед собой больше вопросов, чем решили. Но мы не в обиде на судьбу — легкие победы не в цене. Табличка над сифоном и опущенный в воду букет фиалок напоминают нам о Саше Кашлеве из Владивостока, цене безопасности и хрупкости нашего бытия. И все же мы вернемся сюда...

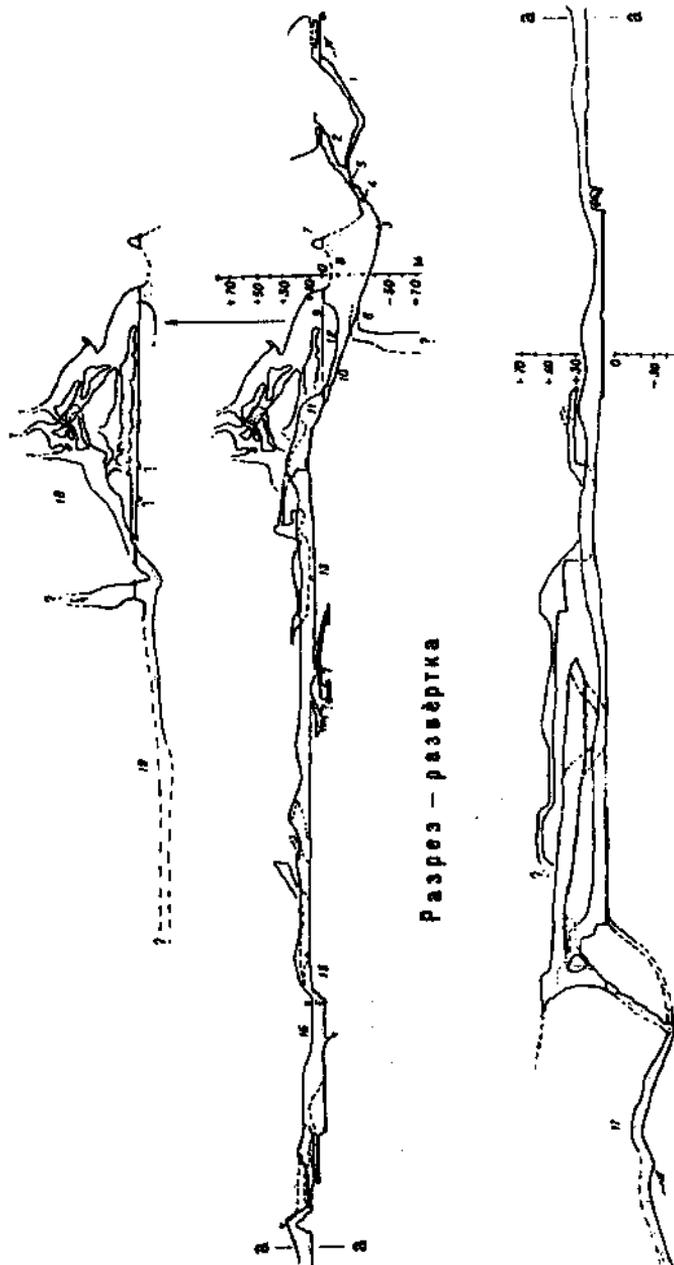
Схема расположения крупных пещер Бзыбского хребта

- 1 пещера-источник Мчишта; 2 Напра (-956 м); 3 Весенняя (-550 м); 4 Пионерская (-815 м);
5 Форельная (-740 м); 6 Графский провал (-780 м); 7 Снежная-Меженного (-1370 м); 8В. Пантохина (-1508 м)

1. «Дальний» сифон (130/-32 м) — часть первого сифона (240/-73 м)
2. Ходовой конец от входа до перегиба
3. Глыба на перегибе
4. Место, где был найден Кашлев
5. Узость на -20 м, где отстал Кашлев
6. Ходовой конец в глубокий колодец
7. Первый пузырь
8. Ходовой конец между вторым и третьим пузырями
9. Озеро второго пузыря
10. Ходовой конец от перегиба до третьего пузыря
11. Озеро третьего пузыря
12. Ходовой конец между вторым и третьим пузырями
13. Глиняное озеро
14. Система ходов, отснятая в 1991 г., без названия

Разрез — развёртка

МЧИШТА

Пещера-источник Мчишта (хронология исследований)

- 1976 г., август погружения на 15-20 в «дальнем» сифоне — В. Кокосов, Г. Бяков (Красноярск).
- 1981 г., август погружение в «дальнем» сифоне на 40/-15 м — П. Миненков (Красноярск), Р. Бадрутдинов (Владивосток).
- 1982 г., август погружение в «дальнем» сифоне на 60/-30 м — П. Миненков, Р. Бадрутдинов.
- 1984 г., январь первые погружения в основной сифон — 22 января — П. Миненков (до -42 м), 23 января — Ю. Корнеев (Москва) — до перегиба сифона на -45 м. Участвовали также В. Арефьев (Москва) — погружение до -35 м, В. Яшкин (Ростов-на-Дону) — до -32 м, А. Крамаренко (Красноярск), А. Корнилов (Псков).
- 1985 г., январь-февраль экспедиция ростовчан под руководством В. Яшкина и В. Грицихина. Безуспешные попытки пройти за перегиб основного сифона. Прокладка ходового конца из троса. Промер поплавком высоты подводного хода в точке перегиба — 13 м. Тренировочные погружения спелеоподводников из Москвы, Рязани, Каунаса и Тбилиси.
- 1986 г., февраль межклубная экспедиция (Красноярск, Ростов-на-Дону, Москва и др.). П. Миненков и В. Грицихин всплыли в первом пузыре, пронырнув 150/-45 м основного сифона. Соединение «дальнего» (130/-32 м) и основного сифонов.
- 1987 г., февраль экспедиция спелеоклубов Красноярска и Владивостока. Неудачная попытка погружения в основной сифон при увеличенном расходе воды — до соединения с дальним сифоном, куда чуть не затащило П. Миненкова.
- август экспедиция Красноярского спелеоклуба. Прохождение из первого пузыря во второй (А. Скачков, С. Перевалов) и затем из второго в третий (П. Миненков). Впервые спелеологи попали в крупное засифонное продолжение пещеры.
- 1988 г., январь Всесоюзный семинар спелеоподводников. За сифоном побывало 5 человек. Было картировано 1,5 км ходов до второго сифона (С2), проведена первая фотосъемка.
- октябрь межклубная экспедиция (Красноярск, Владивосток и др.). Адаптационные погружения. Гибель А. Кашлева (Владивосток) на -30 м. Обследование галереи во втором пузыре. В первом сифоне найдено ответвление в глубокую часть.
- 1989 г., февраль межклубная экспедиция (Красноярск, Владивосток, Москва, Ростов-на-Дону, Каунас, Сочи, Одесса, Тбилиси, Дижон, Марсель). Установка ПБЛ за первым сифоном (С1). За С1 побывало 11 человек. Картировано около 3 км ходов. Погружение К. Тулумджана (Марсель, Франция) в глубокое ответвление С1 до -65 м. Погружение А. Скачкова в С2 до перегиба на -48 м, а также в соседнем озере до -25 м. Киносъемка на 8 мм и фотосъемка в С1 — Робер и Режина Лавуанья (Дижон, Франция). Был проложен прямой маршрут от озера на поверхности к озеру третьего «пузыря» (240/-4 м).

- лето окрашивание в п. Напра подтверждает ее связь с источником; гидросистема Напра-Мчишта становится глубочайшей на Кавказе и в Европе (2345 м).
- 1990 г., февраль межклубная экспедиция (Красноярск, Томск, Владивосток). Погружение в С2 на 320/-48 м — П. Миненков и в боковой С3 — на 70/--15 м — А. Бурмага (Красноярск). В глубокой ветви С1 П. Миненков и А. Скачков погрузились до -63 м, опустив лот до -72 м. Прохождение новых ходов в засифонной части.
- 1991 г., февраль-март межклубная экспедиция (Красноярск, Томск, Владивосток). Погружение в С2 на 350/-48 м — П. Миненков. Прохождение и топосъемка новых ходов между С1 и С2, а также близ С3. Погружение в С3 (С. Григорьев — на 180/-25 м, П. Миненков — на 300/-38 м). Гибель С. Шадрина на -20 м в С1.
- 1994 г., август первая «разведочная» экспедиция на Мчишту после трех лет войны в Абхазии. А. Нор (Владивосток), В. Комаров (Рязань).
- 1995 г. намеченная на январь-февраль экспедиция владивостокского спелеоклуба не состоялась из-за начала войны в Чечне и закрытия в связи с этим абхазской границы.

«ПОКА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР»

Итак, пока он верстался, прошла зима и мы не поехали на Мчишту. Все было подготовлено по самой полной программе — подробная переписка между Красноярском, Владивостоком, Екатеринбургом, Томском, Москвой, Рязанью, Ростовом и Адлером позволила уточнить список участников, все уже достали с антресолей покрытые многолетней пылью мешки со снаряжением, померяли, подшили, подогнали и даже кое-что испытали где могли, отчасти вспомнив навыки. Была проведена большая и удачно завершенная кампания по поиску спонсоров — фирма «Дальфэк» весьма любезно согласилась оплатить нам дорогу. О большем мы впрочем и не просили, скромно посчитав, что для первой попытки этого будет достаточно.

О спонсорстве хотелось бы сказать подробнее. Тема эта в нашей стране довольно новая, не всем и не совсем понятная. До того непонятная, что друзья мне поначалу убежденно говорили: «Чего бы это тебе кто-нибудь давал деньги?». А потом удивлялись — все равно не верим, так не бывает, и кто же эти дураки? А «дураки» — вот они, страничка в конце книги помещена специально для того, чтобы познакомить вас с теми, кто (в наши-то времена!) достаточно успешен в делах и даже готов отдать часть своей прибыли. И отдать не только, скажем, пенсионерам и малоимущим, что, в общем, тоже дело неплохое, но — на проект, подобный нашему. Дай им бог здоровья! Пусть же эта тема развивается, к черту пошлые истории из жизни Лени Голубкова и прочие «Анкл Бенцы»! Отчасти отрабатывая рекламу, но более для развития темы, автор просит читателей внимательно посмотреть на информацию о наших спонсорах. Если она не заинтересует вас самих — расскажите о ней тем, кому это может быть полезно — вы сделаете доброе дело и для нашей работы, и для развития спонсорства. Считайте это личной просьбой автора.

Акционерная торгово-промышленная компания «Дальфэк», президент Евгений Леонидович Гостомыслов, 690000 ГСП, Владивосток, ул. 1 Мая 4, тел. (4232) 22-34-58, 26-51-45. Основная деятельность — импорт продуктов питания и товаров повседневного спроса. За 4,5 года деятельности развила очень серьезные связи и наработала солидный опыт практически во всех странах АТР. Не откажется найти новых партнеров в разных городах страны. Среди побочной деятельности — активное спонсорство, в том числе малоимущие, художественные выставки, экспедиции Конюхова и многое другое.

Итак, знаменуя близкое начало экспедиции, во дворе красноярского клуба спелеологов уже стоял упакованный контейнер с компрессором, баллонами, продуктами... Чеченские события зацепили и нашу вполне мирную компанию — в конце декабря была закрыта граница с Грузией, на неопределенный срок и, как поначалу казалось, без вариантов отложив столь тщательно подготовленную экспедицию. Мы однако не успокоились и затеяли новую переписку. Несколько кабинетов отсылали нас друг к другу, пока зам. главы администрации Приморья В. А. Стегний не поговорил по телефону с директором федеральной погранслужбы (так, с непривычки забавно, называется теперь

главком погранвойск) генералом Николаевым и последний дал распоряжение: спелеологов — пропустить. Спасибо им обоим за эту помощь, но время уже ушло. Переписка, звонки и контакты были закончены к февралю, а железная дорога могла перевезти наш контейнер не быстрее, чем за месяц. Почти все можно было взять с собой, но компрессор в самолет «не входил»...

В марте в горах начинается таяние снегов, и работа на Мчиште становится если не невозможной, то, во всяком случае, более опасной. Теперь мы ждем следующей малой воды. По многолетним данным, это будет октябрь, и, хотя год на год не приходится, именно на октябрь мы планируем следующую экспедицию.

У кого-то, у Шукшина, кажется, было сказано: «За державу обидно!». Мы начали нырять на Мчиште в 1976 году, работали там 1-2 раза в год и только в 1986 прошли первый сифон, стали работать в подземке и уже чему-то научились в непростой организации работ в сифоне и за сифоном. Четыре года потеряно из-за войны, вот еще год ушел. Если разобраться — сколько лет каждому из нас осталось для такой работы? Наши ветераны стареют, уходят в семью, в бизнес, просто в сторону, никому не передавая наработанный такой ценой опыт*. Стареет и портится снаряжение. Очень не хочется, чтобы на Мчиште вместо нас работали те, кто может без проблем поддерживать снаряжение и навыки — скажем, американцы, а мы сгодимся к тому времени только на то, чтобы подносить им баллоны.

На такой грустной ноте заканчивать, однако, не хочется. Мчишта слишком много значит для нас. А стало быть, мы все равно будем там работать, будут новые экспедиции и новые результаты. Присоединяйтесь! «До будущей горы!»

Андрей НОР

Владивосток, март 1995 г.

*) Когда писались эти строки, Володя Киселев был еще жив и активно участвовал во всей спелеодеятельности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ МЧИШТА (<i>Вместо предисловия</i>).	3
Дневник первый	
МЧИШТА, ЗИМА 1988.	6
Дневник первый (<i>продолжение</i>)	
СЕЛО ГЛУГИ, ЗИМА 1988	18
Дневник второй	
МЧИШТА, ОСЕНЬ 1988.	24
Дневник третий	
МЧИШТА, ЗИМА 1991.	33
Дневник четвертый	
АБХАЗИЯ, ЛЕТО 1994.	58
Петр МИНЕНКОВ (<i>Из воспоминаний участника событий</i>)	
ТАК ЭТО БЫЛО.	67
Владимир КИСЕЛЕВ (<i>Вместо послесловия</i>)	
ПО СЛЕДУ ЛАДЬИ.	77
КАРТЫ И СХЕМЫ.	83
ПЕЩЕРА-ИСТОЧНИК МЧИШТА (<i>хронология исследований</i>).	87
«ПОКА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР».	89

8 марта 1995 года при первопрохождении сифона в пещере ЖВ-52 (Пинега, Архангельская область) трагически погиб выдающийся российский спелеолог Владимир Киселев.

Всю свою жизнь Владимир посвятил исследованию пещер. Он прошел сотни подземных полостей, многие из них первым. Его по праву считали пионером, первопроходцем, лидером отечественной спелеологии.

Владимир Киселев имел громадный авторитет и известность во всем мире. Он многие годы представлял отечественную спелеологию за рубежом, был членом десятков обществ и клубов, в том числе старейшего «Клуба Великих Путешественников» из Нью-Йорка.

Владимир Киселев много работал над рукописью «Дневников» Андрея Нора и как член редколлегии «Библиотеки спелеолога», и как специалист-спелеоподводник, и как один из активных участников описанных событий. Страшно осознавать, что Владимир уже не сможет увидеть эту книгу...

Гибель выдающегося исследователя потрясла всех. Десятками факсов, телеграмм, телефонных звонков отзывалась планета: Россия, Прибалтика, Украина, США, Великобритания, Франция, Ирландия... Те, кто смог, собрались со всех концов страны, чтобы проводить в последний путь своего друга, учителя, соратника. Память о великом Человеке, Спелеологе и Друге навсегда останется в наших сердцах.

Редколлегия

Библиотечка спелеолога

НОР Андрей Вилорович

Мчишта

Дневники спелеоподводника

Редактор издательства *Я. Ф. Симонова*

Оператор ДТРС *Л. Г. Быканова*

Сдано в набор 12.11.94. Подписано в печать 10.04.95.

ЛР 040060 от 21.08.91. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная, печать офсетная.

Усл. п. л. 5,58. Уч. изд. л. 6,55

Тираж 1000. Заказ 455

Оригинал макет подготовлен в издательстве МФТИ

141700 Долгопрудный Московской обл. Институтский пер., 9

Отпечатано предприятием «Шанс»

127412 Москва, Ижорская ул., 13/19

Mchishta: a Cave Diver's Diaries

What is it — «caving»? A sport? A science? Tourism? Or, perhaps, as some people think, an illness, or a way of living? The author of this book, not claiming completeness or objectivity, believes that this is the most deserving area of human activity, which enables one to combine all the above things happily.

The main object of interest in caving for the author was the investigation of the spring cave, Mchishta, on the Bzyb ridge of the Caucasus. Several kilometers in from the Black Sea, at the foot of a karst massive popular among cavers, the river Mchishta drains out from under the rock. With its yield of 10 to 200 cub m per second, Mchishta is the largest karst spring in the former USSR or, during flash floods, even in the world.

On the top of the massive about 400 caves were investigated, including the deepest abyss in the country, Pantiukhinskaya Cave (-1508 m). Dyeing water in many of them showed that in all cases the water flowed out through Mchishta. Thus, the existence of a hydrosystem with a vertical range of some 2350 m was proved. This hydrosystem was considered to be the deepest in the world for some years, before the exploration of the Cheva System in Mexico.

Diving into the well began in 1976. The length of the sump increased as our experience grew. Finally, in 1986 the leading cave diver of USSR, Peter Minenkov from Krasnoyarsk, in partnership with Vladimir Gritsikhin from Rostov-on-Don, passed the 45 m deep lowest point and reached an air «bubble». Since that time the 250 m long sump remained the most difficult in this country — a dream for beginners, and the benchmark for experienced cave divers.

Further expeditions discovered a bypass into the dry cave beyond the sump, and put the safety wire, which facilitated subsequent passing but didn't make it absolutely safe. By now, several many-days-long expeditions had place beyond the sump. During these, more than 4500 m of passages were mapped, and the passing of two further sumps began. One of them, with its depth of 55 m and its length of 360 m, won the doubtful glory of being the most difficult sump in this country.

This work revealed the limits of our capabilities — sometimes unpleasant incidents happened which did not always have a happy end: while passing the first sump, two excellent lads were lost — Sergey Shadrin from Tomsk, and Alexander Kashlev from Vladivostok, the latter being a close friend of the author, and to whose memory this book is dedicated.

Our «records» do not match the best world achievements in underwater caves, and there are reasons for it. For many years cave diving in USSR was not welcomed by the authorities, to say the best of it. We worked with imperfect and mostly self-made equipment. We had no opportunity to dive as far and deep as the leading cave divers of the world, nevertheless we achieved significant results in the extended expeditions beyond the sump. Only in recent years were the impediments removed, and the equipment used by cave divers all around the world became accessible (though very expensive for us). At the same time, other problems arose — the last five years were lost because of continuous military action in the Caucasus. Nonetheless, we believe that this nightmare will come to an end, and new expeditions and new research will take place. The next trip is scheduled for October 1995. Wish us good luck!